

МАРК УРАЛЬСКИЙ

Чехов и евреи

по дневникам,
переписке
и воспоминаниям
современников

Марк Уральский

**Чехов и евреи по
дневникам, переписке и
воспоминаниям современников**

«Алетейя»

2020

УДК 821.161.1 Чехов.06 + 929
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Чехов А.П.

Уральский М. Л.

Чехов и евреи по дневникам, переписке и воспоминаниям
современников / М. Л. Уральский — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-039-3

В книге, посвященной теме взаимоотношений Антона Чехова с евреями, его биография впервые представлена в контексте русско-еврейских культурных связей второй половины XIX – начала XX в. Показано, что писатель, как никто другой из классиков русской литературы XIX в., с ранних лет находился в еврейском окружении. При этом его позиция в отношении активного участия евреев в русской культурно-общественной жизни носила сложный, изменчивый характер. Тем не менее, Чехов всегда дистанцировался от любых публичных проявлений ксенофобии, в т. ч. антисемитизма, со стороны представителей правоконсервативного лагеря, с которыми он был дружен и сотрудничал на литературном поприще. В отдельной главе книги рассматривается история дружбы Чехова с Исааком Левитаном в свете оппозиции «свой – чужой». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1 Чехов.06 + 929
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Чехов А.П.

ISBN 978-5-00165-039-3

© Уральский М. Л., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Предисловие: Тема «Чехов и евреи» с позиции современности	6
Введение: К постановке темы[3]	9
Глава I. Антон Чехов в окрестностях Таганрога: становление личности[23]	29
Глава II. Антон Чехов и «эпоха великих реформ»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Марк Уральский
Чехов и евреи по дневникам, переписке
и воспоминаниям современников

© М. Л. Уральский, 2020

© Г. Мандри, предисловие, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Предисловие: Тема «Чехов и евреи» с позиции современности

Для читателей, знакомых с книгами Марка Уральского «Горький и евреи», «Бунин и евреи», данная книга будет, несомненно, воспринята как следующий логично мотивированный шаг писателя в направлении раскрытия исследуемой им темы русско-еврейских культурных связей конца XIX – начала XX века. Тема, затрагиваемая Уральским, по целому ряду исторических причин мгновенно вызывает ассоциации с полемикой по «еврейскому вопросу», что имела место в русском литературном сообществе того времени. Однако в ряду классиков, о которых пишет Уральский, только сильно политизированный Максим Горький публично заявлял себя в этом дискурсе. И Лев Толстой, и Чехов, и Бунин, декларировавшие свою аполитичность, от него всячески дистанцировались. И действительно, от «портретного» Чехова в интеллигентском пенсне и аккуратненьком пиджаке читатель никак не ожидает грубых антисемитских выпадов, которые позволял себе Федор Достоевский и – в особенности, Василий Розанов.

Если мы посмотрим на Чехова с точки зрения современного мировидения, когда визуальные репрезентации воспринимаются как «имидж», а фотографии – как «перформанс», то его привычный нам со школьной скамьи «иконографический» образ приобретет совсем иные очертания. Затрапезный чеховский люстриновый костюм окажется тщательно подобранной стратегией, суть которой была в том, чтобы создать устойчивый образ «скромного человека дела». Материал костюма в этой знаковой системе был маркером демократичности. По словам Бунина, Чехов в первый период их знакомства держал дистанцию, подчеркивая разницу в их происхождении, и с достоинством заявлял значимость своего положения в социальной иерархии тогдашнего общества. Вот именно в этом моменте, содержащем риторический вопрос: какое место я, с учетом моего происхождения, могу занимать в современном обществе, мне видится главная завязка темы «Чехов и евреи».

Книга Уральского уделяет большое внимание исторической периодизации положения еврейства в России, которая совпадает с жизнью Чехова. Такой подход представляется чрезвычайно уместным и особенно потому, что все этапы воспитания личности Чехова, его вхождение в профессиональную литературную среду, совпадают с периодом массового появления ассимилированного и аккультурированного¹ еврейства в российском обществе. Уральский цитирует Марка Алданова – тонкого знатока русской истории «эпохи великих реформ», который в статье «Русские евреи в 70-х – 80-х годах» писал:

Будет вполне естественно, если будущее историографы русской интеллигенции, как дружелюбно расположенные к евреям, так и антисемиты, начнут новую главу ее истории, с тех лет, когда евреи стали приобщаться к русской культуре, так как роль евреев в культурной и политической русской жизни в течение последнего столетия было очень велика. Главу эту следует начинать с конца 70-х и начала 80-х годов минувшего века.

Первый значимый факт в истории взаимоотношений Чехова с современниками-евреями относится к периоду антиеврейских погромов 1881 года. Тогда Чехов-студент медицинского факультета писал своему соученику по таганрогской гимназии будущему правоведа Савелию Крамареву, что погромы произошли там, где люди «не заняты делом». В такой оценке тех трагических событий уже видна сердцевина пафоса зрелого Чехова, знаменитого писателя и дра-

¹ Аккультурация (лат. acculturare от ad «к; приближение» + cultura «образование, развитие») – процесс взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа.

матурга: искать панацею от социальных и личных невзгод в активном общественно полезном труде. Из этого письма создается впечатление, что сам Чехов, тогда еще совсем молодой человек, делает главную ставку на усердную учебу, надеясь благодаря полученному таким путем образованию, выбраться из среды, где властвует тьма – той среды, которая ему самому была знакома с детства. Здесь налицо параллель между ситуацией самого Чехова и его одноклассника-еврея – оба они стремятся уйти из родовой среды и единственный путь для них «выбиться в люди» – это упорный труд и учение.

Начав заниматься литературным трудом – в первую очередь для улучшения своего материального положения, Чехов, выступая как юморист, в начале своей писательской карьеры полностью опирается на определенную литературную традицию. Он наследует из наработок своих предшественников образы «смешного, жалкого еврея» – гоголевский Янкель, и стилизованный под него Исая Бумштейн в «Записках из мертвого дома» Достоевского:

Нашего жидка, впрочем, любили <...> арестанты, хотя решительно все без исключения смеялись над ним. Он был у нас один, и я даже теперь не могу вспоминать о нем без смеху. Каждый раз, когда я глядел на него, мне всегда приходил на память Гоголев жидок Янкель, из «Тараса Бульбы», который, раздевшись, чтоб отправиться на ночь с своей жидовкой в какой-то шкаф, тотчас же стал ужасно похож на цыпленка. Исая Фомич, наш жидок, был как две капли воды похож на общипанного цыпленка.

Здесь, конечно, следует, памятуя гоголевскую фразу: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь...», воспринимать карикатурные образы евреев, созданные в русской литературе, как сложный культурологический феномен. Чехов плоть от плоти был учеником гоголевской школы и не мог, будучи прозорливым и вдумчивым аналитиком всего «человеческого, очень человеческого», не подметить подоплеку юмора Гоголя. Гоголь смеялся над Собакевичами, но, в общем то, был сам маргиналием в доминантной тогдашней культуре. И стоит задуматься над тем: кто Гоголю был ближе – Янкель с Сорочинской ярмарки или Собакевич? Было бы слишком наивным полагать, что Чехов не понимал сложной многоуровневой природы гоголевских комических образов.

Как документалист, писатель-исследователь Марк Уральский проделал громадную работу, собрав самый разнообразный, во многом недоступный широкому читателю материал по теме «Чехов и евреи». Помимо собственных, очень тактичных и ненавязчивых обобщающих выводов он знакомит читателя с интерпретациями текстов Чехова западными славистами, которые в частности проводят параллели между личными знакомыми писателя и его персонажами. Очень подробно рассмотрены Уральским вопрос об отношениях между Чеховым и Левитаном, причем в контексте оппозиции «свой – чужой», ранее никогда не ставившийся в такой плоскости исследователями. Включенные в книгу и прокомментированные им письма Левитана к Чехову представляются в этом контексте своего рода лакмусовой бумажкой, тестом для определения характера личностных связей Чехова с евреями. Чехов, при всем своем природном скепсисе, дружбе с А.С. Сувориным и сотрудничестве с его юдофобской газетой, был душевно очень привязан к Левитану, а тот, в свою очередь, к нему. Это свидетельствует о том, что в плане личных контактов писатель действительно придерживался принципа жить «по правде», а не по партийной или групповой принадлежности.

В книге Уральского читатель найдет высказывания о значимости эпистолярного наследия для понимания Чехова. Здесь представляется важным подчеркнуть, что оценивая разного рода высказывания Чехова в письмах, следует учитывать личность адресатов. Переписка двух лиц строится на основании истории их отношений, которая подразумевается, но не оговаривается. Радикальные и некорректные мнения часто являются индивидуальной «настройкой», учитывающей мировоззрение и политические взгляды корреспондента. Таким образом, анализ мнений, высказанных в письмах, следует начинать с вопроса – почему это говорится в письме к

конкретной личности. Переписка Чехова не является исключением из этого правила, и подбирать оценочные аргументы здесь следует очень осторожно, без наивного поиска «окончательных ответов» на возникающие щекотливые вопросы, в том числе, касающиеся еврейской темы.

Для того чтобы понять тогдашнюю включенность литературного процесса в публичный антисемитский дискурс, можно рассмотреть письмо А.П. Чехова от 17 января 1897 г. А.С. Суворину, касающееся деятельности знаменитого французского микробиолога русско-еврейского происхождения доктора В. Хавкина. Примечательно, что Чехов выражает свое неприятие шельмования евреев-профессионалов в России в письме к такому адресату, как Суворин, чья газета «Новое время» являлась главным рупором антисемитской риторики:

Насчет чумы, придет ли она к нам, пока нельзя сказать ничего определенного. <...>. Карантинная мера не серьезная. Некоторую надежду подают прививки Хавкина, но, к несчастью, Хавкин в России не популярен; «христиане должны беречься его, так как он жид».

Поражает при этом и взаимопонимание между Чеховым и Сувориным в том, что к любому – даже всемирно прославленному еврею, в России относятся со средневековым подозрением и что такое положение вещей есть признак «власти тьмы». Как здесь не вспомнить об антисемитском «Деле врачей», инициированном Сталиным в 1951-ом году, и построенном именно на таком же диком представлении о евреях-отравителях христиан! Очевидно, что порочность этой мифологемы была ясна как Чехову, так и Суворину, чья газета, тем не менее, всегда, по соображениям политической ангажированности с правоконсервативным лагерем, будет манипулировать такого вида предрассудками. Письмо Чехова является историческим документом, который позволяет понять нюансы и различия между личным диалогом и общественным дискурсом. Такой документ объясняет, что многие литераторы и издатели совершенно сознательно, с политической позиции или из-за меркантильного интереса, задавали тон антисемитскому дискурсу, прекрасно понимая при этом, что между их собственными взглядами и мнениями толпы лежит полоса интеллигентской отчужденности.

Несомненно, «глубинный Чехов» намного сложнее, чем сумма фактов его жизни, или мнений, высказанных в письмах, поэтому читатель найдет много нового для себя в тех работах исследователей его творчества, которые Уральский включил в свою книгу. В их интерпретациях, включая и мое прочтение произведений Чехова, имеется, конечно, большая доля субъективности. Установка на оригинальность прочтения, тем не менее, не должна затуманивать роль исторических факторов в жизни писателя. Напомню, что наше желание обращаться к Чехову, очень часто мотивируется его умением взглянуть на своих героев с иронической перспективы, что облегчает наше восприятие не только окружающего мира, но и самих себя.

Каждое новое поколение будет продолжать читать произведения Чехова со своей точки зрения. Возможно, что именно *не-идеальность* Чехова, его тщательно продуманное позиционирование себя в дискурсе своего времени, больше всего сближает его с современным читателем, скептиком и прагматиком, давно утратившим наивность чеховских «трех сестер». В этом отношении книга Уральского занимает особое место, поскольку представляет современному читателю личность Чехова в неведомом ему доселе ракурсе видения.

Генриетта Мондри²

² Professor Henrietta Mondry, University of Canterbury (Neuseeland): URL: <https://www.canterbury.ac.nz/arts/contact-us/people/henrietta-mondry.html>; <https://scholar.google.com/citations?user=5InWu6QAAAAJ&hl=en>

Введение: К постановке темы³

Посвящается Анне Розановой-Уральской

Творчество Антона Павловича Чехова – писателя и драматурга эпохи модерна, востребовано и актуально уже более ста лет. Сегодня, как и прежде, Чехова – вопреки известному утверждению Марка Твена, что классиков никто не читает, их только все хвалят – и читают, и превозносят. Его пьесы ставят на сцене, в том числе балетной и оперной⁴, часто экранизируют. Можно утверждать, что чеховский художественный мир находится в резонансе с пост-индустриальной современностью.

Индекс цитации Чехова в современной литературе – самый высокий из русских классиков. Чеховский мир, который еще недавно, в советское время, был в лучшем случае объектом ностальгии, сейчас воспринимается как прямой предшественник постмодернистского разорванного сознания, «частей без целого». Это если и странно, то не ново: можно вспомнить, что православные читатели, начиная с о. Сергия Булгакова, марксисты, начиная с В. Воровского, экзистенциалисты, начиная с Льва Шестова и т. д. и т. п., – всегда находили в Чехове то, что искали: веру и атеизм, гуманизм и убийство надежд, революцию и эволюцию, комедию и трагедию, анекдот и притчу, гедонизм, пантеизм, всепрощение, гносеологию, принятие мира полностью без остатка и философию отчаяния [СТЕП.А. С. 12].

За рубежом Чехов также привлекает к себе пристальное внимание историков литературы и филологов. По свидетельству английского слависта Дональда Рейфилда, автора наиболее подробного в биографической литературе труда «Жизнь Антона Чехова, русского классика почитают сегодня: как отца-основателя современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, – как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако <...> понять, что он «имел в виду», совсем непросто, – так редко он раздает оценки или что-либо объясняет. Из прозы Толстого или Достоевского мы можем реконструировать не только их философию, но также их жизнь. Из чеховских произведений, включая письма, мы извлекаем лишь мимолетные и противоречивые впечатления о его внутреннем мире и житейском опыте [РЕЙФ. С. 11; 12].

В контексте темы настоящей книги особо отметим, что Чехов – популярнейший из классиков русской литературы в сегодняшнем Израиле. За ним, пожалуй, следует Достоевский, но чеховское поле распространения ощутимо шире и многоохватнее. <...> Влияние трех великих русских писателей – Толстого, Достоевского, Чехова, продолжающих триумфальное шествие в мире, в разные периоды <истории государства Израиль – М.У.> было различным, но «здесь и сейчас» явно «лидирует» Чехов.

Более того, здесь, как и на Западе, имя его в мировой драматургии стоит рядом с Шекспиром. <...> Сборники рассказов и отдельные произведения Чехова издаются на иврите еже-

³ Автор выражает глубокую признательность Алефтине Кузичевой и Дональду Рейфелду за дружескую консультативную помощь в написании настоящей книги.

⁴ Оперы «Вишневый сад» Алексея Мартынова и Филиппа Фенелона (Франция), балет «Чайка» Родиона Щедрина.

годно многотысячными тиражами. И такая все растущая потребность книжного рынка естественна, так как образцы чеховской прозы изучаются в израильской школе – причем дважды: на средней и на завершающей ее ступенях. Имя Чехова, цитаты, сравнения с чеховскими персонажами наполняют текущую периодику разного рода, даже ежедневную ивритскую прессу общего назначения [ГУР-ЛИЦ. С. 254; 260].

Чеховская «Чайка», поставленная в 1974 г. в тель-авивском Камерном театре (реж. Леопольд Линдберг) произвела тогда подлинный переворот в умах и вкусах, вызвала признания, что Чехов «ближе нам», чем израильские пьесы. <...> Габимовский же «Дядя Ваня» <1986 г., реж. Хана Сапир> вообще, пожалуй, стал уникальной легендой израильской сцены. Он прошел более 200 раз, продолжая неизменно вызывать волнение и сочувствие публики [ГУР-ЛИЦ. С. 273].

При столь высокой всеобщей оценке писателя нельзя сказать, что Чехов понят как целостное явление, еще шире – как феномен русской культурной жизни и как пример русской судьбы. Между тем в этом отношении он значим не менее, чем Пушкин или Толстой. Значительность, масштабность фигуры Чехова как-то не входят в сознание даже самых горячих его поклонников, Чехова как-то трудно назвать «гением». Его канонический образ – скромного, не лезущего на передний план человека – совершенно заслонило подлинное лицо Чехова. Но значительный художник не может быть «простым человеком» – «тихим» и «скромным»: новое содержание, им в жизнь вносимое, всегда – скажем так – революционно. Чехов – революционное явление, и не только как писатель (это не оспаривается), но и как новый тип русского человека, очередная ступень в движении русской жизни [ПАРАМ. С. 258].

Во многом именно по этой причине в России, ставшей на добрые 75 лет Союзом Советских Социалистических Республик, Чехова всячески пытались встроить в господствующую тогда в обществе идеологическую модель. Таковой являлось марксистско-ленинское учение, на основе которого его адептами для «инженеров человеческих душ»⁵, было разработано своего рода методологическое пособие, получившее с легкой руки Иосифа Сталина [ГРОН. С. 336] название «метод социалистического реализма» [ДОБР].

Соцреализм, являясь «основным методом советской художественной литературы и литературной критики», обязывал художника в первую очередь заниматься «задачей идейной перделки и воспитания в духе социализма». Советская литература, которая создавалась в рамках этого метода, должна была, в первую очередь, *поучать*: как жить, как работать, во что верить и кому доверять. В этом качестве она, несомненно, выступала законной преемницей классической русской литературы, которой также была присуща патерналистская поучительная идейность, берущая свое начало из Евангелий и наставлений Святых Отцов. Вот, например, цитата из сатирической сказки Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «Ворон-челобитчик», которая, если не знать, кто ее автор, звучит вполне в духе советской орнаментальной прозы:

Посмотри кругом – везде рознь, везде сваря; никто не может настоящим образом определить, куда и зачем он идет... Оттого каждый и ссылается на свою личную правду. Но придет время, рассеются как дым все мелкие «личные правды». Объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придет и весь мир осияет. И будем мы жить все вкупе и влюбсе.

⁵ Фраза «Инженеры человеческих душ» приписывается писателю Юрию Карловичу Олеше (1899–1960), но крылатой она стала благодаря Сталину, который, не скрывая, впрочем, чужое авторство.

Можно даже говорить о некоем «тоталитарном ядре русской литературы», подразумевая под этим одержимость самых разных русских писателей – что в XIX, что в XX веке – задачей переделки человека, подчинения его тому или иному авторитарному началу и тем самым принесения в жертву свободы его личности [АГЕЕВ. С. 18].

Своеобразием русской классической литературы XIX в. стала ее *идейность*. Развиваясь в условиях отсутствия в стране свободы слова, собраний и печати, литература в России вбирает в себя философию, политику, эстетику и этику и таким образом становится ведущей формой общественного сознания.

У нас в изящной словесности да в критике на художественные произведения отразилась вся сумма идей наших об обществе и личности, – утверждал один из ведущих литературных критиков-шестидесятников Дмитрий Писарев [ПИСАР. С. 192]. Поэтому русская публика воспринимала литературу как явление общественного самосознания, а писателей – как, непременно, выразителей тех или иных идей, ее духовных учителей, защитников и спасителей.

Придя к власти, большевики взяли на вооружение эти заложенные в 60-х–70-х годах XIX в. принципы *идейности* литературы, которые требовали от гражданина наличия нестигаемой веры: в освященные историей культуры и общественной мысли сверхличностные ценности: «большие нарративы», – сказали бы сейчас, «идеалы» – говорили тогда. Именно приверженность сверхличному, а не узкая политическая тенденция объединяла, «начиная с последней трети XIX в.», позитивные программы критиков и писателей самых разных направлений. Отсюда культ честности, совести, жертвоприношения, конституции, революции, дельности, дел и деятелей – больших или малых, лишь бы они служили другим, а не себе. Самореализация возможна только за счет подавления собственной субъективности на службе Другому, вплоть до самоотрицания – в этом состояла утверждаемая литературой реализма этическая и даже психическая норма. Всякому, кто от нее отклонился, надо было разьяснить его ошибку <...> [СТЕП.А].

Принцип «идейности» стал тем связующим, которое сцепило критически-протестную и проникнутую в целом экзистенциальным пессимизмом русскую классику с советской пафосно-оптимистической литературой, воспевающей, согласно жесткому требованию соцреализма тип «человека нового общества». На его остовах большевики объявили соцреализм наследием критического реализма, тем самым обосновав право советской литературы на историческую преемственность русской классической традиции. Однако в процессе создания стройной и непротиворечивой концепции развития русской литературы от критического до социалистического реализма советским литературоведам предстояло преодолеть значительные трудности. В первую очередь это касалось Чехова – самого «безыдейного» русского классика.

Кто из критиков в 1880–1890-е годы не упрекал Чехова в «безыдейности» его творчества, в отсутствии у него «направления»?!! Особенно старались демократы, бывшие народники (Михайловский, Скабичевский и др.), но даже Лев Толстой, всегда восхищавшийся художественным мастерством автора «Душеньки» и «Палаты № 6», ворчал иногда: никак не пойму, что он хочет сказать и куда клонит?! [БАРЗАС].

Чехова много раз сравнивали с Мопассаном, и я помню, как проницательные люди, всегда исследующие, кто кому подражает, обвиняли Чехова в подражании Мопассану. С тех пор прошло много времени, и Мопассан остался Мопассаном, а Чехов сделался Чеховым. В них, несомненно, есть общее, и не только в манере и красках, но и в темах, которые они выбирали; но вот какая существенная разница между русским и французским Мопассаном. Мой хороший знакомый, знаменитый русский ученый, рассказывал мне про свою встречу с Мопассаном

у Тургенева. Это было вскоре после смерти дяди Мопассана, Флобера; Мопассан пришел к Тургеневу, которого он, после смерти дяди, называл своим *cher maître*’ом⁶, посоветоваться о газете, которую он вместе с компанией литературной молодежи <...> хотел основать в Париже. Тургенев спросил его, какими же принципами будет руководиться газета, и Мопассан ответил: «*Pas de principes!*»⁷ И ответил спокойно и решительно, как программу, как зная своей газеты. Чехов редко и неохотно говорил о своих литературных неудачах, но я не слыхал большей горечи в его голосе и не чувствовалось большей обиды, как в тот раз, когда он рассказывал мне, как в одном толстом журнале о нем было напечатано: «В русской литературе одним беспринципным писателем стало больше...» [ЕЛПАТ].

Обвинения такого рода Чехова раздражали и обижали, т. к. он четко различал понятия «беспринципность» и «безыдейность». Принципы у него были и очень твердые, особенно, когда дело касалось проявлений несправедливости в личном или общественном плане. А вот подпасть под влияние тех или иных общественно-политических идей, стать, говоря современным языком, человеком ангажированным, он всегда очень боялся:

Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентнист. Я хотел бы быть свободным художником и – только <...> Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий⁸, так и Нотович с Градовским⁹. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником (А.Н. Плещееву, 4 октября 1888 г.).

Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно... (Д.В. Григоровичу, 9 октября 1888 г.).

Требуя от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус. (А.С. Суворину, 27 октября 1888 г.) [ЧПСР. Т. 3. С. 11, 18, 45].

Младший современник Чехова Марк Алданов в письме к их общему другу Бунину от 9 октября 1950 года ставит вопрос: «Есть ли великие писатели, не служившие никакой идее?» и далее говорит: я пришел к выводу, что Бальзак был единственным большим писателем, никакой идее не служившим. Проверял себя и проверяю. В русской литературе, конечно, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев «служили» (самому неловко писать это слово, но Вы меня поймете не в оплошляющем смысле). Однако служил ли Пушкин? Служил ли Чехов и Вы? Я ответил себе утвердительно: да служили. Чему именно? Какой идее? Если б такие слова не были

⁶ *Cher maître* (*фр.*) – дорогим учителем.

⁷ *Pas de principes* (*фр.*) – Никаких принципов!

⁸ Консистория – в Русской православной церкви учреждение при епископе по управлению епархией.

⁹ Осип Нотович и Константин Градовский – известные в конце XIX в. либеральные публицисты, печатавшиеся в газете «Новости». Т. о., Чехов здесь декларирует свое неприятие как клерикально-консервативной, так и либерально-демократической идеологии.

невозможны и просто непроизносимы, я ответил бы, что и Пушкин, и Чехов, и Вы служили «добру и красоте». Вязнут слова, но по-моему это так [ГРИН. С. 142].

Характеристической особенностью биографии Антона Чехова является то несомненное обстоятельство, что в своем служении «добру и красоте» он чутко и органично вписывался в актуальные идейные движения своего времени, сторонясь при этом их крайних проявлений. В «эпоху великих реформ» молодой Чехов – умеренный демократ-разночинец, в последовавшие затем так называемые «годы контрреформ и реакции» – умеренный охранитель-прогрессист, в эпоху «модерна» – умеренный либеральный демократ.

Для советской идеологии, заикленной на однозначном решении всех жизненных коллизий с позиции «классовой борьбы», такого рода позиционирование художника звучало кощунственно. Поэтому во всей своей интеллектуальной и художественной полноте Чехов – один из самых тонких и проницательных европейских беллетристов-психологов, никоим образом не мог быть встроены в линейку русско-советских классиков литературы.

Вот писатель, который отказался сотрудничать с Богом и государством, которого совершенно невозможно адаптировать в духе любой идеологии – настолько у него мало точек соприкосновения с тоталитарным мышлением [АГЕЕВ. С. 18].

На заре Серебряного века Николай Бердяев провозгласил новую «безыдейную» мировоззренческую парадигму:

Культурный человек конца XIX века возжелал освобождения от натуральной необходимости, от власти социальной среды, от ложного объективизма. Индивидуум вновь обратился к себе, к своему субъективному миру, вошел внутрь; обнажился мир внутреннего человека, придавленный ложным объективизмом природы и общества. В самом утонченном и культурном слое началась эпоха психологическая, субъективная; все объективное сделалось пресным, все закономерное – невыносимым [БЕРД-СОЧ. С. 122].

Чехов был именно таким «культурным человеком конца XIX века», который от имени писателя нового поколения скептиков-индивидуалистов утверждал, что «социально ничтожное» тоже «может быть художественно значимым».

Чеховское настороженное и недоверчивое противостояние «декадентам» стало его вкладом в грядущую модернистическую культуру [ТОЛСТАЯ Е. (II). С. 338].

Философа-персонализма Николая Бердяева – одного из ярчайших представителей русского модернизма, не впустили в храм советской культуры. Но Чехову с его «энергией отрицания» и стоическим противостоянием «миру дольнему», отвели в нем одно из самых почетных мест. Однако его, как и других русских классиков, предварительно адаптировали, подогнали, с помощью отсечений, искажений и умолчаний, под нужные шаблоны, и только затем встроили в советизированную концепцию истории русской литературы.

Глеб Струве, назвавший свою статью о 20-томном издании сочинений Чехова 1940-х годов «Чехов в коммунистической цензуре», указал в ней на десятки купюр, по большей части идеологического характера, которые сделали в текстах писателя редакторы этого собрания» [КАТАЕВ В.(I)].

Поскольку «в чеховских произведениях», – можно найти, – все, что созвучно собственной душе – от святого всепрощения до сатанинского скептицизма» [СТЕП. А. С. 5], он был объявлен обличителем язв российского общества, в первую очередь «мещанства». Всюду, от

школьных учебников до энциклопедических словарей, звучали одни и те же казенные фразы, что, Чехов-писатель разоблачал, обвинял, провозглашал, что «дальше так жить невозможно», призывал «веровать или искать веры»...

Но буквально в тех же выражениях, что и о Чехове, писались статьи о Салтыкове-Щедрине, Глебе Успенском... Эта линия на пике отдельных идеологических компаний раздувалась до самых фантастических утверждений, типа «Пушкин – борец с царизмом», «Чехов – революционер» и т. п.

Прямо и сознательно обслуживали официальную установку на создание облика «нашего» Чехова с середины 40-х годов Владимир Ермилов и его школа. <...> Чеховскую Чайку, как было остроумно замечено, гримировали под горьковского Буревестника – такова была цена официального признания и даже пиетета по отношению к Чехову [КАТАЕВ В.(I)].

По поводу программной – с точки зрения того, как «должно» советскому человеку относиться к Чехову, – книги Ермилова Иван Бунин в письме к Марку Алданову от 31.07/1.08.1947 г. сообщал:

Только что прочел книгу В. Ермилова (*Ермилов В. Чехов. Молодая гвардия*, 1946). Очень способный и ловкий с<укин> с<ын> – так обработал Ч<ехова>, столько сделал выписок из его произведений и писем, что Ч<ехов> оказался совершеннейший большевик и даже «буревестник», не хуже Горького, только другого склада [ЗВЕЕРС. С. 176].

Благодаря такого рода деятельности ряда советских партийных литературоведов в наследие будущим поколениям вместе с огромным объемом научно проработанной документальной информации, составляющей основной корпус современного чеховедения, достался и целый набор идеологически мотивированных штампов, искажений и фигур умолчания. Полное собрание сочинений и писем Чехова в 30 томах, опубликованное в Москве в 1973–1983 гг., снабжено в высшей степени исчерпывающим и информативным академическим аппаратом, дающим в руки исследователю богатый и многообразный материал [РЕЙФ. С. 12].

Однако примечания, касающиеся вопросов религии, церкви и еврейской проблематики составлены поверхностно и уклончиво. Но особенно в этом издании не повезло 12-ти томному эпистолярию писателя – области литературного наследия, где во всей полноте повседневного бытования раскрывается образ Чехова. Существовала директивная установка избегать «дискредитации и опошления» образа писателя (формулировка из постановления <Отдела пропаганды и агитации> ЦК КПСС, запрещающего публикацию некоторых чеховских текстов) [РЕЙФ. С. 14].

<Перед литературоведами> ставилась задача очистить письма от всего, что могло бы потенциально повредить официальному облику Чехова – святого, лишенного сексуальной жизни, чей словарь был абсолютно непорочен [КАТАЕВ В.(II)].

По этой причине при подготовке переписки для полного собрания сочинений Чехова целый ряд писем был опубликован с «безжалостными купюрами». Из корпуса переписки, например, полностью была исключена обценная лексика, употреблявшаяся писателем в отдельных случаях. Также полностью изъята была информация об интимной стороне жизни Чехова, столь важная для реконструкции психофизического образа его личности.

Эволюцию отечественного чеховедения от столетнего юбилея писателя (1960 г.) до начала XXI в. проследил Игорь Сухих в статье «Чехов (1960–2010): Новые опыты чтения». Его выводы вполне в чеховской тональности – минорные по звучанию, неопределенные по существу, но все же таящие в себе надежду на то, что «Мы насадим новый сад, роскошнее этого»:

...путь, проделанный чеховедением за эти полвека, становится очевидным при сопоставлении анкет 1960 и 2010 годов. Опрошенные столь же спонтанно писатели, литературоведы, режиссеры, актеры/ актрисы говорят каждый о своем.

Для одного в иерархии великих личностей Чехов оказывается третьим после Христа и Шекспира, для другого – вторым истинно цивилизованным писателем в России, для третьего – «абсолютно реальным, но удивительным человеком, сделавшим из себя поэта».

Он – и реалист, и, «если хотите, реалист (хотя он модернист не в меньшей степени, чем Пруст...)», и «предвестник литературы абсурда, негативный метафизик и любитель острых жизненных ощущений».

Актриса утверждает, что Чехов выходит к читателю с «какой-то одной, самой важной для него мыслью», но отказывается ее формулировать. Писатель рассказывает о мистических встречах с ним в Мелихово и Таганроге. Режиссер признается, что «боялся ставить эту последнюю, гениальную и почти не удающуюся чеховскую пьеску». Врач (и тоже писатель) видит в нем настоящего христианина, а также, вопреки его собственным оценкам, настоящего врача.

Живая разногласица пришла на смену банальностям и шаблонам.

Но профессиональное чеховедение существует по своим законам.

<...>

«Попытки представить творчество Чехова наподобие круга со многими радиусами, выходящими из точечно обозначенного центра, предпринимались неоднократно, но ни одна из них подлинным успехом не увенчалась, то есть ни один ключевой тезис не оправдал себя в качестве универсальной точки отсчета (хотя активный фонд чеховианы “центробежные” исследования безусловно обогатили). Наверное, время подвести черту.

Что “мир Чехова” системен, видно и невооруженным глазом, но удовлетворительное описание системы осуществимо, как можно заключить, лишь при условии гибкого и широкого к ней подхода, учитывающего сопряжение варьирующихся, если не противонаправленных, тенденций и принципов. И это – урок на завтра».

<...>

Действительно, новый – пусть и противоречивый – образ Чехова зацементировался, оброс новыми штампами. Его «деконструкции» последних лет не столь личностны (как когда-то у Маяковского или Льва Шестова), сколь уныло-провокационны. Большого успеха они не имели.

И снова хочется чего-то свежего [СУХИХ (II). С. 20–23].

Частная жизнь Чехова – это бытовая драма во всем, по большому счету, состоявшегося человека.

В широкой интеллигентной массе укоренилась наивная версия о гуманном, всестрадающем Чехове, ходатае за измученную совесть интеллигенции – версия, закрывающая глаза на негативную природу его творчество. Чтобы вскрыть эту природу, нам пригоднее не поздний, облагороженный и разжиженный облик Чехова – столпа чахоточный гуманизма, а богатый, беспощадный, агрессивный домарковский Чехов, свирепый-ироничный и неизменно раздраженный. Раздражение и есть главный стимул всей его художественной деятельности – это яснее в записных книжках и письмах, но, если взглянуть в прозу, то и скупая Чеховская фраза вовсе не гладкая, она скорее выпрямлена невероятным энергетическим напряжением, но какая же под пленкой этой унифицирующей интонационной стремительности скрыта шершавость, какие сварливые стычки мнений, какие претензии в высказываниях <...>, какая убийственная ирония при каменном лице и, главное, какое злобное передразнивание – в особенности всего однозначно-комилфотного, генеральско-тургеневского! [ТОЛСТАЯ Е. (II). С. 12].

Жизнь Чехова, растраченная на вчувствование во все и, как отклик на столь обостренную форму психической восприимчивости, реализовывавшаяся в своего рода «поэтику раздражения» была короткой, трудной и не такой уж радостной. У него был обширный круг знакомств и было множество любовных связей (и мало истинных друзей и любимых женщин). Он вращался в самых разных сферах, имея дела с учителями, врачами, денежными магнатами, купцами, крестьянами, представителями богемы, литературными поденщиками, интеллектуалами, художниками, учеными, землевладельцами, чиновниками, актерами и актрисами, священниками, монахами, офицерами, заключенными, публичными женщинами и иностранцами. Он прекрасно ладил с людьми всех классов и сословий, испытывая неприязнь, пожалуй, лишь к аристократии. Практически всю свою жизнь он прожил с родителями и сестрой и долгое время с кем-либо из братьев, не считая тетюшек, кузин и кузенов. Он был непоседой: сменил множество адресов и проехал от Гонконга до Биаррица и от Сахалина до Одессы [РЕЙФ. С. 14].

Что же касается литературной карьеры и сопутствующих ей признания и успеха, то в этом плане жизнь Чехова выглядит редкость удачной.

Чехов был внуком крепостного крестьянина, родился в бедности, в глухой провинции, в мало образованной семье. Это могло предвещать трудную, медленную дорогу к успеху. Вышло как раз обратное. Тяжело жилось лишь в первые годы. Скоро открылись перед ним лучшие журналы России. Ему еще не было двадцати восьми лет, когда была поставлена его театральная пьеса «Иванов». В том же возрасте он получил Пушкинскую премию; сорока лет отроду стал академиком. Литературный заработок дал ему возможность очень недурно жить, содержать большую семью, купить имение, потом дачу в Крыму, путешествовать по Европе и Азии, подолгу жить в Ницце. Маркс приобрел собрание его сочинений за семьдесят пять тысяч золотых рублей. В западной Европе почти не было – да и теперь почти нет – писателей, которые проделали бы столь блестящую карьеру. Перед кем, например, из французских писателей так рано открывался доступ в Академию, в Comedie Francaise¹⁰, кому из них издатели платили такие деньги? [АЛДАН (I)].

Жизненный путь Чехова во многом типичен для представителей академически образованной интеллигенции конца XIX в. – одного из самых насыщенных и противоречивых периодов в культурно-политической жизни России! – и, на первый взгляд, ничем особенным не примечателен. Чехов не имел ни харизмы «духовного наставника» – как Достоевский и Лев Толстой, ни склонности к эпатажу и публичности, коими славились его знаменитые собратья по перу – Горький, Леонид Андреев и Куприн. Тем не менее, его жизнь всегда вызывала и по сей день вызывает неослабный интерес у читателя.

Еще в 1910 г. в статье «Чехов» знаменитый литературный критик Серебряного века Юлий Айхенвальд, рисуя психофизический портрет писателя, отмечал:

...по отношению к Чехову, наша заинтересованность его письмами еще более объясняется тем, что они – тоже творчество, что они тоже представляют собой ценный литературный памятник, художественную красоту. В нашей эпистолярной словесности займут они одно из первых мест. Литературные без литературности, непринужденные, без чванства, богатые перлами острот и юмора, и примечательных мыслей, полные оригинальных критических суждений, звучащие почти неуловимой тонкой мелодией единственного чеховского настроения, письма Чехова похожи на его рассказы: от них трудно оторваться. Распечатать письмо от

¹⁰ Comedie Francaise (Комеди Франсез) известный также как Théâtre-Français (Французский Театр) – единственный во Франции репертуарный театр, финансируемый правительством. Расположен в центре Парижа, во дворце Пале-Рояль. Основан в 1680 г. декретом короля Людовика XIV.

Чехова, пробегать его бисерные строки – это, вероятно, было удивительным наслаждением: будто в свои конверты вкладывал он драгоценные крупинки своего таланта. <...> В его письмах раскрывается натура затененная и тихая; нет пафоса, бури, яркой страстности и резких тонов; огонь приглушенный, что-то занавешенное; <...>. Но зато перед вами – личность, которая неизмеримо больше жила в себе, чем вне себя; за письмами чувствуется вторая жизнь, далекое святилище души. «Около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее»; поэтому он еще более замыкается в себя, и там, в этой последней уединенности, сохраняет изумительную свободу духа, трудную и драгоценную простоту. Чехов – человек не на людях. «Свободный художник» не только в своих произведениях, но и в своей жизни, он самостоятелен. Сдержанный, но не скупой, писатель и человек без жестикюляции, одновременно мягкий и сильный, он не поддается реальности, как системе внушений, и с дороги правды, своей правды, не собьется этот уверенный и вместе с тем скромный путник. Он сочетает в себе деликатность и сильную волю; неуступчивый в главном, в серьезном, в святом, он так податлив, нравственно щедр, нравственно любезен и услужлив там, где это не посягает на его свободную художественность и свободную человечность. Уединенный, Чехов не мизантроп. Напротив, его влечет к людям, к гостям, и очень многое в его душе объясняется именно тем, что «господа люди» пробуждали в ней как силу притяжения, так и силу отталкивания. Психологическая игра на этой противоположности слышится в большинстве его писем – отзвуков реальной жизни. Хочется беседы, соседей, дружбы, тянет к человеку, но зорко, ясновидением юмора, отчасти силой гоголевского прозрения, видит Чехов обычную картину людской суетности, спектакль наших пороков; и кругом – фальшь, лицемерие, завистничество, и в пустых или мертвых душах вьют себе привольные гнезда нечисть злобы, клеветы, сплетен. Он всем существом своим не любит шума, рекламы, публичных выступлений; <...> на просьбу об автобиографии отвечает: «У меня болезнь: автобиографофобия. Читать про себя какие-либо подробности, а тем паче писать для печати – для меня это истинное мучение»; <...> «Я отродясь никого не просил, не просил ни разу сказать обо мне в газетах хоть одно слово, и Буренину это известно очень хорошо, и зачем это ему понадобилось обвинять меня в саморекламиривании и окатывать меня помоями – одному Богу известно». «Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного»; и когда 17 октября 1896 г. в Петербурге провалилась «Чайка», то, пишет Чехов, «меня еще во время первого акта поразило одно обстоятельство, а именно: те, с кем я до 17-го дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копыя, – все эти имели странное выражение, ужасно странное... Я не могу забыть того, что было, как не мог бы забыть, если бы, например, меня ударили». Не будь этой запыленности человеческих душ, «жизнь вплотную бы состояла из радостей, а теперь она наполовину противна». При таких условиях, при таком людском соседстве как же не посторониться и не отойти, как не прикрыться шуткой и не опустить той душевной занавески, которая Чехову столь свойственна? [АЙХЕН].

Айхенвальд несколько не преувеличивал, говоря об исключительной значимости эпистолярного наследия Чехова. После выхода в свет первого шеститомника «Письма А.П. Чехова» (1912–1916):

Письма А. П. Чехова» стали самыми «читаемыми» книгами, «на которые был наибольший спрос». Их называли «вторым собранием сочинений» Чехова [ГИТОВИЧ. С. 301].

Сегодня 12 томов писем Чехова в собрании его сочинений представляют собой своего рода эпистолярную автобиографию, ибо:

Для Чехова грань между художественным вымыслом и эпистолой только в сюжетном и жанровом решении материала. Он с юности передает свои мысли в письме с такой же легкостью так же четко, композиционно законченно, без повторов и зияний, как и в художествен-

ном произведении. Его мысль всегда организована и доведена до конца, то есть продумана. Эта способность у него от природы, она присуща ему, так сказать, физиологически. Он родился с поставленным письмом, как рождаются с поставленным голосом[ГЛУШ].

Читатель писем Чехова, в полном согласии со стилистикой чеховской прозы, волен сам заполнять смысловые и документальные лакуны: додумывать сюжетные линии, искать ответы на возникающие вопросы... На этом пути ценным подспорьем ему будут книги А.П. Кузичевой «Чехов. Жизнь “отдельного человека”», А. Чудакова «Антон Павлович Чехов», Е. Толстой «Поэтика раздражения», В. Катаева «К пониманию Чехова» и Д. Рейфильда «Жизнь Антона Чехова». Последняя книга особенно интересна тем, что автор сумел восстановить по оригиналам писем Чехова и его адресатов немало купюр, сделанных в них прежними издателями, и даже пошел далее последних российских публикаций прежде «непечатных» мест из чеховских писем [КАТАЕВ В.(II). С. 258].

Представляется важным особо отметить. Что Антон Чехов стал первым *классиком* русской литературы (вторым был Максим Горький) не дворянского, а тем более, не аристократического, – как Пушкин, Иван Тургенев, Михаил Салтыков-Щедрин, Лев Толстой и, наконец, их младший современник Иван Бунин, – происхождения. В «чеховский» период русской истории, сословные различия, за которые цепко держалась царская феодально-бюрократическая власть, в интеллектуальных слоях русского общества уже воспринимались как анахронизм. Марксисты, тогда еще легальные, популяризировали идею борьбы классов, народники и либералы-прогрессисты, доминировавшие на общественно-политической сцене, настойчиво развивали представления о «новой элите» – ордене русской интеллигенции¹¹. Полемика такого рода являлась одной из важнейших составных частей общего мировоззренческого дискурса на тему поиска русской идентичности – «русская идея» [КОЧЕР], [БЕРД], идущего в русской интеллектуальной среде по сей день. Ведущие идеологи народничества Петр Лавров и Николай Михайловский (1842-1904), рассматривали интеллигенцию как социально-этическую, внеклассовую категорию, «критически мыслящих личностей», включая тех представителей образованного класса, кто болеет за судьбу народа и «может осуществлять прогресс в человечестве». В этот исторический период в русской общественной мысли преобладающим становится мнение, что интеллигенция представляет собой особый круг людей, характеризующийся специфической идеологией, моралью, особым радикальным умонастроением, типом поведения, бытом и даже физическим обликом. Главной характеристикой русского интеллигента заявлялись не интеллект и образованность, а качества сугубо нравственно-этические – стремление к добру-красоте (калогатия¹²), общественному служению и прогрессивизм. Уже после смерти Чехова, в результате неудачи первой русской революции 1905-1907 гг., которая в духовном отношении была вполне «интеллигентской», дискурс о русской интеллигенции приобрел выражено критический характер. Страсти особенно разгорелись после появления на

¹¹ Популярный в конце XIX – начале XX в. литератор Петр Боборыкин считал себя «крестным отцом» этого термина, который он ввел в 1860-х гг. в русскую публицистику, взяв за основу немецкое слово *intelligent* – умный, развитый, образованный, понимая под *интеллигенцией* представителей российского общества, из различных социальных слоев и различных профессий, отличающихся наличием «высокой умственной и этической культуры». В этом смысле наполнении слово «интеллигенция» стало употребляться и на Западе, как чисто русское понятие (*intelligentsia*), более подробно об этом см. в главе «Боборыкин и Чехов (к истории понятия “интеллигенция” в русской литературе)» в [КАТАЕВ В.(I)].

¹² Калогатия – термин, использующийся в античной этике, составленный из двух прилагательных: *καλός* (прекрасный) и *αἰθρός* (добрый), в приблизительном переводе означает «нравственная красота». В античной философии выступал как одновременно социально-политический, педагогический, этический и эстетический идеал. Человек-носитель калогатии – идеальный гражданин полиса, стремящийся к осуществлению коллективных целей гражданского общества и способный их осуществить.

свет сборника «Вехи» (1909)¹³, составленный бывшими легальными марксистами, перешедшими на позиции христианского персонализма (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Б.А. Кистяковский, А.С. Изгоев, М.О. Гершензон). В нем были уточнены понятия, рассмотрены основные характеристики и сделаны обобщающие выводы, касающиеся этого социально-культурологического феномена. Как и ранее появление в России интеллигенция рассматривалось с точки зрения поиска русской идентичности – «русская идея». Под *интеллигенцией* авторы сборника подразумевали существующий, по их мнению, лишь в России человеческий тип людей, которых вне зависимости от их социального положения и образовательного ценза, объединяет общее мировоззрение. Главной характеристикой этого мировоззрения являлись антигосударственность, антирелигиозность, отщепенчество, приверженность идеям социализма и нигилизм:

Русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование (Н. Бердяев). <...> Идейной формой интеллигенции является её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность к нему (П. Струве). <...> ...интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой центральное место отводилось проблеме распределения и равенства (Н. Бердяев). <...> Если можно было бы одним словом охарактеризовать умонастроение нашей интеллигенции, нужно было бы назвать его морализмом. <...> Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение её нигилизма (С. Франк). <...> масса интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью (М. Гершензон). <...> Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлечённых идеями и готовых во имя своих людей на тюрьму, каторгу и на казнь. Интеллигенция не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем (Н. Бердяев) [ПУШКАР].

Вышедшие к тому времени на широкую публицистическую сцену марксисты, также заявляли свое крайне нигилистическое отношение к интеллигенции, утверждая, что общественно-политическая позиция интеллигенции – есть проявление ее имманентных характеристик <...>: социального и психологического отчуждения («отщепенства»), амбивалентности сознания, «отраженности идей», из чего вытекает «неполноценность», «вторичность», «производность» ее социализма, индивидуализм, бюрократизм и т. д. Выражение и развитие подобных идей характерно для представителей, всех течений, направлений, и оттенков внутри школы русского марксизма. <...> негативизм в отношении интеллигенции у русских марксистов в 1900-е гг. подпитывался в основном страхами перед «интеллигентской стихией, в социал-демократии», что порождало поиски новых теоретических аргументов несостоятельности интеллигенции [ПАВЛ.Н.Г].

На защиту интеллигенции встали в первую очередь мыслители либерального направления – Павел Милюков, М.И. Туган-Барановский, Д.Н. Овсяников-Куликовский и др., выпустившие в противовес «веховцам» сборник «Интеллигенция в России» (1910)¹⁴, в котором утверждалось, что:

«Интеллигенция – это мыслящий и чувствующий аппарат нации», обеспечивающий постоянство социальной памяти и организованность её содержания [ПАВЛ.Н.Г].

Полемика об интеллигенции велась и в революционной¹⁵, и в Советской России¹⁶, и в русском Зарубежье. Ее можно отследить и в художественной литературе, в частности у Чехова,

¹³ Современное издание см: «Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909-1910».

¹⁴ Современное издание см: «Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909-1910».

¹⁵ См., например, статью: Блок Александр. Интеллигенция и революция (1918) [БЛОК].

¹⁶ См., например, Луначарский А.В. Об интеллигенции (1923) [ЛУН].

и в воспоминаниях и дневниках свидетелей времени. Вот, например, запись в дневнике Веры Буниной от 13/26 декабря 1921 года о споре Ивана Бунина («Ян») – человека когда-то очень близкого Чехову, с эсером-революционером Ильей Фондаминским:

Ян доказывал, что ни один класс не сделал так много бескорыстного, большого, как дворяне. Фондаминский доказывал, что когда дворянин делает нечто большое, то он больше не дворянин, а интеллигент. – Ну, прекрасно, – согласился Ян, – скажем тогда, что лучшее, что было и есть в интеллигенции, дано дворянским классом [УсБ. С. 70].

Можно полагать, что Ильей Фондаминским апломб столбового дворянина Ивана Бунина при всем уважении к его личности был воспринят скептически. Для него, глубоко аккультурированного в русской среде еврея-интеллектуала, единственной социальной группой общества, которая вела Россию к процветанию, была лишь интеллигенция. Такого же мнения в целом придерживались и другие видные русские мыслители конца XIX – начала XX вв. Интеллигенция, в любом ее определении, являлась носителем идей, как правило, прогрессивных.

Интереснейший пример критики интеллигенции изнутри интеллигентного сообщества – отношение к ней Чехова. <...> Чехов – квинтэссенция русской интеллигентности. И он же – антипод российского интеллигента. Прежде всего следует признать, что основания для столь противоречивых выводов содержат произведения самого писателя и его прямые высказывания. <...> В Чехове разночинец-интеллигент, выдавивший из себя по каплям раба, не снисходительности, жалости или сочувствия требует к себе, а спроса по самому высокому счету. В высшей и строгой требовательности к самому себе и себе равным и состоит чеховская нравственность, его понимание справедливости. <...> Чехова никак не назовешь «певцом» интеллигенции: так много нелюбимого, порой злого сказано им о русском интеллигенте. [КАТАЕВ В.(I)].

Как безыдейный художник Чехов о себя с интеллигенцией его эпохи полностью не отождествлял и даже порой от нее дистанцировался, особенно в связи с нараставшей в интеллигентском сообществе с конца XIX в. тенденции к размежеванию по партийному признаку. Это явление носило, отметим, сугубо прогрессивный характер, т. к. отражало начало зарождения основной формы западноевропейской демократии на российской почве.

Партийность политическая заявит о себе к концу чеховской эпохи, но им уже было указано, что жертвами всякой партийности становятся человеческая свобода и подлинный талант. Отказ от подчинения личности узкой, бездарной и сухой партийности был его ответом на поразившее интеллигенцию его эпохи деление на «наших» и «не наших». При этом оборотной стороной партийной узости и идейной тирании ему виделись безыдейность и беспринципность. <...> Чехов, всегда счита^л, что политика может интересовать большого писателя лишь постольку, поскольку нужно обороняться от нее. <...> <Однако со временем у > Чехова появляется новая формула идентификации: «все мы». *Все мы* – это интеллигенция, образованное общество, от которого Чехов себя не отделяет. Уже Иванов говорит: «Ведь нас мало, а работы много, много!» – это голос интеллигента чеховского поколения. С этим «все мы» связана не только идея общего долга, но и чеховская этико-социальная идея общности вины и ответственности за совершающееся [КАТАЕВ В.(I)].

Поэтому *интеллигент* – как характеристика той или иной конкретной личности, очень часто в письмах Чехова звучит в утверждающе положительной коннотации. Вот несколько примеров:

А.П. Чехов – О.Л. Книппер-Чеховой, 17 ноября 1901 г. (Ялта):

А<лексей> М<аксимович> <Горький> не изменился, все такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый» [ЧПСР. Т. 10. С. 116].

А.П. Чехов – А. Б. Тараховскому, 28 февраля 1900 г. (Ялта):

Бухштаб¹⁷ не так гнусен, как Вы полагаете; это один из интеллигентнейших людей в Одессе, а если он сам изрыгает хулу, то потому, что был доведен до бешенства господами писателями [ЧПСР. Т. 9. С. 61].

А.П. Чехов – А. С. Суворину, 11 сентября 1890 г. (Татарский пролив, пароход «Байкал»):

Сахалинский генерал Кононович, интеллигентный и порядочный человек [ЧПСР. Т. 4. С. 133].

А.П. Чехов – А.М. Пешкову (Горькому), 3 января 1899 г. (Ялта):

В своих рассказах Вы вполне художник, при том интеллигентный по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно.

С другой стороны, в произведениях Чехова можно встретить немало образов русских интеллигентов, написанных с большой долей критической иронии и даже сарказма [РОДИОН]. В этом отношении очень интересен портрет чеховского Иванова – типичного русского интеллигента, который Чехов живописует в письме А. С. Суворину от 30 декабря 1888 г. (Москва):

Иванов дворянин, интеллигентский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. Что он делал и как вел себя, что занимало и увлекало его, видно из следующих слов его <...>: «Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках..... не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей...» Вот что у него в прошлом. <...> Прошрое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгорая, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за «Вестник Европы»¹⁸, говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидаков, или даже проституток, которых спасает, и проч. и проч... Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку. <...> Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы [ЧПСР. Т. 3. С. 108].

Помимо морально-этических недостатков героя пьесы «Иванов» – нервность, неустойчивость вкусов и предпочтений, максимализм желаний и скорая утомляемость, апатия, пассивность, неспособность достойно отвечать на запросы жизни [РОДИОН], у Чехова, в его эпистолярной, можно сыскать целый ряд резко негативных характеристик интеллигенции:

А.П. Чехов – А. С. Суворину, 27 декабря 1889 г. (Москва):

¹⁷ Возможно, речь идет о Бухштабе Абраме Григорьевиче (1848–1914), адвокате и гласном Одесской городской думы, см. примечание в т. 9 в [ЧПСР] к письму Чехова Б. Тараховскому от 28 февраля 1900 года (Ялта).

¹⁸ «Вестник Европы» («Вѣстникъ Европы») – русский литературно-политический ежемесячник либеральной ориентации, выпускавшийся в 1886–1918 гг. в СПб.

Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брзжит и охотно отрицает всё, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях – и всё это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин бели и что деньги – зло. Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме [ЧПСР. Т. 3. С. 308–309].

А.П. Чехов – И.И. Орлову, 22 февраля 1899 г. (Ялта):

Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало. Нет пророка в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д., и т. д. – и всё это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции *en masse* <фр. – в большинстве своем> и несмотря ни на что [ЧПСР. Т. 8. С. 99–101].

Однако столь суровый приговор никак не отчуждает лично Антона Чехова, который не зря считается критическим реалистом, от «ордена русской интеллигенции». Более того, когда речь идет о конкретных примерах деятельности интеллигенции на благо общества Чехов с ней безоговорочно самоидентифицируется, что явствует, например, из его письма А.С. Суворину от 16 августа 1892 г. (Мелихово):

Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь <...>. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить всё, что делается [ЧПСР. Т. 5. С. 103–104].

Мыслитель, христианский персоналист Сергей Булгаков, младший современник Чехова, в публичной лекции «Чехов как мыслитель» (1904), вопреки мнению прижизненной критики, утверждал что Чехов, после Достоевского и Толстого, является писателем наибольшего философского значения. <...> В произведениях Чехова ярко отразилось <...> русское искание веры, тоска по высшем смысле жизни, мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть [СОБЕННИКОВ. С. 88].

Стремясь к духовной независимости, критически-непредубежденному взгляду на окружающую действительность, и в этом контексте декларируя свою «безыдейность», Чехов все время ускользает от попыток историков литературы вставить его в некий ряд, однозначно классифицировать и понять:

Высокая оценка Чехова как писателя сложилась достаточно прочно, – но нельзя сказать, что Чехов понят как целостное явление, еще шире – как феномен русской культурной жизни

и как пример русской судьбы. Между тем в этом отношении он значим не менее, чем Пушкин или Толстой. Значительность, масштабность фигуры Чехова как-то не входят в сознание даже самых горячих его поклонников, Чехова как-то трудно назвать «гением». Его канонический образ – скромного, не лезущего на передний план человека – совершенно заслонил подлинное лицо Чехова. Но значительный художник не может быть «простым человеком» – «тихим» и «скромным»: новое содержание, им в жизнь вносимое, всегда – скажем так – революционно. Чехов – революционное явление, и не только как писатель (это не оспаривается), но и как новый тип русского человека, очередная ступень в движении русской жизни. [ПАРАМ. С. 258].

Что касается «отталкивания» от интеллигенции, этот синдром у Чехова, можно полагать, был еще и следствием родовой социальной травмы. В интеллигенты Антон Чехов попал не по рождению. Его домашнее окружение в детско-юношеские годы составляли люди сугубо меркантильного склада, далекие от проблем духовного порядка – представители небогатого купечества да мещане¹⁹. Как подтверждение этого, приведем строчки из письма самого А.П. Чехова от 29 августа 1888 года, адресованного А.С. Суворину:

Я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль.

В «эпоху великих реформ», на которую приходится первая половина жизни Чехова, евреи, один из самых крупных неславянских народов российской империи, массово вышли на русскую культурно-общественную сцену. Это уникальное – в культурном и общественно-политическом плане, явление, естественно, вызвало неоднозначную, в целом выражено враждебную реакцию в широких слоях русского народа. В возникшем «еврейском вопросе» российская интеллектуальная элита разделилась на два полярных лагеря – либеральный, в котором еврейское присутствие в русском обществе воспринималось вполне благожелательно, и консервативно-охранительское, видевшее в нем смертельную опасность для национальной самобытности русского народа. Ожесточенная полемика по «еврейскому вопросу», начавшаяся в 1860-х годах, в которую, так или иначе, были вовлечены все известные русские писатели, продолжалась вплоть до гибели имперского правления и установления Советской власти в России.

Антон Чехов воспитывался вне интеллигентного окружения, хотя и в достаточно культурной семье. Среди его разноплеменных знакомых встречались и евреи, представители городской и местечковой бедноты. В гимназии круг его общения кардинально изменился. Теперь в нем преобладали представители местной интеллигенции – учителя, священники, врачи. Выходцами из их среды являлись в большинстве своем и его сокурсники, среди которых преобладали аккультурированные евреи, выходцы из обеспеченных таганрогских семей. Можно полагать, что неожиданное столкновение чужеродной ментальностью оказало огромное влияние на становление личности Чехова, его мировоззрение. К сожалению, тема «свой/чужой» в отечественном чеховедении как правило игнорируется, хотя без ее всестороннего раскрытия невозможно «вернуть Чехова в контекст его эпохи».

Два обстоятельства при этом выступают как ключевые:

во-первых, Чехов – первый из русских классиков, кто с юности общался и водил дружбу с евреями (второй и последний – его младший современник Максим Горький);

во-вторых, одной из чеховских бытописательских новаций является введение в русскую литературу реального образа российского еврея – главным образом, местечкового, из черты

¹⁹ Согласно данным, приведенным в статье: *Шипулина О.И.* Семья Чеховых и ее окружение (1850-1870), это были купцы 3-й, а с 1863 года 2-й гильдии, в основном русского происхождения. Среди таганрогских соседей Чеховых встречаются также в основном русские фамилии. Из инородцев по соседству жили греческие семьи (Агали, Вальяно, Караспаси, Дроссии, Иорданов...) и знаменитый на всю округу немец-часовщик Франц Файст [ШИПУЛИНА].

оседлости²⁰. До Чехова еврей, если и появлялся на русской литературной сцене, то не в своем ярком жизненном многообразии, а как типаж, причем по большей части в карикатурно-уничижительном облике.

О том, что еврейская нота в произведениях Чехова была культурологической новацией, свидетельствует рецепция ее современниками. Многими литературными критиками, в основном из выходцами из еврейской среды, она была воспринята в целом скептически и неодобрительно. В его адрес прозвучали обвинения «в том, что он наряду с другими классиками русской литературы, создал отрицательные или карикатурные образы евреев в своих произведениях»[MONDRY(I). Р. 42.]. В первую очередь здесь следует назвать критические статьи таких авторитетных в те годы публицистов, как Семена Фруг – «В корчме и будуаре» (1889 г.) и Владимир Жаботинский – «Русская ласка» (1909 г.).

6 февраля 1900 года Чехов писал литератору-одесситу М.Б. Полиновскому, попросившему дать отзыв о его книге «Еврейские типы» (Одесса, 1900 г.):

И зачем писать об евреях так, что это выходит «из еврейского быта», а не просто «из жизни»?»

И приводил в пример рассказ Наумова «В глухом местечке»:

Там тоже об евреях, но вы чувствуете, что это не «из еврейского быта», а из жизни вообще[ЧПССиП. Т. 9. С. 545].

Здесь явно сталкиваются два полярных ракурса видения:

для Чехова, как «очень русского человека» существует множество тем «из жизни вообще», по умолчанию – русской жизни, и среди них, в частности, есть и «об евреях»;

для русско-еврейского писателя Полиновского «из еврейского быта» вытекает вся тема «из жизни вообще».

Свести к некоему «контрапункту» эти два типа мировидения не представляется возможным, ибо они по сути своей антагонистичны. Чехову, по большому счету, «еврейская жизнь» была не интересна, тогда как русско-еврейские писатели именно такого рода интерес старались пробудить у русского читателя. По ходу еврейской эмансипации и ассимиляции они стремились изменить сложившееся в русском сознании стереотипное представление о евреях – «переписать еврея» [САФРАН], сделать его присутствие в литературе составной частью многогранной русской жизни.

На этом направлении были достигнуты серьезные успехи. Одессит Семен Юшкевич, погодок Чехова, и также как и он по образованию врач²¹, стал весьма востребованным у российского читателя писателем.

Интересным и неоспоримым фактом является прямое влияние Чехова на «на молодую ивритскую прозу начала века» и современную ему идишевскую литературу [ГУР-ЛИЦ. С. 276]. В последнем случае это касается таких писателей, как Ицхак-Лейбуш Перец и особенно Шолом-Алейхема. Знаменитый израильский писатель Амос Оз рассказывал, что типичную чеховскую атмосферу он наблюдал в годы своего детства, прошедшем в очень провинциальном тогда Иерусалиме:

Атмосфера в Иерусалиме в годы Второй мировой войны была революционно-насыщенной, «было ощущение, что в будущем все будет иначе, чем в прошлом... Но позже я понял, что это была чеховская ситуация (слова соседей были зажигательными, а сами они оказывались маленькими людьми – лавочниками, сапожниками <...>, они выглядели, как Толстой и его герои, а на самом деле были похожи на героев Чехова). Чехов описал окружающих меня людей,

²⁰ Черта оседлости – это с 1791 по 1917 гг. граница территорий западных губерний Российской империи, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям, за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники и др. Сам термин (первоначально «черта постоянного жительства евреев») впервые появился в «Положении о евреях» 1835 г.

²¹ Окончил медицинский факультет Парижского университета (Сорбонна).

у них были идеи, но не было способности реализовать их. Они были непрактичны <...>. Их беспокоили страдания в Африке и в Китае, но в их жизни дома проявлялась жестокость в отношениях с близкими... Герой Чехова – это добрый человек, который ничего доброго сделать не может, который на каждом шагу падает – но потому, что его глаза устремлены к звездам... <...> Уже смолodu я чувствовал в творчестве Чехова сосуществование знакомого (по жизни) с чужим. Я бы не писал так, как пишу, если бы не влияние на меня Чехова, его чтения, даже бессознательное, – в годы моего формирования. <...> Я вижу в Чехове <...> моего учителя в художественной стратегии: только рисовать действительность, но не убеждать читателя впрямую, как в идеологической брошюре. У меня резкая граница между публицистикой и художественным творчеством (другие русские писатели, в отличие от Чехова, оставались отчасти публицистами и в художественных текстах). Действие в моих рассказах всегда происходит дома, в разных комнатах дома. Но даже если вне дома, то действие камерное. Это тоже влияние Чехова. Повседневное значит у него нечто большее, чем оно означает само по себе. <...> Я был бы очень счастлив, если меня бы назвали хоть последним (т. е. самым недостойным) из учеников Чехова в ивритской литературе. Вся эта комбинация свойств близка моему сердцу» [ГУР-ЛИЦ. С. 279–280].

Чеховские новации в раскрытии еврейской тематики получили, хотя и с оговорками, признание и у первых советских литературных критиков – Б. Горева [ГОРЕВ], Д. Заславского [ЗАСЛ Д.]. Последний, например, писал:

Только Чехов сохранил свободу творчества и открыто рисовал евреев такими, каких видел. В ранних своих рассказах он подмечал преимущественно смешные черты. Выше мы говорили об этом. Впоследствии он с интересом присматривался к евреям. В очерках его нет ни предвзятой неприязни к евреям, ни сентиментальной или щепетильной предупредительности. Чехов в отношении своем к евреям прост и свободен. Картина жизни еврейской семьи на проезжей дороге в степи безыскусственна и правдива, зарисована с той же художественной объективностью и меткостью, как и степь, и обоз, и степные помещики. Моисей Моисеич в «Степи» есть подлинный еврей-торговец, комиссионер, каких много на юге России; его беседа с проезжающими, со священником художественно точна и убедительна. В рассказе есть знание еврейского быта, такого, каким он должен был представляться внимательному наблюдателю со стороны. Это не экзотический быт, а свой, еврейский быт, вошедший в русскую жизнь. Еврей Чехова это живой человек – не просто «шпион», «эксплуататор» и не образец добродетели по либеральным прописям. Чехова в особенности интересовала та часть еврейской интеллигенции, которая пришла в самое близкое соприкосновение с русским обществом и с русской культурой, которая даже отреклась формально от еврейства и все же осталась еврейской. Этот тип русифицированного еврея очень часто встречается у Чехова. Еврейская критика резко отзывалась о рассказе «Тина». Критиков шокировала анекдотическая фабула рассказа. Но Сусанна Моисеевна, представительница фирмы «наследников Ротштейн», одевающаяся по последней парижской моде и все же вульгарная, кокетничающая своим антисемитизмом, развязная до цинизма и жадная к деньгам, – она так же художественно верна, как любой из чеховских героев. Характерные черты еврейской интеллигенции определенного пошиба схвачены и переданы с удивительной проницательностью. «Кажется, я мало похожа на еврейку», – говорит о себе Сусанна Моисеевна, и в ней действительно мало внешних еврейских черт. «Я очень часто бываю в церкви! У всех один Б-г...» И все же она еврейка, подлинная еврейка из современной разбогатевшей еврейской семьи. Нелепо ставить в вину Чехову неприятное впечатление, какое производит эта типичная для своей среды еврейка. Но вот другая еврейка – тоже из богатой еврейской семьи. Она отказалась от семьи, от веры, от богатства. Ее звали Сарра Абрамсон, теперь она Анна Петровна, жена русского помещика Иванова. Муж говорит о ней: «Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не

моргнув глазом». Казалось бы, ничего еврейского не осталось в этой еврейке, – и все же она еврейка, и это чувствует Иванов, чувствует сама Сарра, и это знает, в этом убежден Чехов. Есть нечто, что отделяет еврея от нееврея, хотя и нельзя точно определить, что это такое.

Точка зрения Давида Заславского для нас особенно интересна, т. к. к моменту написания этой своей работы он только-только перебежал из сугубо еврейского лагеря в интернациональный, точнее – к русским большевикам. Статья Д. Заславского в СССР не переиздавалась и не цитировалась, т. к. со второй половины 1930-х гг. проблематика еврейской идентичности в русском мире была признана большевиками идеологически вредной и исключена из поля научных исследований в различных областях гуманитарного знания, включая тему «Русские писатели и евреи» в истории русской литературы. Не возник к этой теме специальный интерес и в новейшем российском культурологическом и литературоведческом дискурсе. Что касается западных историков литературы, то они постоянно разрабатывают проблематику русско-еврейских культурных связей. В частности значительное внимание уделяется теме «Чехов и евреи», которая находится в эпицентре чеховедческого дискурса, вызывая «ожесточенные споры исследователей, критиков, публицистов» [ГУР-ЛИЦ. С. 263]. Можно полагать, что эту ситуацию провоцирует сам Чехов, в силу своей уклончивости, неопределенности и неподатливости для схематизирования. Елена Толстая говорит в одном интервью:

Читанного перечитанного» Чехова я попробовала прочесть параллельно с первым полным изданием его писем. Получилось нечто совершенно неожиданное, даже для меня. Мы просто не умеем его читать. Он для нас закрыт мутной пленкой, ее надо снять, как переводную картинку [ОСИПОВ].

В дискурсе на тему «Чехов и евреи» преобладают две полярные позиции – «обвинительная» и «оправдательная». Одни дискурсанты, упрекают Чехова в если не в юдофобии, то уж точно «в последовательном раздражении против “сынов и дочерей израильских”» [ЗАГИД], другие, – в частности, Дональд Рейфилд, доказывают, что он был чуть ли не филосемитом. Иногда, впрочем, встречается и «нейтральный» подход: в нем задается «правильная постановка вопроса», проводится его всестороннее рассмотрение, но не выносится никакого вердикта. Так, например, поступал уважаемый и ценимый современниками Юлий Айхенвальд, когда касался, в частности, темы «Чехов и евреи»:

Евреи его, несомненно, цепляли за душу. Вот, например: про свою будущую жену – «моя немочка», он говорит, глядя на ее фотографию, «немножко похожа на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходит в консерваторию и в то же время изучает на всякий случай тайно зубоврачебное искусство и имеет жениха в Могилеве». Это говорится шутливо, но с умыслом. Почему «евреечка», а не армяночка, гречаночка и т. п.? В этой ассоциации для него есть нечто особенное, указующие, на присущее, как он считал, только еврейкой женщине совокупность качеств: духовность, одаренность, практичность и, главное, предусмотрительность в жизнеустройстве [АЙХЕН].

Вот собственно и все, что считает нужным сказать касательно Чехова и евреев его современник. Прошло добрых сто лет, но:

Еврейская тема у Чехова до сих пор не стала академической. Изошренный анализ таких тонких материй, как библейские мотивы и мифы в прозе, выявляет дополнительные смысловые оттенки, расширяет пространство чеховского творчества, но, не гасит споры о том, куда записать Чехова, в лагерь фило- или антисемитов [PORTNOVA. С. 202].

При всем том, однако, за все это время накопилось много новых, достаточно оригинальных и интересных в научном плане высказываний и оценок на сей счет. Только за последние пятнадцать лет помимо книги Д. Рейфилда тема «Чехов и евреи» затрагивалась в целом ряде исследований о еврейских персонажах и образах в дореволюционной русской литературе [САФРАН], [ТОЛСТАЯ Е.], [KARLINSKY], [LIVAK], [MONDRY], [TOOKE], [GREGORY], [PORTNOVA], [СЕНДЕРОВИЧ (I) и (II)], [СЫРКИН]. Все они в той или иной степени учтены и в настоящей книге, построенной, как и предыдущие наши книги, касающиеся проблематики русско-еврейских культурных связей [УРАЛ (I), (II)], по принципу документального монтажа, жанра в котором говорят только дневники, переписка и воспоминания современников, а позиция автора проявляется в отборе документов, их включении в мегатекст и комментариях. В последнем случае основной акцент ставится нами на *русскости* – важнейшем качестве личности писателя, в значительной степени определявшем его образ мыслей и чувствований. Представляется, что Чехов, живя сизмальства бок о бок с евреями, очень остро воспринимал специфику русско-еврейских бытовых отношений. В его случае имеет место остро стоящий вопрос о сохранении своего национального «я» при контакте с активно ассимилирующейся, но не теряющей своего культурно-исторического мирозерцания инородной средой, которую можно определить как «острая национально-культурная полемика».

В фокусе чеховского раздражения – всегда носители крайних идейных, эстетических, этических позиций, порицаемые с позиций незримой «нормы» – на деле близкой к культурному шовинизму. Сперва осуждается за отклонение от этой нормы тогдашняя культурная «левая» <где тон часто задавали русско-еврейские литераторы – М. У.>, но вскоре раздражение переносится на «антилевую», новоидеалистическую ориентацию <среди духовных вождей которой особо выделялся А. Волынский (Флекснер) и Н. Минский – М. У.> [ТОЛСТАЯ Е. (II). С. 337].

Как отмечалось выше «еврейский вопрос» приобрел в чеховскую эпоху большую остроту. Он оживленно и, естественно, по-разному акцентировался консервативной (газеты «Новое время», «Московские ведомости», «Гражданин») и либеральной (газеты «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», журналы «Русское богатство», «Северный вестник», «Мир Божий», «Вестник Европы») российской прессой. Лично сам Чехов принципиально дистанцировался от политики и всякого рода «идейности», но очень чутко реагировал на все веяния своего времени.

Чехову была несимпатична и правая, и левая кружковчина, сам он не был сторонником ни той, ни другой, но ко второй, – в этом надо прямо признаться, – он относился с гораздо больше нетерпимостью, чем к первой, хотя и на первую не закрывал глаза [ДЕРМАН. С. 155].

Ему, несомненно, был присущ мягкий имплицитный русский национализм, выражающийся в особом беспокойстве о судьбе своего народа и его культуры в многочисленном и разнообразном нерусском окружении. В контексте «своя рубашка ближе к телу» отвращала от себя и другая чужеродная прелесть – новейшие веяния в области культуры, идущие из Западной Европы. Хотя по жизни мировоззрение Чехова в своих акцентах менялось – от умеренно консервативного, до либерального, проблема национальной идентичности русского человека всегда сохраняла для него свою остроту.

Чеховская система ценностей, позиция, поэтика по сути своей были ориентированы на духовную активность, отрицание общепринятого, бунт против «авторитарности», что во многом означало неприятие «своего». Однако, унаследовав от русской литературной традиции

справа и слева, и в высших, и рядовых её проявлениях культурный консерватизм – предпочтение «своего», неудачного, неброского, не слишком мудреного, доброго, домашнего²² – «чужому», всегда слишком яркому, умственному, злему, формальному, Чехов подставил под второй, отрицательный, полюс этой оппозиции сначала евреев-выкрестов, олицетворяющих разные стадии «отрыва от своего»; затем мудреное, фальшивое, формальное отождествилось с идеологией – царящей в обществе инерцией леворадикального «сопротивления» в духе 60-х годов.

Чехову это идеология казалось совершенно оторванной от реальных нужд общества и его духовных потребностей. <...> <В начале 1890-х гг. – М.У.> на негативном полюсе очутились уже новые, европейски ориентированные этические и эстетические позиции, представленные как идеологически и этически чуждые, дикие, нечеловеческие; они совмещаются с еврейскими обертонами, сюда добавляются социальные отталкивания от дворянства/интеллигенции, уже неважно – левой или правой. И, наконец, отрицание заостряется на пропагандистах или сторонниках нового искусства, с теми же характеристиками аморальности, силы, яркости, энтузиазма, богатства; всё это представлено как отвратительное и насквозь фальшивое; на этом этапе еврейские обертоны исчезают. Тем самым консервативный бунт против нового искусства у Чехова отчасти наследует образную систему национальной ксенофобии. Новое искусство, как экзотическая еврейка, хорошо, пока чуждо, но в момент интеграции в русскую культуру оно становится морально подозрительным, безвкусным, агрессивным и опасным.

<...>

Переосмысляя <на протяжении всей своей жизни! – М.У.> традиционные отношения и порываясь связь «нового» с «чужим», Чехов открыл <в конечном итоге> <...>, возможность нового взгляда на новое искусство, и уже этим самым возвестил его эру. Освободившись от культурной ксенофобии, он становится великим.

<...>

Триумфальное слияние с аудиторией было, наконец, достигнуто на том самом направлении, надполитической, «интеллигентской, западной, модернистической, негативной духовности, которой Чехов упорно сопротивлялся до середины 1890-х годов и которая связана с деятельностью «Северного вестника» <...> – «Петербургский Израиль», как он его называл [ТОЛСТАЯ Е. (II). С. 286–287, 311, 255].

²² По свидетельству Волынского, в кружке символистов из «Северного вестника», где бывал Чехов в начале 1890-х гг., Мережковский, иллюстрируя реакцию писателя на новые веяния «цитировал его отрывочные слова “У нас лучше, у нас проще. Свежий хлеб, молоко ковшами, бабы грудастые”». <...> Философствовать <Чехов> не смог бы, да и не притязал на это, но искусство зеленело в нем не затуманенное рассудочностью – чистое, светлое, глубоко-местное, глубоко-временное, в закатный час российской общественности [ВОЛЫН (II)].

Глава I. Антон Чехов в окрестностях Таганрога: становление личности²³

В биографии писателя особенно важным является жизненная среда, своего рода «биосфера», в которой проходило становление его личности: пейзажи, интерьеры, многоголосица повседневности, – все то, что включает в себя понятие «окружающая действительность», ибо литература по большей части и строится из «вещества», захваченного ею в окружающей действительности [ЛИХАЧЕВ (I)].

Такой вот «биосферой» для Антона Чехова в детстве, отрочестве и юности был разноплеменный мир приазовского портового города Таганрога и окружавшей его приазовской степи. В Таганроге Чехов прожил почти половину своей недолгой жизни (добрых 19 лет) и не порывал связей с городом до конца своих дней.

Куда бы я ни поехал – за границу ли, в Крым или на Кавказ, – Таганрога я не миную.

Если бы не бациллы, то я поселился бы в Таганроге года на два на три и занялся бы районом Таганрог – Краматоровка – Бахмут – Зверево. Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен.

После Москвы я более всего люблю Таганрог... Тянет сюда. Хоть на несколько дней я должен от времени до времени сюда приезжать²⁴.

Антон Чехов родился в Таганроге 16 января 1860 года (под знаком Козерога²⁵), в семье купца 2-й гильдии Павла Егоровича Чехова. Павел Егорович и его жена Евгения Яковлевна (урожд. Морозова) к тому времени уже имели двух сыновей – Александра (1855–1913) и Николая (1858–1889). Всего же у Павла и Евгении по жизни было семеро детей – пять мальчиков и две девочки, одна из которых умерла в младенчестве [ШМУЛ]. И Чехов и Морозова имели крестьянские корни. Дед будущего писателя по отцу – Егор Михайлович Чехов, происходил из крестьян Воронежской губернии. В 1841 году он выкупил за 875 рублей из крепостной зависимости у графа Черткова себя, жену и трех сыновей. Барин проявил великодушие – отпустил на волю и его дочь. Родители же и братья его оставались в холопах до 1863 года. Записавшись в мещане, Егор Чехов отправился с семьей на юг, в приазовские степи. Здесь он пристроился

²³ Имена, не оговоренные в разделе Указатель имен и сокращений, см.: URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/letters/imena-1.htm>

²⁴ А.П. Чехов – М.Е. Чехову, 31 января 1885 г. (Москва); – П.Ф. Иорданову, 28 июня 1898 г. (Мелихово); – А.Б. Тараховскому, 1885 г. (Москва).

²⁵ Знак земной стихии, Козерог обладает даром не терять из виду главную цель. Целеустремленность, стойкость в трудностях, ответственность – это сильные качества представителей этого знака. Козерог не боится одиночества, готов переносить любые житейские трудности, преодолеть любые препятствия. Свои глубокие чувства предпочитает никому не открывать, с трудом близко сходитесь с людьми и не любит терять дружеские связи. Если Козерогом кто-то пренебрег, то никогда не прощает и не возвращается. Но всегда готов оказать немалую помощь на деле, даже если не знаком с человеком лично. Основной целью типичного Козерога является достижение максимально высокого ранга относительно условий личного старта: https://horoscopes.rambler.ru/capricorn/description/?utm_content=horoscopes&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

управляющим имением графа Платова в слободе Крепкой, в шестидесяти верстах к северу от Таганрога. На этой должности он оставался до конца своих дней, заслужив от крестьян за крутой нрав и жестокость малопочетное прозвище Аспид. Сыновей Егор Михайлович определил для начала в подмастерья, а затем помог им преодолеть следующую ступень сословной лестницы – пробиться в купцы.

В царской России представители купеческого сословия обладали немалыми правами: освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности, пользовались свободой передвижения, имели право обучать детей в гимназии. Вот почему П.Е. Чехов всеми силами стремился занять прочное место в таганрогском купеческом обществе. Вот почему так держался за купеческое звание после отмены 3-й гильдии в 1863 году, хотя оплачивать 2-ю гильдию ему было непросто. За особые заслуги купцов награждали медалями и орденами. Так, в 1872 году Павел Чехов был награжден медалью «За усердие». Этим была отмечена его добросовестная служба в торговой депутации [ШИПУЛИНА. С. 63].

Дед Евгении Яковлевны – Герасим Морозов, происходил из крепостных крестьян Тамбовской губернии. Он вышел из крепостного сословия еще в 1817 году, пятидесяти трех лет отроду, откупив себя и сына Якова, отца Евгении. Жизнь отца Евгении – Якова Герасимовича Морозова, не удалась. В 1833 году, разорившись, он заделался таганрогским мещанином, и под покровительство генерала Папкова занимался всякого рода разъездными делами. Где-то в 1840 году он умер от холеры в Новочеркасске. Жену его с двумя дочерьми приютил тот же генерал Пашков, по доброхотству своему определивший девочек Морозовых учиться грамоте. В этническом отношении Чехов был типичный великоросс с малой примесью – по бабке со стороны отца, украинской крови. Он утверждал даже, что в детстве говорил по-украински²⁶. Скорее всего, это был не литературный украинский, а «суржик» – диалект юго-западного края Российской империи (Новороссии), содержащий в своем словарном составе большое количество украинизмов. Подшучивая в переписке с приятелями над своей особой, Чехов называл себя порой «хохол», выделяя при этом такие стереотипно негативные черты малоросса, как «хохлацкая лень», «хохлацкая логика» и т. п.: Л.А. Сулержицкому: «Очень рад, что Вы стали Думать иначе о нас, хохлах»; Ф.Д. Батюшкову: «Видите, какой я хохол»; А.С. Суворину: «поездка – это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо, так как я хохол»; А.А. Тихонову: «я медлитель по натуре (я хохол) и пишу туго»²⁷. Подчеркивание своего «хохлачества» – это, несомненно, всего лишь шутивно-ироническая фигура речи, а не этноним, и, тем более, не указание на раздвоенность этнической самоидентификации. Ментально Чехов был крепко укоренен в том, что касается национальной гордости, и, в немалой степени, национальной чванливости великоросса. Это касалось и его отношения к украинцам. В письме к Суворину от 18 декабря 1891 года он, например, говорит, имея в виду поднимавших уже в те годы голову украинских националистов:

Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным все то, что они изрекают, и свои хохлацкие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом.

Прочтя рассказ Чехова «Именины», поэт-«шестидесятник» Алексей Плещеев высказал ряд критических замечаний касательно антиукраинских и антилиберальных выпадов, которые он в нем усмотрел:

²⁶ Украинцы считались в Российской империи не отдельным народом, а субэтносом – по современной классификации, говорящем на одном из диалектов русского языка, как, например, баварцы или же швабы в Германии, андалузцы и галисийцы в Испании и т. п.

²⁷ А.П. Чехов – Л.А. Сулержицкому, 25 ноября 1903 г. (Ялта); – Ф.Д. Батюшкову, 15 (27) декабря 1897 г. (Ницца); – А.С. Суворину, 9 марта 1880 г. (Москва); – А.А. Тихонову (Луговому), 29 марта 1896 г. (Мелихово).

Вы очень энергично отстаиваете Вашу душевную независимость; и справедливо порицаете доходящую до мелочности боязнь людей либерального направления, чтоб их не заподозрили в консерватизме; но – простите меня, Антон Павлович, – нет ли у Вас тоже некоторой боязни, чтоб Вас не сочли за либерала? Вам прежде всего ненавистна фальшь – как в либералах, так и в консерваторах. Это прекрасно; и каждый честный и искренний человек может только сочувствовать Вам в этом. Но в Вашем рассказе Вы смеетесь над украинофилом, «желающим освободить Малороссию от русского ига», и над человеком 60-х годов, застывшим в идеях этой эпохи, – за что собственно? Вы сами прибавляете, что он искренен и что дурного он ничего не говорит. Другое дело, если б он напускал на себя эти идеи – не будучи убежден в их справедливости, или если б, прикрываясь ими, он делал гадости? Таких действительно бичевать следует... Украинোфила в особенности я бы выкинул. Верьте, что это бы не повредило объективизму повести [ЧПСР. Т. 3. С. 18–20].

В ответном письме А.Н. Плещееву от 9 октября 1888 г. (Москва) Чехов с позиций русско-имперского национализма позволяет себе резко и непочтительно отзываться об украинофилах:

Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее, стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки. Что же касается человека 60-х годов, то в изображении его я старался быть осторожен и краток, хотя он заслуживает целого очерка. Я щадил его. Это полинявшая, недеятельная бездарность, узурпирующая 60-е годы; в V классе гимназии она поймала 5–6 чужих мыслей, застыла на них и будет упрямо бормотать их до самой смерти. Это не шарлатан, а дурачок, который верует в то, что бормочет, но мало или совсем не понимает того, о чем бормочет. Он глуп, глух, бессердечен. Вы бы послушали, как он во имя 60-х годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее, которого не видит; он клеветает на студентов, на гимназисток, на женщин, на писателей и на всё современное и в этом видит главную суть человека 60-х годов. Он скучен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик. Шестидесятые годы – это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его значит опошлять его. Нет, не вычеркну я ни украинофила, ни этого гуся, который мне надоел! Он надоел мне еще в гимназии, надоедает и теперь. Когда я изображаю подобных субъектов или говорю о них, то не думаю ни о консерватизме, ни о либерализме, а об их глупости и претензиях [ЧПСР. Т. 3. С. 18–20].

Сохранение своей национальной идентичности – «русскости», было важным фактором чеховского менталитета (об этом подробнее см. ниже), однако *болезненным* в психологическом отношении, являлся для него не этнический, а социальный статус:

«...» сознание своей, так сказать, социальной неполноценности было очень острым у Чехова, об этом имеются десятки свидетельств и признаний самого Чехова; вспомним хотя бы весьма частые у него слова о том, что роман как литературный жанр – дворянское дело, не удающееся писателям-разночинцам. Тот факт, что Чехов сделал высокий жанр из короткого рассказа, выражает в какой-то степени осознание им своей социальной противопоставленности дворянским гигантам русской литературы [ПАРАМ. С. 255].

В тогдашнем повседневном обиходе разночинцами называли категорию людей, которые получили образование, благодаря чему были исключены из того непривилегированного податного сословия, в котором находились раньше; при этом они не состояли на действительной службе и, как правило, имея право ходатайствовать о предоставлении им почётного граждан-

ства, не оформляли его²⁸. Разночинцы являлись той средой, которая питала русское революционно-демократическое движение XIX в. Они же составляли основную часть интеллигенции не дворянского происхождения – внесословной, но самой активной в социальном отношении части русского общества «чеховской» эпохи (конец XIX – начало XX в.).

О детско-юношеских годах Антона можно судить как по воспоминаниям его братьев, и близких ему по жизни людей, так и на основании его собственных, достаточно, впрочем, скупых замечаний об этом времени жизни. Старший брат, Александр Павлович Чехов, писал:

Первую половину дня мы, братья, проводили в гимназии, а вторую, до поздней ночи, обязаны были торговать в лавке по очереди, а иногда и оба вместе. В лавке же мы должны были готовить и уроки, что было очень неудобно, потому что приходилось постоянно отвлекаться, а зимою, кроме того, было и холодно: руки и ноги коченели, и никакая латынь не лезла в голову. <...> Вот почему мы ненавидели нашу кормилицу-лавку и желали ей провалиться в преисподнюю. <...> Особенно обидно бывало во время каникул. <...> все наши товарищи отдыхали и разгуливали, а для нас наступала каторга: мы должны были торчать безвыходно в лавке с пяти часов утра и до полуночи.

Ал. П. Чехов. В гостях у бабушки и дедушки.

Младший брат семьи Чеховых, Михаил Павлович, рисовал картину минувшего другими красками, в более радужных тонах:

День начинался и заканчивался трудом. Все в доме вставали рано. Мальчики шли в гимназию, возвращались домой, учили уроки; как только выпадал свободный час, каждый из них занимался тем, к чему имел способность: старший, Александр, устраивал электрические батареи, Николай рисовал, Иван переплетал книги, а будущий писатель – сочинял... Приходил вечером из лавки отец, и начиналось пение хором: отец любил петь по нотам и приучал к этому и детей. Кроме того, вместе с сыном Николаем он разыгрывал дуэты на скрипке, причем маленькая сестра Маша аккомпанировала на фортепиано. <...> Приходила француженка, мадам Шопэ, учившая нас языкам. Отец и мать придавали особенное значение языкам <...>. Позднее являлся учитель музыки <...> и жизнь текла так, как ей подобало течь в тогдашней средней семье, стремившейся стать лучше, чем она была на самом деле. <...>

М.П. Чехов. Вокруг Чехова.

По характеру процесс воспитания в семье Чеховых можно назвать «традиционным». Глава семейства, Павел Егорович, был крутенок и воспитывал детей по старинке, почти по Домострою – строго и взыскательно. Но ведь в его время широко было распространено понятие «любя наказуй», и строг он был с сыновьями не из-за жестокости характера, а, как он глубоко верил, ради их же пользы, *Т. Л. Щепкина-Куперник.* О Чехове. [СУХИХ (I). С. 4].

Он поступал как все отцы семейства из его окружения, поскольку именно таким образом испокон веку воспитывали на Руси детей в мещанских и купеческих семьях. Однако деспотизм Павла Егоровича не переходил в бесчеловечную жестокость: детей в доме Чеховых не сажали на хлеб и воду, не ставили в угол на колени на горох, не запирали в темный чулан с крысами. А ведь подобные «методы воспитания» тоже были в ходу, в той купеческо-мещанской среде, где рос и воспитывался Антон. Человек богомольный и трезвого поведения Павел Егорович был, вместе с тем, в домашнем быту вспыльчив и деспотичен: жене своей грубил, хотя руки на нее не поднимал; детей сек их не часто, в основном «из-за религии». Михаил Павлович Чехов писал в своих воспоминаниях о семье:

²⁸ К разночинцам в этом смысле относились выходцы из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства, мелкого чиновничества. Значительную долю среди разночинцев составляли отставные солдаты и солдатские дети.

Уродливые поступки Павла Егоровича, когда он проявлял свою власть с помощью грубости и насилия, были продиктованы не жестокостью, не злобой, ибо и то и другое в его характере вовсе отсутствовало, а непогрешимой убежденностью, что он живет и действует так, как надо, как учили жить его самого и как должны жить его дети. <...> При всей вспыльчивости и неукротимости нрава Павел Егорович был отходчив. После какой-нибудь буйной сцены, когда домочадцы прятались по углам, он мог собрать всю семью и как ни в чем не бывало отправиться в гости к родственникам или знакомым. Такие выходы «на люди» обставлялись торжественно, чинно, чтобы у окружающих создавалось впечатление о благополучной и благонравной во всех отношениях семье... Он любил церковные службы, простаивал их от начала до конца, но церковь служила для него, так сказать, клубом, где он мог встретиться со знакомыми и увидеть на определенном месте икону именно такого-то святого, а не другого. Он устраивал домашние богослужения, причем мы, его дети, составляли хор, а он разыгрывал роль священника. Но во всем остальном он был таким же маловером, как и мы, грешные, и с головой уходил в мирские дела. Он пел, играл на скрипке, ходил в цилиндре, весь день Пасхи и Рождества делал визиты, страстно любил газеты, выписывал их с первых же дней своей самостоятельности, начиная с «Северной пчелы» и кончая «Сыном отечества». Он бережно хранил каждый номер и в конце года связывал целый комплект веревкой и ставил под прилавок. Газеты он читал всегда вслух и от доски до доски, любил поговорить о политике и о действиях местного градоначальника. Я никогда не видал его не в накрахмаленном белье. Даже во время тяжелой бедности, которая постигла его потом, он всегда был в накрахмаленной сорочке, которую готовила для него моя сестра, чистенький и аккуратный, не допускавший ни малейшего пятнышка на своей одежде.<...> Петь и играть на скрипке, и непременно по нотам, с соблюдением всех адажио и модерато, было его призванием. Дня удовлетворения этой страсти он составлял хоры из нас, своих детей, и из посторонних, выступал и дома и публично. Часто, в угоду музыке, забывал о кормившем его деле и, кажется, благодаря этому потом и разорился. Он был одарен также и художественным талантом; между прочим, одна из его картин, «Иоанн Богослов», находится ныне в Чеховском музее в Ялте. Отец долгое время служил по городским выборам, не пропускал ни одного чествования, ни одного публичного обеда, на котором собирались все местные деятели, и любил пофилософствовать. <Он> вслух перечитывал французские бульварные романы, иногда, впрочем, занятый своими мыслями, так невнимательно, что останавливался среди чтения и обращался к слушавшей его нашей матери: – Так ты, Евочка, расскажи мне; о чем я сейчас прочитал [ЧБГ].

Таким образом, Павел Егорович Чехов как личность был отнюдь не косный купчик-мещанин, а являл собой натуру вполне интеллигентную и, несомненно, артистичную. Дети явно пошли в него: братья Александр, Антон и Михаил – все были наделены литературным талантом и сумели его заявить, Николай, прошедший по жесткому конкурсному отбору в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), имел, по словам А.П. Чехова «хороший, сильный *русский талант*», который, увы, сгубил «ни за грош».

Те факты, что сообщают о своей семье и детстве братья Чеховы, возможно, порой излишне субъективны, однако в целом они подтверждаются воспоминаниями близких к их семье современников:

У него была большая семья: отец, мать, четыре брата и сестра. По моим впечатлениям, отношение к ним у него было разное, одних он любил больше, других меньше. <...> Я не знаю точно, какое отношение было у А. П. к отцу, но вот что раз он сказал мне. <...>. Мы оба были зимой на Французской Ривьере и однажды шли вдвоем с интимного обеда <...> и говорили о молодости, юности, детстве, и вот что я услышал: – Знаешь, я никогда не мог простить отцу, что он меня в детстве сек. А к матери у него было самое нежное отношение. Его заботливость доходила до того, что, куда бы он ни уезжал, он писал ей каждый день хоть две строчки. Это не

мешало ему подшучивать над ее религиозностью. Он вдруг спросит: – Мамаша, а что, монахи кальсоны носят? – Ну, опять! Антоша вечно такое скажет!.. – Она говорила мягким, приятным, низким голосом, очень тихо. И вся она была тихая, мягкая, необыкновенно приятная. Сестра, Марья Павловна, была единственная, это уже одно ставило ее в привилегированное положение в семье. Но ее глубочайшая преданность именно Антону Павловичу бросалась в глаза с первой же встречи. И чем дальше, тем сильнее. В конце концов, она вела весь дом и всю жизнь свою посвятила ему и матери. А после смерти Антона Павловича она была занята только заботой о сохранении памяти о нем, берегла дом со всей обстановкой и реликвиями, издавала его письма и т. д. И Антон Павлович относился к сестре с необычайной преданностью. <...> Антон Павлович очень рано стал «кормильцем» всей семьи и, так сказать, главой ее. Я не помню, когда умер отец. Я встречал его редко. Осталась в памяти у меня невысокая суховатая фигура с седой бородой и с какими-то лишними словами.

Вл. И. Немирович-Данченко. Чехов.

Сам Антон Чехов ничего радостного о своем детстве не вспоминал. Для него и, по его словам, для братьев «детство было страданием»:

Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого...²⁹

Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением Апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками.

Чехов писал также А.С. Суворину 17 марта 1892 г.: «Вообще, в так называемом религиозном воспитании не обходится дело без ширмочки, которая недоступна оку постороннего. За ширмочкой истязуют, а по сю сторону улыбаются и умиляются». В письме Ал. П. Чехову от 4 апреля 1893 г. имеются такие слова: «Детство отравлено у нас ужасами...»³⁰

Представляется важным рассказать подробнее о городе, где эти «ужасы» имели место быть. В Таганроге Антон Павлович провел свое детство, юность и раннюю молодость – в общей сложности 19 лет, т. е. почти половину своей жизни (он умер 44-х лет отроду). Таганрог был основан Петром I в 1698 году в Приазовье, контролировавшемся в ту эпоху турками-османами. Подобно Санкт-Петербургу город «был заложен назло надменному соседу», как русский военно-морской форпост. Таганрог стал первой военно-морской базой России, первым российским портом на открытом морском побережье и первым в России городом, построенным по регулярному плану. Выбор места был сделан неспроста: в окрестностях нынешнего Таганрога люди селились ещё в IX–VIII веках до нашей эры, а в VII–VI вв. до н. э. (около ста лет) здесь уже существовало крупное античное поселение ионийских греков. В эпоху активной колонизации итальянцами Северного Причерноморья, примерно в XIII веке, на месте Таганрога пизанскими купцами был построен город-порт Порто-Пизано. Первая карта с обозначением этого торгового пункта относится к 1318 году.

²⁹ Чехов А.П. – Чехову Ал. П., 2 января 1889 г. (Москва); – Леонтьеву (Щеглову) И.Л., 9 марта 1892 г. (Мелихово).

³⁰ Здесь и выше цитируется по [СУХИХ (I). С. 4].

Татары разоряли итальянских колонистов, турки мертвым кольцом оковали их, а жизнь в колониях все таки таилась; но когда в 1492 го ду Христофор Колумб открыл Америку, Васко да Гама в 1498 – водный путь вокруг Африки в Индию и вследствие этого торговля с востоком пошла иным более удобным путем, а по тому центр торговой, да и вообще культурной жизни перешел в Атлантический океан из Средиземного моря, то и Генуя со своим знаменитым Банком, и испытанные в торговле и политических интригах Венеция и Пиза, даже благородная Флоренция – все пало, а вместе с ними и итальянские колонии в Азовском мор³¹.

В 1696 году, после взятия русскими войсками турецкой крепости Азов (в ходе Второго Азовского похода), по приказу Петра I начались изыскания и работы по строительству гавани и крепости на мысу Таганый Рог. 12 сентября 1698 года Пушкарский приказ постановил:

Пристани морского каравана судам по осмотру и чертежу, каков прислан за рукою итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога...

Эту дату принято считать официальным днём основания Таганрога, первоначально называвшегося Троицком-на-Таганьем Роге. Таганрог – первый в истории России город, построенный по заранее разработанному генеральному плану. Таганрогская гавань – первая в мире, построенная не в естественной бухте, а на открытом море. Екатерина II в одном из своих писем к Вольтеру упоминала о том, что Пётр I даже рассматривал возможность переноса русской столицы именно в Таганрог. Однако после провала Прутского похода в 1711 г., по условиям заключенного с турками Прутского мирного договора Россия обязалась разрушить гавань и город. Это было сделано в феврале 1712 года. В течение 24 лет после этого Приазовье находилось под властью турок. Руины Таганрога были полностью заброшены вплоть победоносной Русско-турецкой войны 1768-1774 гг., по итогам которой Россия вернула себе Приазовье. Заложенную Петром I Троицкую крепость быстро восстановили на старых фундаментах, а гавань стала базой для вновь создававшейся Азовской флотилии. Однако уже в 1771 году Азовская флотилия перебазировалась из Таганрога в Керчь, а строительство военных кораблей перенесли в Херсон. В 1784 г. по именному указу Екатерины II велено было город Таганрог, крепость святыне Елисаветы и прочие, по старой и новой линии лежащие, отныне крепостями не почитать.

С этого времени Таганрог являлся городом сугубо штатским и во время Крымской войны 1855 г., когда англо-французский флот, блокировав город с моря, подвергал его бомбардировкам, из-за отсутствия крепостной артиллерии не был в состоянии достойно ответить противнику. Однако на суше оборона была организована превосходно и союзники так и не смогли ни успешно высадить десант для захвата города, ни прорваться своими судами в устье Дона.

Первое и главное занятие жителей Таганрога было земледелие и рыбный промысел. Рыба отправлялась исключительно соленая, вяленая и копченая, так как пути сообщения того времени не могли позволить иного рода отправки. Соль доставлялась с Кубани, Крыма и даже, может быть, из Бахмута. <...>. С прекращением первой турецкой войны и, благодаря выгодным для торговли условиям мира с турками, стала развиваться внешняя торговля. <...> до устройства одесского порта вся торговля Южной России единственно шла чрез Таганрог.

Территория города постепенно разрасталась, однако в XVIII столетии город был сосредоточен у моря, ближе к гавани <...>. От гавани на юг жили моряки, там же было и адмирал-

³¹ Здесь и ниже цитируется книга Павла Филевского «История города Таганрога» (1898) [ФИЛЕВ], повествующая его истории города с античных времен по конец XIX в., которая и по сей день остается добротным с научной точки зрения исследованием.

тейство и флотская церковь, ныне Никольская. В глубину материка город <...> не шел; здесь были постройки для трех ярмарок, а далее степь, понижавшаяся к западу и переходившая в болотистую ложбину, поросшую камышами и богатую болотную дичью <...>. По отношению к прочей России Таганрог все еще представлял нечто вроде островка, отделенного малонаселенными степными местами и едва ли его сношения с континентальной Россией были большими, чем со странами лежавшими у морей Черного, Мраморного и Средиземного. <...> Климат Таганрога хвалили <...>, Екатерина II в письме к Вольтеру говорила, что все приезжающие из Таганрога «не нахвалятся» климатом его. Таки возник, населился и стал городом Таганрог. Практический гений Петра Великого и тонкий ум мудрой Екатерины II создали его.

Оставил в городе свой след и царь Александр I. В конце своего царствования, осенью 1825 г. он переехал с сильно болевшей царицей из Ст. – Петербурга в Таганрог, где и умер три месяца спустя. Во время императорской четы в Таганроге город на краткий срок стал теновой столицей империи.

В первый раз Александр I посетил Таганрог в 1818 году, когда путешествовал по югу России. <...> Город произвел на Императора очевидно приятное впечатление, тем более, что это было весною. <Во второй раз> причиною поездки Императора Александра в Таганрог была болезнь Императрицы, для которой врачи нашли необходимым пребывание на юге, указывая между прочим на Крым. Но Александр <именно> Таганрог, нашел его во всех отношениях удобным для Императрицы. <...> Впоследствии, порицая «хваленый Крым», он повторял, что доволен выбором.

Крым с самого начала его освоения Россией в конце XVIII в. считался местом с очень здоровым климатом. По этой причине выбор царем в качестве здравницы Таганрога был воспринят в придворных кругах со скептическим неудовольствием. Однако Приазовье по своим климатическим особенностям мало чем отличалось от Крымского побережья. В книге Павла Филевского мы читаем о Таганроге:

Климат города, как и всего степного края южной России сухой, почему лето бывает довольно жарким, а бесснежная зима при сильных северо-восточных ветрах – тяжелая, хотя и непродолжительная. Господствующих ветров два: северо-восточный или, как его местные жители называют, верховой и юго-западный – низовой; этот последний приносит атмосферную влагу и нагоняет воду в Таганрогский залив и иногда так поднимает ее, что большие пароходы с рейда могут подойти к набережной, но только редко на это отваживаются, чтобы не застрять при быстрой перемене ветра. <...> Местность, окружающая Таганрог решительно не имеет болот, что освобождает Таганрог от вредных миазмов и таких беспокойных посетителей, как комары, которые иногда, хотя и нагоняются из гирл восточным ветром, но в очень незначительном количестве да и то по низменной береговой линии³². <...> Дом, в котором поселился Александр I-й и Елизавета Алексеевна был каменный, в один этаж; впрочем, Государь предполагал вывести и второй этаж; в подвальном этаже были службы. Между дворцом и земляными укреплениями крепости лежала обширная, незастроенная тогда площадь, которую Император имел намерение засадить садом. <...> Половина, занимаемая Императрицею, состояла из восьми весьма небольших комнат, в каковых кроме Императрицы помещались еще фрейлины Валуева и княжна Волконская. Посредине дома проходил, больше других комнат, сквозной зал для приемов. В этой же половине была помещена походная церковь. Половину, занимаемую Императором, составляли две комнаты с другой стороны приемного зала; в угловой был

³² Тем не менее, здравницей России все же стал Крым. В крымской Ялте отдыхала царская фамилия, здесь же в построенном им в 1898 г. доме подолгу жил Чехов.

кабинет со спальней, а другая составляла уборную, она одним окном выходила во двор и была полукруглая. При этих двух комнатах был коридор с просветом из уборной для дежурного камердинера; гардеробная же была внизу, в подвальном этаже. При доме довольно обширный двор и небольшой сад с плодовыми деревьями, запущенный и к прибытию Императора несколько приведенный в порядок <...>. Дом был меблирован очень просто, но, разумеется, прилично, без всякой роскоши и богатства. Порядок в комнатах по приезде Государя устанавливался им самим. Он сам расставлял простые стулья и небольшие липовые шкафы для библиотеки, вбивал собственноручно гвозди и вешал картины. Вообще Александр I, никогда не любивший роскоши и внешнего этикета, устраивался в Таганроге попросту. Из многого можно было заметить, что он устраивался в Таганроге надолго, быть может навсегда. Он давно тяготился делами государственного управления, тем более, что был совершенно разочарован в своем политическом идеале. О намерении Императора отказаться от престола и поселиться в Таганроге можно заключить из его желания прибавить второй этаж во дворец, устроить сад между крепостью и дворцом; кроме того, он говаривал: «надо, чтобы переход к частной жизни не был резок»; а обращаясь к Волконскому говорил: «и ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем». Среди граждан Таганрога Александр I-й держал себя в высшей степени просто. С семи часов до девяти он прогуливался пешком, а с одиннадцати в экипаже с Императрицею до первого часа. Любимая его прогулка была по направлению к городскому саду, за которым он подолгу просиживал на особом месте; городским садом он много занимался, назначал рабочим их работу; составлен был целый штат для устройства сада и выписан лучший садовник из Петербурга. Разговаривая с градоначальником Дунаевым, он однажды сказал: «позвольте мне в вашем саду похозяйничать» и приказал купить дачу и рощицу, прилегающую к саду, чтобы его увеличить. К своему дворцу Император собирался прикупить имение бывшего градоначальника Папкова, состоящее из сада и нового, лучшего тогда в Таганроге, дома <...>. Обед Государя оканчивался в час, после обеда Государь и Государыня опять гуляли или ездили по городу.

Свое особое благорасположение к городу император отметил указом 19 октября 1825 года, за собственноручною подписью о восстановлении торговых льгот, отмененных в годы Отечественной войны 1812 г.:

«...желая изъявить особенное благоволение Мое к городу Таганрогу и оказать возможные способы к возвышению и устройству сего, столь важного и полезного для внутренней российской торговли порта, Я повелеваю вам возобновить выдачу десятой части со всех таганрогских таможенных пошлин для приведения таганрогской гавани в состояние, достоинству здешней торговли соответственное и на устройство других зданий для порта и города нужных, отпуская сию сумму на прежнем основании в ведение таганрогского градоначальника с тем, чтобы употребление оной сообразно предполагаемой цели было производимо под особенным распоряжением новороссийского генерал-губернатора. Впрочем, сию десятую часть производить ежегодно в сумме, не свыше одного миллиона рублей годового пошлинного сбора, отпуск же оной начать с получения сего и продолжать впредь до указа». <...> Между тем приехавший в Таганрог новороссийский генерал-губернатор Воронцов и проживавший в Таганроге стал предлагать Государю побывать в Крыму, в котором, по словам Воронцова, много сделано в его генерал-губернаторство. Предложение было настойчиво повторяемо, и император, сказав, что соседям нужно жить в дружбе согласился ехать. Пред самым отъездом произошло, как рассказывают, следующее характерное в жизни Александра I-го обстоятельство: он сел писать письмо к своей матери Марии Федоровне; было четыре часа дня, но надвинулась темная осенняя туча и в комнате стало темно. Государь потребовал свечи, но так как скоро опять стало светло, то камердинер Анисимов спросил, не прикажет ли Государь убрать свечи. «А для чего»? – спросил Государь. – «Для того, Ваше Величество, что на Руси днем со свечами писать не хорошо». –

«Разве в том что-нибудь заключается? – заметил Государь – скажи правду, верно ты думаешь, что, увидя с улицы свечи, подумают, что здесь покойник»? – «Точно так, Государь, по замечанию русских». – «Если так, сказал с улыбкой Государь, – то возьми свечи». В Крым отправился Александр Павлович сухим путем и первое время был доволен прогулкой, хотя ехал не особенно охотно и хотел сократить путешествие, как только возможно. Но недалеко от Севастополя отправился посетить Георгиевский монастырь и, несмотря на советы проводников теплее одеться, не хотел надеть шинель и тогда же почувствовал, что ему холодно. В Бахчисарае он жаловался доктору Вилье на лихорадку, но, несмотря на просьбы доктора, принимать лекарства отказался и спешил возвратиться в Таганрог. 4 ноября он был в Орехове, где был в церкви и прикладывался ко кресту, в 7 часов вечера того же числа прибыл в Мариуполь, где доктор Вилье нашел у Императора лихорадку в полном развитии. Встревоженный болезнью Государя доктор уложил его в постель, дал стакан крепкого пуншу и предложил оставаться в Мариуполе, но Александр Павлович не согласился, говоря, что он едет к себе домой. На другой день утром Государь чувствовал сильное утомление и слабость. В десятом часу, в закрытой коляске, закутавшись в теплую шинель, он выехал из Мариуполя и прибыл в 8 часов вечера 5 ноября в Таганрог.

Болезнь Александра I прогрессировала, и 19 ноября 1925 года в 10 часов и 47 минут утра он скончался на руках императрицы и своих приближенных.

Императрица Елизавета Алексеевна, как известно, не надолго пережила своего супруга; она умерла 4 мая 1826 года на пути из Таганрога в Петербург на 45 году жизни.

В 1830 г. в Таганроге был установлен памятник Александру I работы скульптора Мартоса – первый монумент города и единственный памятник этому государю в Российской империи³³.

Несмотря на отсутствие промышленного производства и плохое водоснабжение город разрастался и богател. Развитию Таганрога способствовала и близость к сельскохозяйственным районам Украины и Новороссии и удобная транспортная артерия – река Дон. Город вел интенсивную торговлю пшеницей³⁴, льном, паюсной икрой, пенькой.

При таком состоянии внешней торговли Таганрога однако же повсюду раздавались жалобы на крайнее неблагоустройство <его> порта. <...> ... если бы <появилась> возможность нагружать заграничные пароходы прямо с гавани, то Таганрог <...> привлек бы массу груза идущего другим и худшим путем за границу.

В Таганроге были открыты консульства 15 государств – Бельгии, Великобритании, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Персии, Турции Швеции и других держав.

³³ После Революции, в 1932 г. памятник был демонтирован и переплавлен в металл. В 1998 г. к годовщине 300-летия Таганрога памятник в несколько измененном виде был восстановлен по сохранившимся чертежам и установлен на Александровской площади города.

³⁴ В 1862 г. городской голова Таганрога Николай Джурич в работе «О значении южного края для России» отмечал: «Пшеница составляет важнейший предмет отпускной торговли Таганрога. В особенности славится таганрогская Арнаутка, которая по причине своей тяжеловесности, прочности и других преимуществ продаётся на заграничных рынках решительно дороже всех самых высоких сортов пшеницы всевозможных мест». В Италии, куда эта пшеница поставлялась под названием «Taganrog», она была особо востребована в производстве «пасты»: URL: <https://www.ntk-61.ru/glavnaya/uteryannoe-dostoyanie-ili-kak-vernut-taganrog-obratno-v-rossiyu.html>

«...» Антон Павлович Чехов родился в те времена, когда будущее города казалось обеспеченным: дожидался высочайшего одобрения проект строительства южной железной дороги³⁵. Обозы, груженные пшеницей и мясом, тянулись в Таганрогский порт, поскольку до ближайшего крупного города, Харькова, было пятьсот верст по степному бездорожью [РЕЙФ. С. 30].

В 1860 г. в портовом городе Таганрог Таганрогского градоначальства Екатеринославской губернии насчитывалось 8 церквей, 1900 домов, 343 лавки и проживало более несколько десятков тысяч человек³⁶ разного происхождения и вероисповедания. Основную часть из них составляли русские, к коим будущий писатель принадлежал по крови и по рождению, но рядом, бок о бок, сплоченными общинами жили и другие «языцы». Старший брат Антона Павловича – Александр Чехов, оставил такое вот описание родного города:

Это был город, представлявший собою странную смесь патриархальности с европейской культурой и внешним лоском. Добрую половину его населения составляли иностранцы – греки, итальянцы, немцы и отчасти англичане. Греки преобладали. Расположенный на берегу Азовского моря и обладавший мало-мальски сносною, хотя и мелководною гаванью, построенной еще князем Воронцовым, город считался портовым и в те, не особенно требовательные времена оправдывал это название. Обширные южные степи тогда еще не были так распаханы и истощены, как теперь; ежегодно миллионы пудов зернового хлеба, преимущественно пшеницы, уходили за границу через один только таганрогский порт. Нынешних конкурентов его – портов ростовского, мариупольского, ейского и бердянского – тогда еще не было.

«...»

Аристократию тогдашнего Таганрога изображали собою крупные торговцы хлебом и иностранными привозными товарами – греки: печальной памяти Вальяно, Скараманга, Кондоанакис, Мусури, Сфаелло и еще несколько иностранных фирм, явившихся Бог весть откуда и сумевших забрать в свои руки всю торговлю юга России. Все это были миллионеры и притом почти все более или менее темного происхождения, малограмотные и далеко не чистые на руку.

«...»

Зато внешнего, мишурного лоска было много. В городском театре шла несколько лет подряд итальянская опера с первоклассными певцами, которых негоцианты выписывали из-за границы за свой собственный счет. Примадонн буквально засыпали цветами и золотом. Щегольские заграничные экипажи, породистые кони, роскошные дамские тысячные туалеты составляли явление обычное. Оркестр в городском саду, составленный из первоклассных музыкантов, исполнял симфонии. Местное кладбище пестрело дорогими мраморными памятниками, выписанными прямо из Италии от лучших скульпторов. В клубе велась крупная игра, и бывали случаи, когда за зелеными столами разыгрывались в какой-нибудь час десятки тысяч рублей. Задавались лукулловские обеды и ужины. Это считалось шиком и проявлением европейской культуры. В то же время Таганрог щеголял и патриархальностью. Улицы были немощенные. Весною и осенью на них стояла глубокая, невылазная грязь, а летом они покрывались почти сплошь буйно разраставшимся бурьяном, репейником и сорными травами. Освещение на двух главных улицах было более чем скудное, а на остальных его не было и в помине. Обыватели ходили по ночам с собственными ручными фонарями. По субботам по городу ходил с большим веником на плече, наподобие солдатского ружья, банщик и выкрикивал: «В баню! В баню! В торговую баню!» Арестанты, запряженные в телегу вместо лошадей, провозили на себе через весь город из склада в тюрьму мешки с мукой и крупой для своего пропитания. Они же всенародно и варварски уничтожали на базаре бродячих собак с помощью дубин и крюков.

³⁵ В 1869 г. Таганрог был соединён железной дорогой с Харьковом и Ростовом-на-Дону.

³⁶ Данные о численности населения Таганрога к началу 1860-х гг. в справочных источниках – [ЭТг], [ИСТТг] и [НарЭн-ГиРР. Таганрог] – сильно разнятся: от 21 до 42 тыс. человек.

Лошади пожарной команды неустанно возили «воду и воеводу», а пожарные бочки рассыхались и разваливались от недостатка влаги. Иностранные негоцианты выставляли на вид свое богатство и роскошь, а прочее население с трудом перебивалось, как говорится, с хлеба на квас.

Такова была физиономия тогдашнего Таганрога.

Помимо крупных негоциантов и закабаленных ими полуголодных пролетариев, существовал еще класс обывателей. Это были так называемые «маклера», тоже большею частью иностранцы. Эти господа имели свои «конторы», скупали мелкими партиями привозимый из деревень чумаками на волах хлеб, ссыпали его в амбары и затем перепродавали Вальяно или другим тузам, составлявшим крупные партии уже для отправки за границу. У этих тузов также были свои конторы. В них совершались торговые сделки и велась обширная коммерческая переписка с иностранными европейскими фирмами. У Вальяно, который до конца дней своих не научился ни читать, ни писать и умер в буквальном смысле слова неграмотным, служил в конторе целый штат клерков, бухгалтеров и разных делопроизводителей. Штат этот получал довольно солидное содержание – и попасть клерком в контору к Вальяно или к Кондоянаки, к Скараманга или к кому-нибудь из этих финансовых дельцов значило составить себе карьеру [ЧАП]³⁷.

Антон Чехов также не раз в своих письмах поминал Таганрог – и в желчно-саркастических, и в умильно-ностальгических выражениях:

Всей душой хотел я повидаться с вами, пожить в Таганроге, погулять по саду; мечтал об этом еще зимою, но беда в том, что когда я проезжал через Таганрог и с вокзала глядел на Михайловскую церковь (это было 6 августа, в день Преображения), то чувствовал себя не в своей тарелке и решительно не был в состоянии исполнить свое и твое желание, т. е. остаться в Таганроге. Целый месяц я ездил по Крыму и Закавказью и утомился страшно; мне опротивели и вагоны, и виды, и города, и я думал только о том, как бы скорее попасть мне домой, где меня с нетерпением ожидали семья и работа. Не дал же я вам знать о своем проезде, потому что боялся оторвать тебя от дела, а дядю от праздничного отдыха.

Пробираясь <...> через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, умение довольствоваться грошами и неопределенным будущим – все это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной... Совсем Азия!

Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких... Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников.

<...>

А ватер-клозеты здесь на дворе, у чërта на куличках... Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям.

От среды до субботы шлялся в сад, в клуб, к барышням... Как ни скучна и ни томительна таганрогская жизнь, но она заметно втягивает; привыкнуть к ней не трудно. За все время пре-

³⁷ Впервые этот очерк, в котором оценки даются автором-«нововременцем» с выражено национал-охранительских позиций, был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1907).

бывания в Т<аганро>ге я мог отдать справедливость только следующим предметам: замечательно вкусным базарным бубликам, сантуринскому, зернистой икре, прекрасным извозчикам и неподдельному радушию дяди. Остальное все плохо и незавидно. Баришни здесь, правда, недурны, но к ним нужно привыкнуть. Они резки в движениях, легкомысленны в отношениях к мужчинам, бегают от родителей с актерами, громко хохочут, влюбчивы, собак зовут свистом, пьют вино и проч. Есть между ними даже циники <...>.

Что отвратительно в Т<аганро>ге, так это вечно запираемые ставни. Впрочем, утром, когда открывается ставня и в комнату врывается масса света, на душе делается празднично.

На книгах должны быть автографы – это необходимо. (После своей смерти, т. е. лет через 70–80, я жертвую свою библиотеку Таганрогу, где родился и учился; с автографом книга, особенно в провинции, ценится в 100 раз дороже.).

Вот если захочется отдохнуть, то приеду в Таганрог, пожуирую с тобой. Воздух родины самый здоровый воздух. Жаль, что я небогатый человек и живу только на заработок, а то бы я непременно купил себе в Таганроге домишко поближе к морю, чтобы было где погреться в старости.

Был я в Таганроге – тоска смертная.

Для меня, как уроженца Таганрога, было бы лучше всего жить в Таганроге, ибо дым отечества нам сладок и приятен, но о Таганроге, его климате и проч. мне известно очень мало, почти ничего, и я боюсь, что таганрогская зима хуже московской.

Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель.

Ночью чистое мучение: потемки, ветер, трудно отворяемые скрипучие двери, блуждание по темному двору, подозрительная тишина, отсутствие газетной бумаги... Купил гуниади³⁸, но здешний гуниади – бессовестная подделка, с полынной горечью. Каждую ночь приходилось жалеть и бранить себя за добровольное принятие мук, за выезд из Москвы в страну поддельного гуниади, потемок и подзаборных ватеров.

Если бы в Таганроге была вода или если бы я не привык к водопроводу, то переехал бы на житье в Таганрог. Здесь в Ялте томительно скучно, от Москвы далеко, и трудно ходить пешком, так как, куда ни пойдешь, везде горы. Когда в Таганроге устроится водопровод, тогда я продам ялтинский дом и куплю себе какое-нибудь логовище на Большой или Греческой улице.

Я уверен, что, служа в Таганроге, я был бы покойнее, веселее, здоровее, но такова уж моя «планида», чтобы остаться навсегда в Москве... Тут мой дом и моя карьера... Служба у меня двоякая. Как врач, я в Таганроге охалатился бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий я имею смысл только в столице³⁹.

³⁸ Гуниади – имеется в виду «Гуниади Янос», лечебная горькая природная минеральная вода очень высокой минерализации из термальных источников, находящихся недалеко от Будапешта (Венгрия). В Россию поставлялась по экспорту и была очень популярно как слабительное средство.

³⁹ А.П. Чехов – Г.М. Чехову. 10 сентября 1888 г. (Москва); – Чеховым. 7 апреля 1887 г. (Таганрог); – Н.А. Лейкину. 7 апреля 1887 г. (Таганрог); – Чеховым. 14–19 апреля 1887 г. (Таганрог); – Н.А. Лейкину, 23 апреля 1888 г. (Москва); – Г.М. Чехову, 21 марта 1895 г. (Мелихово); – Ал. П. Чехову. 23 сентября 1896 г. (Мелихово); – Чеховым. 7 апреля 1887 г. и 10–

Из-за противоречивых высказываний братьев Чеховых о родном городе в чеховедении:

Появилась нелепая и явно тенденциозная концепция, по которой не было, пожалуй, в старой России другого города, такого «захолустного» и «глухого», «провинциального» и «заштатного», «ленового» и «скучного», «глупого» и «безграмотного», как «какой-то Таганрог»; такого «дворянского» и «буржуазного», «купеческого» и «чиновничьего», «мещанского» и «обывательского», «сонного» и «мертвого», как «какой-то Таганрог» [БОНД].

Поэтому представляется необходимым привести независимые от этих стереотипов отзывы о Таганроге. В октябре 1877 года, например, в Таганроге провел несколько дней тяжело больной беллетрист-демократ Василий Алексеевич Слепцов. Свои впечатления о городе он описывает так:

Сегодня утром я приехал в Таганрог. Дорогой чувствовал себя прекрасно, много ел, спал и» в лучшем виде прошлялся целый день по городу. Таганрог – это греческое царство. Немножко похож на Киев, только... здесь греки. Все греки: разносчики, попы, гимназисты, чиновники, мастеровые-греки. Даже вывески греческие. И я рад, что узнал еще одно иностранное слово, а именно: бани по-гречески: эмпорики трапеза. Контора – это трапеза. Они там в этой трапезе кушают своих должников. Мне понравилось. Еще понравилось, что город у самого моря и даже из моего окна его хорошо видно. Кроме того, все здесь есть: и дистиллированный спирт, и сливочное масло, и лимоны (в Пятигорске и лимонов нет), и госпожа Оленина, т. е. газеты, одним словом, все, без чего мне и жизнь не мила.

Я подозреваю даже, что есть кефальная икра. Почтовая бумага есть. Это верно, есть – непротекающая. Я на ней пишу это письмо. Даже знакомые есть. Во-первых, разумеется, актеры – двое уже есть в этой же гостинице, да один адвокат, да еще поврежденный в рассудке купец.

«...» Погоду здесь я нашел прелестную, именно такую, как желал: ясная, теплая осень. Всяких фруктов и винограду множество... [БОНД].

С описаниями братьями Чеховыми своего родного города резко контрастируют и воспоминания другого коренного таганрожца, их младшего современника, поэта и джазового музыканта Валентина Парнаха:

Я родился в приморском белом городишке... Везде балконы и террасы. Сады полны чайных роз, сирени, гелиотропов. Стройные улицы, обсаженные белыми акациями и пирамидальными тополями, составляли сплошной сад. Летом весь город источал благоухание. Маленький порт, куда я часто ходил с отцом, казалось младенчески улыбался [ПАРНАХ. С. 22].

Спор о том, насколько счастливыми или несчастными были детско-юношеские годы Антона Чехова в этом «идиллическом» городке», которому смешанное население придавало тёплые нерусские краски» [ПАРНАХ. С. 16], начался сразу же после его кончины, когда достоянием общественности стали воспоминания его братьев и близких ему людей. Продолжается он и по сей день.

Детство живет по особому календарю. Оно невозможно без воспоминаний о рождественской елке, без надежды на будущее, без письма на деревню дедушке, которое обязательно должно дойти.

11 апреля 1887 г. (Таганрог). – П.Ф. Иорданову. 15 апреля 1897 г. (Мелихово); 25 июня 1898 г. (Мелихово); 11 мая 1902 г. (Ялта); – М.Е. Чехову. 31 января 1885 г. (Москва).

На фоне городской жизни и семейных проблем лавочник и гимназист Чехонь-Чехонте движется по своей траектории: ловит щеглов, тайком пробирается в театр, дает уроки, влюбляется, распродает вещи уехавшей семьи, что-то пытается писать и представлять.

«...» Детство у Чехова все-таки было: море, степь, театр – то минимальное пространство свободы, которого лишена героиня самого безнадёжного его рассказа, «Спать хочется».

И какой бы Азией ни казался позднее ему родной город, память о стипендии на обучение и просто память сердца он сохранил навсегда, и долг отработал сполна. Бесконечно пополняемая библиотека, переговоры со скульптором Антокольским о памятнике Петру, мечты о музее и картинной галерее, попечительские советы, помощь то сиротскому приюту, то тюрьме. Даже в письме-завещании *он позаботился не только о родных, но также о народном образовании* [СУХИХ. С. 6].

Среди нерусских одноклассников в Таганроге, как отмечалось выше, доминировали греки – потомки переселенцев, пришедших в Приазовье после русско-турецкой войны 1774 года. В ней греки сражались на стороне русских.

Это большею частью были смелые греческие патриоты, которых трехсотлетнее турецкое иго не приучило к рабству. «...» Большинство греков, перешедших на сторону русского флота при появлении его на водах Средиземного моря, вело разбойничью жизнь и называлось крестовыми братьями. Они действовали небольшими группами, при вступлении в которые клялись в верности друг другу и в непримиримой вражде к туркам «...». Эти братства дружно помогали одно другому, когда опасность превышала силу одного из них. Действовали они иногда на суше, но больше на море, а потому и составили столь полезный элемент в русском флоте во время первой турецкой войны.

С одной стороны опасение репрессалий турецких и жажда спокойной жизни в стране христианской, с другой – сознание важности услуг и жертв, принесенных русскому делу, возбуждали у греков желание переселиться в Россию и просить милостивого приема у Екатерины II, с чем они и обратились к Орлову, под предводительством которого дрались с турками. Граф Орлов в своем докладе о действиях русского флота в Средиземном море отозвался о греках как о героях и поддерживал их ходатайство.

Императрица прошение греков приняла благосклонно и, заинтересованная в заселении отвоёванного у турок Приазовья, повелела «повелеваем вам не только тех, кои в войске нашем служили со всем семейством их и всякого звания людей, которые объявят вам к тому свое желание, сколь великое число оных ни будет, на иждивении Нашем и Наших кораблях со всеми возможными на пути выгодами в отечество Наше отправить. А чтобы все оные соответственно Высочайшей Нашей воле, в российском порте приняты и в назначенное им место препровождаемы были, то имейте вы о числе их благовременно уведомить Нашего генерала Потемкина, которому на сей случай достаточно дано от Нас повеление. «...» объявить Высочайшим Нашим именем, что правосудие и природная Наша к общему добру склонность, приемлет их под праведный Свой покров, чиня всем оным в отечестве Нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище, и что человеколюбивое Наше сердце не престанет никогда о благосостоянии и пользе единоверного общества сего пещися»⁴⁰.

В том же императорском рескрипте греческим поселенцам даны были значительные привилегии, в том числе и как иноязычным единоверцам – право иметь свой монастырь, церковь и школу, где литургия и преподавание велись на греческом языке.

⁴⁰ Здесь и выше [ФИЛЕВ].

К началу XIX века греки составляли треть населения города. Здесь были открыты греческие церкви, школы, действовало одно из старейших представительных учреждений юга России – Греческий магистрат, созданный в 1781 году. Грекам город обязан и своим своеобразным архитектурным обликом. Большинство особняков на главных улицах города были выстроены для греческих торговых семей. Путешественники, посещавшие Таганрог в середине XIX века, отмечали, что по красоте построек Таганрог был первым городом в Екатеринославской губернии.

«...» в 1869 году в Таганроге среди купцов было 481 грека, 242 еврея, 30 немцев. Если русское купечество в основном контролировало внутригородскую и ярмарочную торговлю⁴¹, то греки держали в своих руках экспортно-импортные сделки со странами Европы и Азии. Филиалы их компаний находились в крупнейших портах мира [ЦЫМБАЛ. С. 15].

В 1866 г. в отчете Министру внутренних дел Таганрогский градоначальник контр-адмирал И. А. Шестаков писал: «Таганрог остался иностранным городом. «...» Греки вовсе не сливаются с русскими, не исключая и тех, которые щедротами монархов приросли к русской почве». Количество греческих купцов в городе вдвое превосходило число русских, семьи Ралли, Муссури, Скараманга, Родоканаки, Бенардаки и др. держали в руках всю крупную международную торговлю [МЕОТИС].

Греки занимали видные должности в городской управе, активно занимались благоустройством города и благотворительностью, играли заметную роль в культурной жизни Таганрога.

Иные из них, некогда разбойничавшие в Средиземном море, стали финансовыми воротилами; другие наживались, обжуливая русских землевладельцев и подкупая таможенников. Деньги тратили они щедро, что сказалось и на развитии искусств. Греки собирали оркестры, открывали клубы, школы, церкви, выписывали из Франции поваров, чтобы задавать Лукулловы пиры, а из Италии – скульпторов, которые сооружали им на кладбищах роскошные надгробия. Затем примеру греков последовали русские и итальянские купцы, как, впрочем, и множество других иноземных торговцев [РЕЙФ. С. 30].

С 1863 года в Таганрог была приглашена итальянская опера, которая привела таганрогских театралов в неописанный восторг и была главной побудительной причиной для постройки нового театра. «...» Богатые греки, как Варвацци, выдавали от себя субсидии опере, посылали на свой счет толковых людей в Италию набирать труппу. Таганрогская публика, довольно равнодушная к другим искусствам, оказалась большой любительницей музыки. «...» Не следует думать, что только высший класс увлекался оперою; увлекались решительно все. Уличные и народные песни были забыты: извоштики, стивидоры⁴², горничные, прачки – все пели Лукрецию Борджию, Лучию, Трубадура, Роберта Дьявола, Бал Маскарад, Риголетто, Севильского цирюльника и пр. Самые разнообразные элементы: гимназисты, чиновники, приказчики, негодяи сходились на одном общем поприще – увлечении оперой [ФИЛЕВ].

Интересное описание таганрогских греков приводит свидетель того времени лекарь Пантелеймон Работин:

⁴¹ В 1780 году азовский губернатор В.А. Чертков учредил в Таганроге ярмарки, положив начало внутренней торговле в Таганроге. 9 мая открывалась Никольская, а 15 августа – Успенская ярмарка. Они представляли собой основную форму внутренней торговли и способствовали расширению и укреплению экономических связей Таганрога со многими районами России.

⁴² Стивидоры – лица, ведающие погрузкой и выгрузкой судов в портах.

Почти все поселившиеся в Таганроге греки в большей или меньшей степени занимаются заграничной торговлей. Захватив все в Азовском бассейне, живя и обогащаясь за счет местного населения, они мало заботятся о нуждах города. Большой частью их отличает трудолюбие и бережливость, они всегда поглощены коммерческой деятельностью, ставя на первое место обогащение. От природы одарены изворотливостью ума, хитростью и проницательностью. В обращении с подчиненными горды, надменны и грубы, но перед богатым влиятельным лицом почтительны и мягки. По натуре греки скрытны, недоверчивы, льстивы и коварны. Большая часть браков преследует материальные выгоды и завершается заочно.

У греков нет обыкновения запросто принимать гостей, и русское хлебосольство и радушие не привилось в их среде. Занятые коммерческими делами, дома они появляются только к обеду, вечера же проводят в клубах и своих кофейнях, ведя там бесконечные деловые разговоры или играя в карты. В семейной жизни наблюдается мужской деспотизм. При отсутствии хозяина дома женщины не смеют принимать гостей и из боязни, что кто-либо из знакомых зайдет «на огонек», закрывают оконные ставни и двери. Правда, им дозволено изредка посещать публичные собрания, летние гуляния в городском саду, а зимой по Большой улице, однако, далеко от мужчин. Такой образ жизни самого богатого, самого влиятельного городского сословия отражается на всей городской жизни. Когда мужья на работе, а женщины сидят дома взаперти, улицы города кажутся безлюдными и скучными.

По большей части греки смуглы, черты лица несколько продолговаты, правильны и красивы. Телосложение стройное, но не рослое и несильное. Красота и свежесть женщин скоро проходящая. Под влиянием замкнутого образа жизни они скоро перезревают, лица вянут, тело грубеет и к старости становится отвратительно-безобразным, не оставляя и следа прежнего благообразия [Гаврюшкин].

При крещении Антона в русском православном соборе его крестной матерью была восприемниками были греки. В дальнейшем, судя по фамилиям адресатов переписки, греки не входили в число знакомых Чехова, с которыми он поддерживал разного рода отношения. Исключение составляет доктор медицины Павел Федорович Иорданов, о котором речь пойдет ниже.

Несомненно, Антон Чехов, как и вся его семья, постоянно пересекались с согражданами греческого происхождения, имели соучеников, хороших знакомых и даже дальнего родственника из этой среды. Об этом, в частности, свидетельствуют письма старшего брата писателя Александра Павловича Чехова [ПАПЧ]. Более того, когда:

Павел Егорович перешел в греческий монастырь, который, желая расширить приход, начал вести службы на русском языке, <...> <он> взял в хор троих старших сыновей. Позже Александр вспоминал: «Доктор, лечивший у нас в семье, восставал против такого раннего насилования моей детской груди и голосовых средств». Пение в церковном хоре превратилось в пытку, растянувшуюся на долгие годы. Особенно тяжело было в Пасху, когда мальчиков из теплых постелей выгоняли чуть свет к заутрене. Потом они выстаивали по две-три нескончаемые службы, а накануне долго репетировали в лавке, то и дело получая от хормейстера оплеухи. <...> прихожане умилялись, глядя, как Александр, Коля и Антон, коленопреклоненные на стылом каменном полу, поют трехчасовой тропарь «Разбойника благоразумного». Но мальчикам было не до благолепия. Антон вспоминал, что они чувствовали себя «маленькими каторжниками» и, стоя на коленях, беспокоились о том, как бы публика не увидела их дырявые подошвы [РЕЙФ. С. 34, 35].

При всем этом, однако, впав в нужду, никакой финансовой поддержки от богатых таганрогских греков Павел Егорович Чехов не получил⁴³, да и Антону не к ним за вспоможением обращаться советовал, а к своему бывшему хозяину, купцу 1-й гильдии Ивану Кобылину. Со всеми «языцами», проживавшими в Таганроге, Антон Чехов сызмальства общался в повседневном быту. С детских лет прислуживая в лавке отца, он научился доброжелательной общительности в отношениях с посторонними людьми, столь свойственной профессиональным торговцам, высококультурным интеллигентам и аристократам. Впрочем, последние две категории представителей тогдашнего социума навряд ли заглядывали в лавку купца 2-й гильдии Павла Чехова. И хотя Антон легко располагал к себе всех, с кем сталкивала его жизнь, в дома именитых таганрогских богатееров, в абсолютном большинстве своем людей нерусского происхождения, он никогда по жизни вхож не был.

В контексте этого утверждения исключением является дружба Антона с одноклассником Андреем Дросси, выходцем из богатой греческой семьи, о коем речь будет идти впереди. Других греков среди лиц, с которыми он бы поддерживал близкие дружеские отношения, в его жизни не было и какого-либо интереса к жизни греческой диаспоры он, будучи писателем, не выказывал. Причиной здесь может быть тот факт, что греческие элиты в своем большинстве, несмотря на симпатию к ним как единоверцам русского правительства, крепко держались за свою этническую идентичность. Неизменно крепка была их духовная связь и с недавно вновь обретшей независимость исторической родиной – Элладой. Поэтому в общероссийском культурно-политическом процессе греки, в отличие от, например, евреев, не имевших национального очага, активного участия не принимали и в истории Российской империи ничем особенно не прославились⁴⁴.

В 1860-м году население Таганрога было 21 279 человек: 13 568 муж чин и 7 711 женщин. Большинство жителей, около 14,5 тысяч человек, принадлежали к мещанскому сословию. Остальное население было довольно пёстрым по социальному составу: 570 дворян, 59 священнослужителей, 705 купцов, 707 – ремесленников, 3 016 крестьян, 278 бывших дворовых людей, 97 вольных матросов, 540 солдат, солдатских вдов и матерей, 607 иностранных подданных. <...> Кроме русских и украинцев в Таганроге проживали: 3 тысячи греков, 100 – немцев, 40 – французов, 15 – англичан, 200 – итальянцев, 363 – еврея, 30 – армян, 3 – татарина и один араб. Основная масса населения исповедовала православную веру. Кроме того, 412 человек были католиками, 363 – иудеями, 72 – протестантами, 31 – армяно-григорианского вероисповедания, 3 – мусульманского. Жители города посещали 14 храмов, среди которых были Успенский собор, девять православных русских церквей, две греческих церкви, в которых служба велась на греческом языке, католический костёл и синагога [ЦЫМБАЛ. С. 29].

Поскольку Таганрог до 1887 г. входил в «черту оседлости», численность еврейского населения в нем росла особенно быстро. К концу 1880-х годов соотношение проживающих в городе людей из числа мещанского сословия по национальному признаку было <следующим>: русских числилось – 30636, греков – 2769 <~ 9 %>, евреев – 2031 <~ 6,3 %>⁴⁵, немцев – 576 <~

⁴³ В 1876 г. Павел Чехов полностью разорился. Непосредственным поводом для разорения послужила постройка собственного небольшого каменного дома, которая по вине недобросовестного подрядчика обошлась очень дорого. От долговой ямы он бежал в Москву, где полтора года бедствовал и лишь в 1877 г. поступил на постоянную службу конторщиком к купцу И.Е. Гаврилову, у которого проработал тринадцать с половиной лет. В Таганроге вся тяжесть борьбы за выживание семьи легла на плечи Антона. С 1892 г. П.Е. Чехов жил в Мелиховском имении А.П. Чехова, где присматривал за хозяйством, ухаживал за садом, вел дневник, прочитывал все газеты и давал потом справки А.П. Чехову о любых статьях. Умер в 1898 г. после неудачной операции в Москве, где и похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁴⁴ См. Известные люди *греческого* происхождения: URL: <http://www.allgreeks.ru/history/>

⁴⁵ 26 октября 1941 г. захватившими город немцами в Петрушинской балке было расстреляно по разным данным от 3000 до 7000 евреев – см. [ВОЛОШ-Р. С. 187].

1,8 %>, армян – 181 <~ 0,6 %>, поляков – 109 <~ 0,3 %>, и др. национальностей в небольших количествах [ВОЛОШ].

В Таганроге имелась синагога, при которой действовали еврейские молитвенная школа «Талмуд Тора», погребальное братство, общество заботы о призрении бедных. В экономической области евреи ко второй половине XIX в. значительно потеснили греков. Финансовыми королями города являлись представители семьи Поляковых – братья Яков, Самуил и Лазарь. Особенно знаменит был, конечно, старший, Яков Соломонович, увековеченный Толстым в «Анне Карениной» под именем железнодорожного чиновника Болгарина. Он основал в Таганроге вместе с братом Самуилом два крупнейших в юго-западной части России банка – Азово-Донской коммерческий и Донской земельный:

...орлами финансовых предприятий в Таганроге были Азовско-Донской Коммерческий с 1871 года и Донской-Земельный с 1872 банки; как тот, так и другой возникли при ближайшем участии и руководстве Я.С. Полякова. Конечно, Донской земельный банк особенного значения в торговле иметь не мог, если не считать, что коммерческие люди в трудные минуты прибегали к займу под залог своих имений на лучших условиях, чем у частных лиц; но Азовский банк, это типичный акционерный банк с самыми разнообразными операциями; смелый, но и деятельный в своих предприятиях. Первое время его существования, в противоположность тому, как это обыкновенно бывает, он действовал вяло и скромно, но после того, как во главе его стал А.Б. Нент цель и приглашен был для развития его операций, в особенности, иностранных, Чаманский, перешедший потом в Париж в отделение петербургского для внешней торговли банка, банк стал сразу на высоту современных требований финансового учреждения. Дело его быстро стало развиваться. С каждым годом стали открываться все новые и новые его отделения и агентуры и не только в ближайших пунктах – Ростов, Екатеринодар, Керчь, Владикавказ, Мелитополь и проч., но и в таких, как Харьков, Екатеринослав и Варшава [ИСТТг].

Яков Поляков также создал каботажный флот на Азовском море и владел очень влиятельной в российском деловом мире «Банкирской конторой Якова Полякова» в Таганроге. Ко всему прочему он еще являлся консулом Персии и вице-консулом Дании.

В феврале 1866 года на самом высоком уровне было решено считать Курско-Азовскую железную дорогу самой важной и принято <решение о постройке> веток дороги к Таганрогу и к Ростову-на-Дону. 1 марта 1868 года концессия на строительство Курско-Харьковско-Азовской железной дороги была отдана подрядчику С.С. Полякову, его брат Яков Соломонович строит ж/д ветку к Таганрогу и возводит на границе города здание вокзала, ставшее одним из красивейших на юге Российской империи [ЦЫМБАЛ. С. 28].

За свою уникальную по масштабам филантропическую деятельность Яков Соломонович Поляков был избран почетным гражданином Таганрога. Имел чин тайного советника (sic!); был возведен в потомственное дворянство. Так как ни одно из дворянских собраний России не соглашалось включить его, как иудея, в число своих членов, он за крупную взятку был приписан к дворянам Области Войска Донского. Столь же высокого общественного статуса в Российской империи добился и его младший брат Лазарь.

В Таганроге проживало также несколько богатых армянских семей, занимавшихся торговлей и обслуживанием населения: братья Адабашевы, братья Багдасаровы, Ташие, Хаспек, Серебряков.

Помимо российских купцов и финансистов в Таганроге процветали и иностранные предприниматели, главным образом итальянцы.

По данным 1860 г. в Таганроге проживали 200 итальянцев, главным образом богатые торговцы и предприниматели. <...> Среди крупнейших экспортеров хлеба в середине 19-го в. века были неаполитанец Дросси и венецианец Милистиано. В начале 20-го века в Таганроге среди известнейших торговых домов был Дом «Братья Сифонео», принадлежавший итальянцам. <...> итальянцу Мошетти принадлежала большая макаронная фабрика, на которой в 1913 году было изготовлено макаронных изделий на 100 тыс. руб. <...> 1898 году в руках иностранцев находилось 81 торгово-промышленное заведение, в том числе 18 хлебоэкспортных и комиссионных контор [ИСТСВИ].

Нельзя не отметить, что, несмотря на жесткую конкуренцию и недовольство русского купечества засильем инородного и иностранного капитала, общественных конфликтов на национальной почве в городе не отмечалось. В годы Первой русской революции усилиями все того же Павла Иорданова, состоявшего в должности городского головы, в городе не было допущено еврейских погромов.

Павел Егорович Чехов мечтал, чтобы его дети пошли по торговой линии.

Главным образом по настоянию жены, Павел Егорович хотел дать детям самое широкое образование, но, как человек своего века, не решался, на чем именно остановиться: сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки, которые сорили деньгами и корчили из себя аристократов, – и у отца составилось твердое убеждение, что детей надо пустить именно по греческой линии и дать им возможность закончить образование даже в Афинском университете. В Таганроге была греческая школа с легендарным преподаванием, и, по наущению местных греков, отец отдал туда учиться трех своих старших сыновей – Александра, Николая и Антона; но преподавание в этой школе даже для нашего отца, слепо верившего грекам, оказалось настолько анекдотическим, что пришлось взять оттуда детей и перевести их в местную классическую гимназию [ВОСПМПЧ].

Греческие купцы втолковывали <Павлу Егоровичу>, что путь к благоденствию лежит через греческие торговые компании, где место маклера может давать до 1800 рублей в год. Однако занятие это требовало владения греческим. <...> Греческий язык преподавали в приходской школе церкви Святых Константина и Елены <...>, и это заведение славилось палочной дисциплиной [РЕЙФ. С. 36–37].

Братья Чеховы год провели в стенах этого заведения, но греческим языком дальше алфавита не овладели. Отец забрал их из училища и отдал в гимназию, куда они были зачислены в августе 1868 года. Таганрогская мужская классическая гимназия была старейшим учебным заведением на юге России и давала солидное по тем временам образование и воспитание. Окончившие восемь классов гимназии молодые люди освобождались от воинской повинности и при этом могли без экзаменов поступать в любой российский университет или поехать учиться за границу. О Таганрогской гимназии подробно рассказывается в сборнике [ИКиСОП] – статьи *Цымбал А.А.* Формирование культурного, социального, исторического пространства Таганрога и *Алферьева А.Г.* Таганрогские впечатления: гимназия, учителя, соученики:

Таганрогская мужская гимназия – была детищем александровских реформ. Указ о её создании был подписан императором в 1806 г. В гимназии обучались не только дети местных дворян и купцов, но и отпрыски знаменитых казачьих родов, малороссийского дворянства, приезжавшие из Новочеркасска, Екатеринослава, Ростова. В гимназии были созданы первая метеостанция, физическая лаборатория, историко-географический музей и старейшая в городе библиотека. Её выпускники внесли значительный вклад в развитие русской культуры. Среди них: поэт Н. Щербина; писатель, издатель первого литературного альманаха на украинском языке А. Корсун; историк права и создатель первой книги по Российской геральдике

А. Лакиер; композитор С. Майкапар; известный инженер-мостостроитель Н. Белелюбский; художник-передвижник К. Савицкий.

«...» На нужды образования выделялись средства из городского бюджета, которые увеличивались год от года. Значительные суммы поступали из благотворительных обществ и частных пожертвований. В Таганроге при всех учебных заведениях были созданы общества вспомоществования бедным ученикам, выплачивавшие пособия учащимся из неимущих слоёв, помогавшие им с одеждой, обувью, учебниками. Некоторые члены общества содержали пансионеров из числа приезжих, оплачивая их учёбу в гимназиях и училищах и выдавая средства на проживание. Особой формой помощи были городские благотворительные капиталы и стипендии. Они выделялись из городских средств, личных пожертвований и средств, собранных по подписке. Во второй половине XIX века было учреждено более 20 стипендий. Благодаря им, получил <в частности университетское> образование А.П. Чехов. [ЦЫМБАЛ. С. 48, 49].

В Таганрогской мужской классической гимназии Антон Чехов провел одиннадцать лет – четвертую часть своей жизни. «...» в этом престижном заведении обучались все братья Чеховы. Отец определял их туда одного за другим – по мере подрастания. Итоги обучения различались: Александр окончил курс с аттестатом и серебряной медалью, Антон с аттестатом, Николай и Иван «вышли» из гимназии, а Михаил вообще только начал учиться. Воспоминания об ученических годах остались у всех братьев, но проявлялись они, в основном, в переписке и литературном творчестве. Подробные мемуары под названием «Таганрогская гимназия 1866–1876 годов» написал только Александр Павлович [АЛФЕР (I). С. 108].

В современном чеховедении существует также мнение, что:

Таганрогская гимназия, <будучи> своеобразным Царскосельским лицеем на Азовском побережье, станет <при всем том> прообразом душевной учительской среды, в которой будут томиться чеховские персонажи; в ней для Чехова сошлись и рай и ад. Ученичество Антона пришлось на годы ее расцвета: достаточно просмотреть списки преподавателей и учеников, чтобы оценить эту кузницу талантов. Школа не менее жестко повлияла на Антона, чем семья, но она же помогла ему освободиться от родительского гнета. «...» В 1867 году министр образования граф Д. Толстой, посетив гимназию, вознамерился превратить ее в образцовое классическое учебное заведение: сомнительные дисциплины сменились обязательными латынью и древнегреческим, а русская литература, вызывавшая брожение умов, была вправлена в жесткие рамки. Неблагонадежным учителям отказывали в месте. Учеников из деревни, снимающих жилье у таганрожцев, стали расселять под строгим присмотром школьного начальства. Министр считал, что школе, как и церкви, надлежит воспринять насаждаемый им жандармский дух. В результате многие преподаватели превратились в надсмотрщиков, а занятия – в зубрежку, и вместе с тем для здравомыслящих учителей и талантливых учеников толстовские реформы в чем-то оказались благотворными. Двери гимназии были открыты для евреев, купцов, мещан, детей церковнослужителей и зарождающейся интеллигенции. Выпускники становились врачами, адвокатами, актерами и писателями «...». В российской гимназии в те времена со школьниками обращались благородно: если кого и наказывали, то отправляли в «карцер» – чисто выбеленную комнатку, обычно располагавшуюся под лестницей. Телесные наказания были запрещены: учитель, поднявший на ученика руку, увольнялся. Антону, после изощренных издевательств <в греческой школе> и тумачов в родительском доме, приготовительный класс показался раем. Как выяснилось, иных из его одноклассников не трогали пальцем даже дома. Молчаливое неприятие любого насилия над личностью, ставшее стержнем чеховской натуры, берет свое начало именно в школьном классе.

«...» На исходе третьего десятка Антон делился с братом Александром: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал

бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой». У Александра таганрогское детство тоже отпечаталось в памяти как «сплошное татарское иго без просвета». Эта же тема проходит и в воспоминаниях журналиста Н. Ежова: «Выпоров детей, Павел Егорович шел в церковь, а наказанным велел садиться за псалтырь и читать столько-то страниц. Сам Чехов, уже будучи увенчанным Пушкинской премией, говорил одному литератору: „Знаете, меня в детстве отец так порол, что я до сих пор не могу забыть этого!“ И голос писателя дрожал, так остры были его воспоминания»

<Но и в гимназии> греческий язык тоже совсем не давался Антону Чехову», в то время как старшие братья в прекрасно успевали в нем он «иной раз не дотягивал до тройки – оценки, позволяющей перейти в следующий класс [РЕЙФ. С. 38–42].

Сохранились воспоминания об Антоне Чехове его гимназических товарищей:

Антон Павлович решительно ничем не выделялся в нашей гимназической среде. Учился он со средним успехом, казался скромным, сосредоточенным, застенчивым, не любил шумных игр. Некоторые из нас усиленно занимались гимнастикой, другие увлекались игрой в лапту, требовавшей силы и ловкости... Такого рода упражнения Антона Павловича не привлекали. Зато в тихом кругу товарищей он любил побеседовать и давал изредка картинки, полные юмора. Помню его передачу о том, как старенький батюшка – неважный оратор, – исполняя предписание владыки, произнес в церкви проповедь «о падении добрых нравов в населении». Антон Павлович был прекрасный имитатор, и мы от души хохотали, слушая дребезжащий старческий тенорок батюшки, своеобразные обороты речи и оригинальные выводы.

Л. Волкеништейн. Сами себя воспитали.

Кончили мы таганрогскую гимназию в 1879 году. Учился Чехов неважно и из двадцати трех учеников выпускного класса занимал одиннадцатое место. За сочинения по русскому языку дальше тройки не шел, но всегда отличался в латыни и законе божьем, получая за них пятерки. Знал массу славянских текстов, и в товарищеских беседах увлекал нас рассказами, пересыпанными славянскими изречениями, из которых многие я впоследствии встречал в некоторых из его первых литературных произведений. Несмотря на свои средние успехи, Антон Павлович пользовался особым вниманием нашего учителя русского языка Мальцева и директора гимназии, общего любимца Рейтлингера. Товарищи, все без исключения, любили Чехова, хотя ни с кем из нас он особенно не сближался. Со всеми он был искренен, добр, прост и сердечен, но ни кто из нас исключительной дружбой его похвалиться не мог. Несмотря на общее к себе расположение, Чехов все-таки производил впечатление человека, ушедшего в себя. Никого он не чуждался, не избегал, но от товарищеских пирушек уклонялся и в свойственных школьному возрасту шалостях не участвовал. Всем была известна его исключительная склонность к чтению беллетристических произведений, которому он отдавал все свои досуги. О домашней жизни Чехова мы почти ничего не знали. Все почему-то считали его принадлежащим к духовному званию. Это, вероятно, благодаря его слабости к славянским текстам, которые он часто декламировал в гимназии, и знанию многих изречений из священной истории.

М. Д. Кукушкин. Из воспоминаний об А. П. Чехове – здесь и выше [СУХИХ. С. 7].

Одноклассник Антона Чехова М.А. Рабинович вспоминал, что тот написал в четвертом классе «едкое четверостишие» на инспектора А. Ф. Дьяконова для рукописного журнала, который издавался одним старшеклассником [ЧПССиП. Т. 18. С. 7].

В старших классах в нем обнаружилась определенная черта характера – острым метким словом охарактеризовать того или иного педагога или товарища. Иногда он подавал идею для

какой-нибудь остроумной затеи, но сам всегда был в стороне. Его идею или острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источником веселья и смеха [АЛФЕР (I). С. 149].

В выпускном классе Чехова из 23-х молодых людей этнических русских было всего лишь несколько человек, основной костяк гимназистов состоял из евреев, в числе других инородцев были два грека и один, немец:

Одновременно с Чеховым в 8-м классе учились: Аарон Виктеш маер, Моисей Волкенштейн, Исаак Волкенштейн, Евгений Воскресенский, Василий Зембулатов, Лев Зиберов, Мануэль Зельманов, Михаил Камышанский, Марк Кладас, Марк Красса, Шлема Крамарев, Михаил Кукушкин, Карл Лоренц, Давид Островский, Александр Сабсович, Исаак Сабсович, Дмитрий Савельев, Исаак Срулев, Авраам Чертков, Исаак Шамкович, Леон Эйнгорн, Иван Яковенко. *«Приазовская речь», 1910, 15 янв., № 40* [АЛФЕР (I).С. 157].

Можно полагать, что и в младших классах «русские»⁴⁶, будучи самой многочисленной частью жителей Таганрога, при этом составляли «национальное меньшинство» в общей массе гимназистов. Такого рода диспропорция, несомненно, была связана как исключительно высокой тягой еврейской молодежи к образованию⁴⁷, так и с низким уровнем грамотности, которым отличалось русское население в Российской империи. Например, в южнорусских губерниях численность грамотного населения официально регистрировалась на уровне менее 25 % (sic!) [РУБАКИН]. Из-за неграмотности русские в массе отличались и сравнительно низким уровнем мотивации, направленной на свой социальный рост. В этом отношении супруги Евгения и Павел Чеховы с их упорным стремлением дать образование всем своим детям резко выделяются из своего сословного окружения. Все Чеховы получили достойное образование. Старший сын Александр окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, рано ушедший из жизни Николай учился в МУЖВЗ, Михаил окончил юридическое отделение Московского университета. Иван и Мария Чеховы (последняя закончила московские Высшие женские курсы проф. В. И. Герье) прославились на стезе российского народного образования. За свою педагогическую деятельность И.П. Чехов получил грамоту на звание потомственного почётного гражданина, что приравнивало его к детям личных дворян и священнослужителей, к лицам с учёными степенями и купцам 1-й гильдии, награждённых орденами. М.П. Чехова, работая учительницей в женской гимназии, в 1903 г. получила золотую медаль на Станиславской ленте за «Усердие по образованию».

В начальных классах гимназист Антон Чехов приятельствовал со всеми, но крепко дружил лишь с Анреем Дросси и Исааком Срулевым. Исаак происходил из бедной еврейской семьи, память о которой не сохранилась. Да и о нем самом мало что известно.

В отличие от него Андрей Дросси, был сыном богатого таганрогского грека-комиссионера, из старинного, но сильно обрусевшего рода.

Глава семьи Дросси, Дмитрий Андреевич (1828–1897) оплачивал свидетельство купца 2-ой гильдии. П.П. Филевский вспоминал: «Старинный таганрогский комиссионер <...> Небольшого роста горячий грек, пользовавшийся славой честного коммерсанта». Около 1856 го да он женился на дочери харьковского купца Ольге Михайловне Калита (1837–1898), «крупной кра-

⁴⁶ Еще раз отметим, что украинцы в Российской империи не считались отдельным от русских этносом (народом), см. [МАЛѦvsУКР].

⁴⁷ В 1886 г. в России была введена процентная норма для приёма евреев в гимназии и университеты. Обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев считал, что, поскольку университеты существуют на налоги, а евреи составляют лишь пять процентов населения Российской империи, то будет несправедливо, если при их склонности к наукам они займут 95 % мест в университетах вместо русской молодежи. Процентная норма была введена циркулярами Комитета министров. В пределах черты оседлости доля евреев среди учащихся мужских гимназий и университетов не должна была превышать 10 %, в остальной части империи – 5 %, в столицах – 3 %.

сивой даме». В семье было пятеро детей: Иван, Андрей, Мария, Александр, Варвара. Андрей <...> родился 20 января 1861 года. Его, как и остальных, крестили в Греческой церкви. Большая семья размещалась в двухэтажном особняке под № 24 на Николаевской улице (ныне ул. Фрунзе, № 22), выстроенном в 1850-х годах. Вместе с семьей проживали гувернантка и слуги: дворецкий, повар, кухарка, горничная, конюх.

Несмотря на значительные домашние расходы Д.А. Дросси постоянно участвовал в различных благотворительных акциях [АЛФЕР (I). С. 153].

В 1869 году Андрей поступил в Таганрогскую гимназию. В своих воспоминаниях он писал:

С Антоном мы были погодки и шли вместе до четвертого класса, где я остался на повторительный курс, но в пятом классе мы встретились снова, так как Антона постигла та же участь. <...> Я близко сошелся с Антоном <...> на почве весьма распространенного тогда в Таганроге спорта, а именно – ловле, чижей, щеглов и прочих пернатых. <...> Сколько долгих часов я проводил осенью с Антоном <...> на большом пустыре за их двором, притаившись за рогожною. <...> С годами увлечение ловлей щеглят <...> прошло, и, мы начали увлекаться литературой и театром. <...> Все наши сбережения и карманные деньги мы несли на галерку театра [ДРОССИ-СИ.Ан. С. 108].

Родная сестра Андрея – Мария Дмитриевна Дросси-Стейгер, за которой в ухаживал гимназист Антон Чехов, также оставила о нем воспоминания, в которых в частности писала:

У Дросси жил гимназист Исаак Борисович Срулев (еврей). Антоша дружил с ним и любил его. Вместе давали урок у шлагбаума, получая три рубля в месяц. Впоследствии Срулев уехал в Харьков в университет, где и умер еще студентом (он был болезненный мальчик). <...> А.П. рисовал много карикатур, писал надписи к ним, часто в форме четверостиший. Его карикатуры были очень метки, так что каждый сразу узнавал себя в них. <...> Братья Чехова у нас не бывали. Чехов отца не любил. Никогда не называл его папой, всегда – отец. <...> Однажды я пошла вместе с Антошей в лавку Павла Егоровича. У него были тетради по 5 и 3 копейки. Я заплатила 3 копейки, а взяла тетрадь за 5 копеек. Павел Егорович с бранью догнал меня на улице и отобрал тетрадку [ДРОССИ-С. С. 540–541].

В гостях у Андрея часто собирались гимназисты и гимназистки – он обладал определенной харизмой. П.П. Филевский писал: «Андрей, красивый мальчик, веселый, благовоспитанный, с красивыми манерами, хорошим голосом, способный, но ленивый <...> Пользовался всеобщей любовью за свой веселый нрав и общительность». Андрей писал стихи, играл на скрипке.

Став постарше, Андрей и Антон часто посещали вместе театр. «Все наши сбережения и карманные деньги мы несли на галерку театра», – вспоминал А.Д. Дросси.

<...> В то время в Таганроге была мода на любительские спектакли. Взрослым подражали гимназисты, у которых были свои «труппы». Однажды подобная идея захватила Андрея и Антона. <...> Организатором спектаклей был Андрей. Душой их – Антон, который предпочитал роли неудачников и меланхоликов.

<...> Летом 1874 года было поставлено 6 спектаклей. Андрей Дмитриевич вспоминал: «Нельзя себе представить того гомерического хохота, который раздавался в публике при каждом появлении старости. <...> играл он мастерски, а загримирован был идеально».

Любительские спектакли нашли впоследствии свое отражение в рассказах А.П. Чехова: «Страдалицы» (1886), «Лишние люди» (1886), «Рассказ без конца» (1886).

Спектакли в доме Дросси прекратились после отъезда Андрея. Он не закончил гимназию, выбрав военную стезю, вероятно под влиянием ещё одного друга и соученика, Владимира Сиротина.

«...» Андрей поступил в Елизаветградское кавалерийское юнкерское Училище [АЛФЕР (I). С. 154–156], – по окончании которого служил в кавалерии. В чине ротмистра во второй половине 1880-х он вышел в отставку, в 1901 г. вернулся в Таганрог, где работал преподавателем гимнастики в местном Коммерческом училище, затем вновь поступил на действующую службу, участвовал в Русско-японской и 1-й Мировой войнах, дослужился до чина полковника и умер от рака горла в 1918 г.

Товарищ Ч<ехова> по гимназии М.Ф. Волкенштейн вспоминал, что в старших классах возникло несколько кружков, и «Чехов был в кружке, прозванном “земские врачи”. Ближайшими его друзьями были: Савельев, Зембулатов, Кукушкин, Зиберов и Краса. Все они, по окончании гимназии, поступили на медицинский факультет». *«Иллюстрированная Россия», Париж, 1934, № 28, 7 июля* [ЛЕТ_ЖИТЧ. С. 51–58]. Всего из выпускного класса врачами стали 7 человек: А. Чехов, Зембулатов, Красса, Сабсовичи (два брата), Савельев и Шамкович. «...» 8 августа 1879 года Антон Чехов прибыл в Москву поступать в университет. По словам младшего брата М.П. Чехова: «Приехал он <...> не с пустыми руками, зная стесненное положение нашей семьи и привез с собой еще двух нахлебников⁴⁸, своих товарищей по гимназии – В.И. Зембулатова и Д.Т. Савельева». Г.И. Россолимо, товарищ Чехова по Московскому университету, рассказывал: «Представление о Чехове-студенте у меня составилось частью из <...> личных встреч <...>, частью же из того, что о нем сообщал словоохотливый и прямодушный, наш милый товарищ Вася Зембулатов, которого Чехов звал по гимназическому обычаю “Макаром”, и другой товарищ по Таганрогу Савельев. Оба товарища А.П. относились к нему, как к самому лучшему другу детства, их соединяла не только гимназическая скамья, но и донское происхождение и весь, хотя и неглубокий, но обычно интимный круг интересов гимназических одноклассников. Толстенький, маленький, с ротиком сердечком, маленькими усиками и жидкой эспаньолкой, с подпрыгивающим животиком во время добродушного смеха, степняк-хуторянин Вася Зембулатов и поджарый, высокий, добрый, благородный, по-детски мечтательно удивленный молчаливый казак Савельев как-то дополняли друг друга» [АЛФЕР (I). С. 157].

Выйдя из университета, Зембулатов и Савельев блестящей карьеры не сделали – начали и закончили свои дни скромными земскими врачами⁴⁹.

Последняя встреча <Чехова с Зембулатовым> состоялась в 1903 году 14 августа. Чехов сообщал Савельеву: «На днях в Ялте был у меня Макар, который стал немилосердно толст. <...> и я поседел, похудел... одним словом, обращаемся все мало-помалу в маститых [АЛФЕР (I). С. 162].

И Зембулатов и Савельев оба скончались в молодых годах.

16 февраля 1909 года, «Таганрогский Вестник» поместил некролог: «На днях скончался <...> от сыпного тифа земский врач таганрогского округа, Дмитрий Тимофеевич Савельев, заразившись этой болезнью при подаче помощи своим больным. <...> Как и подобает таким бескорыстным труженикам, Д.Т. умер совершенным бедняком, оставившим без обеспечения семью» [АЛФЕР (I). С. 160–161].

⁴⁸ Слово «нахлебники» здесь используется в смысле «пансионеры». Зембулатов и Савельев были детьми весьма состоятельных родителей и сильно нуждавшиеся в Москве Чеховы были рады поселить их у себя в качестве пансионеров.

⁴⁹ «Василий Иванович Зембулатов, врач на Московск<о>-Курск<ой> дороге, живет в Серпухове». – Мисьямо А.П. Чехов – П.Ф. Иорданову от 19 мая 1898 года.

Годом раньше в Серпухове ушел из жизни Василий Иванович Зембулатов. Следует упомянуть еще одного соученика Антона Чехова по Таганрогской гимназии – Петра Сергеенко [АЛФЕР]. Они учились в одно время, но в разных классах, поэтому между собой почти не общались. Сергеенко вышел на русскую литературную сцену одновременно с А. Чеховым, выступая в периодической печати со стихами и фельетонами. Впоследствии он заявлял себя как прозаик и биограф Л.Н. Толстого, с которым сблизился в 1892 г. Его книга «Как живёт и работает граф Лев Николаевич Толстой» (1898) пользовалась большим успехом и была переведена на многие иностранные языки. Знакомство Чехова и Сергеенко возобновилось в 1884 г. в Москве. Между молодыми литераторами установились приятельские отношения, завязалась переписка, в 1884–1900 гг. земляки встречались и гостили друг у друга. П.А. Сергеенко – автор первой рецензии на книгу Чехова «Сказки Мельпомены» (1884). Сергеенко был посредником при продаже А. П. Чеховым своего собрания сочинений издателю А.Ф. Марксу.

Теплые чувства к друзьям своей юности и молодости Чехов сохранял до конца своих дней⁵⁰.

Антон Павлович не терял из виду и других одноклассников-коллег. Марк Федорович Красса (1860–1913) после окончания Киевского университета служил тюремным врачом в г. Ростове-на-Дону. «Марк Крассо – врач в Ростове» (А.П. Чехов – И.И. Островскому, 11 февраля 1903 г.). 21 ноября 1896 году двоюродный брат Г.М. Чехов сообщал писателю: «Зашел к твоему товарищу по гимназии, если ты помнишь Марка Федоровича Красса, который теперь живет в Анапе и лечит больных летом, а зимою кажется некого лечить, жителей совсем мало <...> Красса просил меня кланяться тебе, и он высказал свое удовольствие, что пришлось ему совершенно случайно в этом захолустье встретить земляка и узнать хорошенько о тебе».

29 ноября А.П. Чехов ответил: «Марку Федоровичу поклонись и передай ему, что я его очень, очень помню» [АЛФЕР (I). С. 164].

Отметим, что, судя по переписке и воспоминаниям современников, со всеми своими соучениками по гимназии Чехов впоследствии по жизни встречался лишь эпизодически. Однако из памяти их он отнюдь не вычеркивал: интересовался житьем бытием бывших товарищей, с некоторыми из них очень активно переписывался, а с П.Ф. Иордановым и М.Ф. Волкенштейном имел активные деловые контакты⁵¹. Начинаясь было учиться на врача, но ставший в итоге опереточным певцом товарищ Чехова по таганрогской гимназии М.Д. Кукушкин вспоминал впоследствии: «По окончании курса мы все разбрелись в разные стороны, но А.П. не переставал хранить к нам товарищеские отношения. Много лет спустя я встретил его в Москве таким же хорошим и скромным, как и в гимназии, а не особенно давно, попав случайно в Ростов, он разыскивал здесь нас, своих школьных товарищей». Кукушкин, скорее всего, имеет в виду приезд Чехова на родину в 1896 году. Писатель погостил в Таганроге всего два дня, 22-23 августа. И 23-го же выехал в Ростов-на-Дону. В «Дневниковых записях. 1896» Чехов отметил: «В Ростове ужинал с товарищем по гимназии Львом Волкенштейном, адвокатом, уже имеющим собственный дом и дачу в Кисловодске».

Кроме Л.Ф. Волкенштейна (ок. 1860–1935) и А.Л. Черникова среди одноклассников Чехова были ещё юристы. Брат первого, Михаил Филиппович (1861–1934) служил присяжным поверенным. 22 сентября 1895 года А.П. Чехов передавал в письме к М.Ф. Волкенштейну привет его брату Льву. В конце сентября 1898 года Ал. П. Чехов сообщал из Петербурга: «Существует у нас фирма “Издатель”, членом которой состоит твой товарищ по гимназии <...> М.Ф.

⁵⁰ Известны 8 писем Чехова к Савельеву (1884–1903) и 15 писем Савельева к Чехову (1884–1904), а также 8 писем Чехова к Зембулатову (1880–1896). Все они хранятся в РГБ.

⁵¹ Например, известны 77 писем Чехова к Иорданову и 51 письмо Иорданова к Чехову 1896–1904 гг. касающиеся, главным образом, установки в Таганроге памятника Петру I, а также организации в городе библиотеки и музея.

Волкенштейн. Фирма сия издает “Сын Отечества”, а в последнее время стала отбивать хлеб у Суворина, открыв на Невском книжный магазин <...> На днях представитель этой фирмы обратился ко мне с вопросом, не уступишь ли ты им для издания на мягкой бумаге для брошюр несколько твоих неизданных рассказов?»

Мари Харлампиевич Кладас служил присяжным стряпчим при Таганрогском Коммерческом суде.

Соломон (Шлема) Крамарев после окончания Харьковского университета стал присяжным поверенным в Гродно. Сохранилось два письма, ещё студенческих времен, Крамарева к Чехову и Чехова к Крамареву. 8 мая 1881 г. Антон Чехов писал: «Мудрейший, а следовательно, и ехиднейший Соломон! <...> Жив, здоров, учусь и поучаю. Силюсь перейти в III курс. <...> Тебя воображаю не иначе как с бородой. Желал бы и видеть. <...> Приезжай учиться и поучать в Москву: таганрожцам счастливится в Москве: и по учению, мерзавцы, идут хорошо и от неблагонамеренных людей далеко стоят. Преобладающая оценка у Санкт-таганрожцев пятерка».

<...> Среди вышеперечисленных <одноклассников Чехова> почти никто не пошел по стопам родителей. Дети купцов становились врачами, юристами, военными. Они «выламывались» из купеческой среды, которая казалась им отсталой и живущей по устаревшим традициям.

<...> Купеческий сын Елизар Гиршевич Эйнгорн, окончив Харьковский университет, стал таганрогским врачом. Некоторое время он являлся врачом мужской гимназии (1877) <...>, <но затем> стал оперным певцом, под псевдонимом «Аркадий Яковлевич Чернов». Иногда он приезжал в родной город, и «Таганрогский Вестник» помещал подобные объявления: «Во вторник, 28 февраля в городском театре концерт Артистов С.-Петербурга. Оперы А.Я. Чернова (баритон) и г-жи Пилыц (контральто)» (№ 21, 26 февраля 1896 г.)

Таганрогский журналист А.Г. Торопов вспоминал о начале творческого пути артиста: «Серия концертов открыл вчера г-н Чернов, баритон С.-Петербургской Императорской сцены. Для нас г-н Чернов представляет двойной интерес, так как он <...> наш земляк и на наших глазах прошли чуть ли не первые сценические попытки этого артиста. Теперь г-н Чернов – звезда, если не первой, то во всяком случае очень крупной величины <...> А у меня в памяти другое время – когда г-н Чернов на второй или третий сезон сценической деятельности подвизался и на нашей сцене <...> Мы помним его лакеем в «Зимнем вечере с итальянцами», Парисом <...> Г-н Чернов решил сделаться певцом и поехал учиться в Италию. <...> Петербург широко открыл гостеприимные двери молодому артисту».

<...> Пожалуй, единственным человеком в чеховском классе, продолжившим отцовское дело, был Александр (Аарон) Викторович Виктешмайер (ок. 1860–1911). Сын купца, он тоже стал купцом, владел паровой мельницей. Был избран старостой синагоги.

С некоторыми известными одноклассниками писатель учился совсем недолго. Например, с П.Ф. Иордановым (1857–1920). Антон остался в третьем классе на второй год, и Павел окончил гимназию раньше – <В 1877 г. с золотой медалью>. Завершив обучение в Харьковском университете, он в 1884 году стал таганрогским санитарным врачом. Это был патриот своего города, энтузиаст и единомышленник А.П. Чехова. В бытность членом Городской Управы и заведующим городской библиотекой (с 1895 г.) он очень многое сделал для пополнения библиотеки, создания музея и памятника Петру I <в Таганроге в ознаменование 200-летия города>⁵². В 1917 году его избрали членом Государственного Совета. А умер <он> во время исполнения своего врачебного долга – заразился, работая в тифозных бараках.

⁵² П.Ф. Иорданов по характеристике Чехова – см. его письмо И.Я. Павловскому от 26 октября 1896 г. – был «интеллигентный, доброжелательный и, по-видимому, отзывчивый человек». По его просьбе Антон Чехов в Париже вел переговоры со скульптором Марком Антокольским о создании им памятника Петру I. Памятник был отлит в Париже, затем, под неусыпным контролем Иорданова, доставлен по железной дороге в Марсель, а оттуда морем – в Таганрог, где был установлен в 1903 г. Биографическую справку о нем см. в [КИРИЧЕК].

Братья Сабсовичи впоследствии стали врачами, практиковали в родном городе и состояли с 1890-х годов в Таганрогском Обществе врачей. Секретарем этого общества являлся ещё один одноклассник, <сидевший с Чеховым в выпускном, восьмом классе гимназии за одной партой>, Исаак Яковлевич Шамкович, выпускник Петербургской Медико-Хирургической Академии, по окончании которой в 1887 г. он вернулся в Таганрог. <...> 22 августа 1901 году Г.М. Чехов в письме к двоюродному брату упоминает: «Твой товарищ по гимназии, Шамкович, имеет практику побольше любого профессора, сумел зарекомендовать себя великим медиком.

<...> Писатель С. Званцев, сын И.Я. Шамковича, вспоминал: «В доме царило волнение, связанное с приездом в Таганрог Чехова. <...> когда раздался звонок и открывать вышел сам отец, <...> в дверях показался высокий <...> и худой человек, в черном пальто и черной шляпе, несмотря на лето. Отец сказал дрогнувшим голосом: “Здравствуй, Антон!” <...> А в кабинете <...> уже сидел консилиум: доктор Шимановский и доктор Лицын. <...> Консилиум собрался, чтобы решить, можно ли Чехову остаться в Таганроге, на чем Антон Павлович стал снова настаивать: время от времени писатель возвращался к этой мысли, <...> под конец речь стала уже идти не только об уютном уголке, но и о климатически здоровом месте. Но годится ли для этого Таганрог, приморский южный город? Консилиум решил: нет, не годится. Восточные ветра, зимние холода... <...> Помню, отец грустно сказал моей матери: – Я удивляюсь, как может дышать человек такими легкими...» [АЛФЕР(І). С. 154, 165–166 и 171].

Среди таганрогских гимназистов, учившихся вместе с А.П. Чеховым, был знаменитый впоследствии российский ученый, общественный деятель и литератор Владимир Германович Тан-Богораз:

Я вырос в Таганроге и учился в таганрогской гимназии почти одновременно с Антоном Павловичем Чеховым. Он был старше меня одним классом, но я и теперь помню его гимназистом. Он был «основник», а я «параллельник». (То есть один учился в классе «А», другой – в классе «Б».) Он выглядел букой и все ходил по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверь и дразнили его чехонью [ТАН (ІІІ). С. 46].

Отношения между Чеховым и Тан-Богоразом не отличались какой-либо дружественностью, их связывала лишь общая память о таганрогском детстве и годах ученичества в гимназии. Однако воспоминания Тана – к сожалению, не слишком подробные, высвечивают очень интересные факты, касающиеся становления личности Антона Чехова.

Натан Менделевич Богораз родился в 15 (27) апреля 1865 г. в городе Овруч Волынской губернии. Отец его был сыном раввина, мать – дочерью купца. В семье росло восемь детей. «Способности у отца были прекрасные, чудесная память. Библию и свои талмудические книги он знал наизусть <...> У него была определенная склонность к литературе, и он довольно много писал по-древнееврейски, по-новоеврейски и даже кое-что напечатал» [ТАН (І)]. В поисках заработка отец перебрался в Таганрог. Торговал пшеницей и углем, служил у М. Вальяно. Затем к нему присоединилась семья.

<...> О своем пребывании в гимназии В.Г. Богораз написал в очерке «На родине Чехова». <В нем> описаны не только учителя и уроки, но и времяпрепровождение подростков в часы, свободные от занятий. Богораз подробно рассказывает о ловле щеглов на пустыре за домом Чеховых, упоминает о драках с «уездниками». «Мы, гимназисты, ходили биться на кулачках стена на стену с... учениками уездного училища... Однажды во время “маевки”, в день первого мая, как нам досталось на орехи. Мы бежали от самых “Дубков” до городского сада» [ТАН (ІІ). С. 3].

«...» Гимназист Натан Богораз, как и Антон Чехов, занимался репетиторством «...». Сестра Натана, «Паша, по-русски Прасковья, а по-еврейски, собственно, Перль – жемчужина», которая была старше на пять лет, училась в женской гимназии.

«...» В 1876 г. Прасковья окончил<в> гимназию, «...» уехала в Петербург на высшие женские курсы. Через год вернулась «добела раскалённая землевольческим огнём». «Было это в 1878 г. – феерическое время. Сановников уже убивали, а царя Александра II собирались взорвать. «...» У нас... уже был гимназический кружок. Он читал литературу легальную и нелегальную. Легальные книжки мы попросту украли из фундаментальной библиотеки гимназии, в том числе и всё запрещенное – Писарева, Чернышевского “Что делать?”» [ТАН (I)]. В 1880 г., завершив гимназический курс, Натан уехал с сестрой в Петербург. Он поступил в университет на естественное отделение физико-математического факультета. На следующий год перешел на экономическое отделение юридического факультета. Денег из дома не присылали. Натан зарабатывал на жизнь переводами для журнала «Отечественные записки».

«...» Перейдя на второй курс, Богораз «успел увязнуть в политике». «Были мы, правда, народники, но Маркса изучили назубок» [ТАН (I)].

Натан посещал различные студенческие кружки, слушал речи А. Желябова, с Желябовым, Перовской и другими участниками готовящегося покушения на Александра II была хорошо знакома его сестра. Осенью 1882 г., за участие в студенческих волнениях Богораз был выслан в Таганрог. Здесь он организовал народовольческий кружок, занимался революционной пропагандой. Читал курс политэкономии рабочим металлического завода и готовил с ними забастовку. В 1885 г. «мне случилось принять православие – для целей революционных. «...» Был я Натан Менделевич Богораз, стал Владимир Германович Богораз, – Германович по крестному отцу, как тогда полагалось. «...» Говорить о моем православии или христианстве, разумеется, смешно. Но с ранней юности я себя считал не только евреем, но также и русским. Не только ...российским гражданином, но именно русским» [ТАН (I)]. Богораз принял участие в работе <таганрогской> подпольной типографии, печатавшей газету «Народная воля». «...» Таганрогская типография была разгромлена полицией, её участники взяты под арест. Богораз арестовали 9 декабря 1886 г. Он был заключен в Петропавловскую крепость. Сестры Прасковьи в это время уже не было в живых. Вместе с мужем, народовольцем Шебалиным, она основала подпольную типографию в Санкт-Петербурге, затем в Киеве. В 1884 г. киевским военным судом была приговорена к ссылке на поселение. В том же году, находясь с младенцем в Бутырской тюрьме, умерла от грудной горячки.

«...» в 1889 г. <Тан-Богораз> был сослан в Колымский округ Якутской области на 10 лет. Он знал о судьбе своих таганрогских товарищей. «Сигида умер в “централ”, – в каторжной тюрьме, насколько помню, в Курске, а Надежда попала на Карийскую каторгу, и... трагически погибла» [ТАН (I)].

Прибыв на место ссылки, В. Богораз стал изучать образ жизни, обычаи и культурные традиции местных жителей.

«Свою этнографическую карьеру он начал фольклорными записями среди русского населения на р. Колыма «...» в период 1890-1896 гг. ... В.Г. Богораз записывал русские народные песни, былины, сказки, загадки, пословицы и скороговорки». «...» Когда организовывалась на средства И.М. Сибирякова Якутская экспедиция 1894-1896 гг., В.Г. Богораз был привлечен в 1895 г. в качестве этнографа. Ему поручили этнографическое исследование русских и чукчей на Колыме. В 1896 г. он отправил в Москву былины, три из которых были опубликованы в «Этнографическом обозрении» (№ 2/3, 1896). В последующие годы были напечатаны и остальные русские фольклорные записи.

В 1897 г. В.Г. Богораз проводил на Чукотке перепись местного населения. <...> Академией наук было опубликовано 180 чукотских сказок, записанных Богоразом. В 1898 г., по ходатайству Академии наук, В.Г. Богораз освободили из ссылки. Вскоре он стал научным сотрудником музея антропологии и этнографии.

В 1899 г. читатели журнала «Мир Божий», в том числе и Чехов, могли познакомиться со статьей «Русские на реке Колыме». Она была помещена в разделе «Научная хроника. Этнография». <...> В статье переданы ключевые моменты из доклада этнографа: об архаичности языка, в котором встречаются древнерусские слова; о взаимодействии русских и туземных традиций <...>. И что во всем округе нет почти никакой медицинской помощи – несмотря на различные заболевания, связанные с трудными условиями жизни. <...> Если данный номер журнала побывал в руках Чехова, статья могла привлечь его внимание. Ведь где бы он не находился – в Мелихове или на Сахалине, – его как врача заботило питание населения, оснащение больниц.

Занимаясь научными исследованиями, Богораз ещё в 1896 г. дебютировал как литератор. В журнале «Русское богатство» был опубликован рассказ-очерк из жизни чукчей «Кривоногий». Затем последовали другие рассказы, стихи. <...> 11 июня 1899 г. А.П. Чехов сообщал А.Л. Вишневскому, <ведущему артисту МХТ> соученику по таганрогской гимназии⁵³: «Сегодня я видел Богораз, таганрогского; он живет в Петербурге, занимается стихотворством. Как много великих людей, однако, вышло из Таганрога».

В.Г. Богораз писал: «Мы встретились ... в 1899 г., в Петербурге и вместе вспоминали Таганрог и нашего инспектора гимназии Александра Фёдоровича Дьяконова по прозвищу “Сороконожка” и “Серое пальто”, который отчасти послужил прообразом “человека в футляре”».

Первой книгой прозы, вышедшей отдельным изданием, стали «Чукотские рассказы». Сборник содержит семь рассказов: «На каменном мысу», «Кривоногий», «На мертвом стойбище», «Праздник», «На реке Россомашей», «У Григорьихи», «Русский Чукча». Автор затрагивал те же вопросы, что и в научных сообщениях, но в художественной форме.

В декабре 1899 г. А.П. Чехов писал из Ялты редактору «Журнала для всех» В.С. Мирянову: «Скажите Тану, чтобы он выслал мне свою книжку. Я о ней слышу и читаю много хорошего, а купить негде, да и совестно покупать книгу земляка». «Чукотские рассказы» были отправлены автором Чехову. <...> На странице с предисловием Тана – дарственная надпись: «Антону Чехову на память о таганрогских огнях от автора».

В 1899 г. В.Г. Богораз по приглашению американских ученых уехал в США, откуда отправился в экспедицию на Дальний Восток. Экспедиция была организована американским Музеем естественной истории «для установления круготихоокеанских связей между Азией и Америкой» [ТАН (I)].

Ученый собирал этнографический материал у чукчей, коряков, ительменов. До 1904 г. работал в Музее естественной истории куратором этнографической коллекции. На английском языке готовил к печати монографию «Чукчи», которая получила всемирное признание. В России продолжали выходить из печати его произведения.

Неизвестно, читал ли А.П. Чехов <его> произведения. В личной библиотеке их нет. Но ведь упоминал он в переписке о стихах Тана. Возможно, и эти издания приносил ему кто-то из знакомых. Между тем Владимир Германович побывал в Берлине, Париже, Лондоне, затем снова уехал в Америку. Он писал: «Когда я вернулся в Россию поздней осенью 1904 г., Чехова уже не было на свете». Приехав в Таганрог, Богораз разыскал соучеников по гимназии, вспоминал с ними о детстве и о Чехове. В том числе и о каменном доме П.Е. Чехова «на углу Ели-

⁵³ 1 января 1899 г. А.П. Чехов писал П.А. Сергеенко: «Вишневский – симпатичный малый. Не находишь ли ты? И кто бы мог когда-то подумать, что из Вишневецкого, двоешника и безобедника, выйдет актер, который будет играть в Художественном театре в пьесе другого двоешника и безобедника?»

заветинской улицы (также Конторской)», который купил «обыватель Селиванов». «Недавно он был продан еврейскому благотворительному обществу за 5 000 рублей <...> Я посетил этот чеховский дом в один унылый осенний вечер. <...> Везде узкие кровати, старые люди с седыми бородами, но комнаты остались без всяких изменений. Тот же странный полуподвальный вход и рядом деревянное крылечко без перил, похожее на приставную лестницу, те же неожиданные окна под самым потолком. Соседний дом <М.Е. Чехова> ... по-прежнему принадлежит его вдове и сыну Владимиру Митрофановичу, двоюродному брату Антона Павловича Чехова. В этой семье сохраняется культ имени Чехова. Здесь можно услышать много интересных рассказов о тех суровых расправах, которые тогда отцы чинили над детьми. В самые опасные моменты молодой Чехов спасался в соседний гостеприимный домик, ибо здесь господствовали другие нравы. У Владимира Митрофановича на стенах висят портреты Чехова разных эпох» [АЛФЕР(II). С. 56–58].

В отличие от многих своих современников Антон Чехов революционными идеями пропитан не был. Ни он, ни его братья не имели никакого касательства к упомянутому Тан-Богоразом гимназическому кружку, в противном случае в их личной переписке и воспоминаниях что-нибудь да проскользнуло бы на счет такого неординарного случая. Что касается Надежды Малаксиано, то, по-видимому, А.П. Чехову было известно о гибели супругов Сигида⁵⁴, возможно, он слышал и о ссылке Н. Богораза [АЛФЕР(II). С. 50–56].

В конце 1870-х гг. в России прошёл десяток показательных политических процессов над революционерами-народовольцами с приговорами по 10–15 лет каторги за печатную и устную пропаганду, было вынесено 16 смертных приговоров (1879) уже только за «принадлежность к преступному сообществу» (об этом судили по обнаруженным в доме прокламациям, доказанным фактам передачи денег в революционную казну и пр.). В этой связи отсутствие в переписке братьев Чеховых с их таганрогской родней и знакомыми в 1880-е гг., которая носила регулярный характер, упоминаний о деле Малаксиано-Сигида, скорее всего, связано с нежеланием корреспондентов, людей чуждых революционным настроениям и осторожных, касаться опасных политических тем. Лишь только в воспоминаниях о брате Антоне, увидевших свет в 1929 г., Михаил Чехов пишет:

Рядом с нашим домом, бок о бок, жила греческая обрусевшая семья Малоксиано. Она состояла из отца с матерью, двух девочек и мальчика Афони. С Афоней я дружил, а с девочками играла моя сестра Маша. Одна из этих девочек впоследствии сделалась видной революционеркой, была судима и затем сослана в каторжные работы. Там за нанесенное ей оскорбление она, как говорил мне брат Антон, ударила надзирателя по физиономии, за что подверглась телесному наказанию и вскоре затем умерла [ЧМП. С. 11].

Судя по письмам, в гимназические годы Антон Чехов пристрастился к чтению.

В 1876 году для Антона открылось новое окно в мир – Таганрогская публичная библиотека. Школьные власти с неохотой позволяли учащимся пользоваться ею: куда надежнее была школьная библиотека со специально подобранными книгами, которая отсекала доступ к «либеральным» или «подстрекательским» изданиям вроде сатирических еженедельников или

⁵⁴ Надежда Малаксиано (в замужестве Сигида), учившаяся в таганрогской женской Мариинской гимназии вместе с М.П. Чеховой, покончила жизнь самоубийством в Карийской каторжной тюрьме (1890 г.) в знак протеста против жестокого телесного наказания – ста ударам розгами, которому она была подвергнута по приказу начальника каторги, получившему от нее за свои издевательства над заключенными пощечину. Ее муж (фиктивный брак) Аким Сигида умер в том же году по дороге на Сахалин. Оба они были осуждены в 1888 г. за устройство «в Таганроге для целей противоправительственной пропаганды тайной типографии». По дороге на остров Сахалин Чехов, проплывая по Шилке, видел Усть-Кару, где погибла и похоронена Надежда Сигида. В письмах он сообщал и о каторге, и о всеобщем возмущении здесь по поводу «карийской трагедии» [КАР-ТРАГ].

серьезных ежемесячных журналов – излюбленного чтения русской интеллигенции. <...> Антон стал посещать библиотеку, начиная с 1877 года; иногда ему приходилось забирать двухрублевый залог, чтобы купить еды. Московские и петербургские сатирические еженедельники будоражили умы таганрогской молодежи. Рассчитанные на новые интеллигентские круги обеих столиц – на независимых в суждениях студентов и разночинцев, эти издания не щадили известных общественных лиц и высмеивали устоявшиеся взгляды [РЕЙНФ. С. 74].

По абонементным карточкам Чехова – читателя Таганрогской библиотеки – мы узнаем, что он читал произведения русских, западноевропейских классиков (Тургенева, Гончарова, Сервантеса), изучал работы русских критиков 40–60-х годов.

Помимо художественной литературы юный гимназист читает книги по астрономии, просит брата прислать ему университетские лекции по химии, выписывает «политическую, ученую и литературную» газету «Сын отечества», где печатались обзоры выходивших «толстых» журналов («Отечественных записок», «Русской старины», «Вестника Европы», «Русского вестника») и постоянно освещались актуальные научные и литературно-общественные новости. Особо следует отметить, что молодой Чехов был «ревностнейшим читателем» своего будущего первого издателя и наставника на литературном пути, очень популярного в 80-е годы XIX в. писателя-юмориста Николая Лейкина [КАТАЕВ В. (III)].

Журналы того времени весьма поощряли участие читателей – присланные ими фельетоны, карикатуры и полемические статьи публиковались с выплатой гонорара. Антон начал пересылать сочиненные им смешные истории <жившему в Москве старшему брату> Александру – на редактуру и для публикации через его университетских знакомых [РЕЙНФ. С. 74].

Рассказывая о биографии Антона Чехова, подчеркнем как особенно важную деталь, что:

Один из решающих периодов своей жизни – последние гимназические годы в Таганроге – Чехов провёл в одиночестве, вдали от постепенно перебравшейся в Москву семьи. И при своём появлении в университетском, а позже – литературном, кругу, откуда исходят первые обстоятельные воспоминания о нем «сторонних» наблюдателей, он предстал перед своими новыми знакомыми, да и отчасти перед домашними, уже во многом определившимся человеком – с огромной выдержкой, необычайной силой воли и целомудренной скрытностью, «неуловимостью» [ТУРКОВ]⁵⁵.

Таганрогский период жизни, охватывающий детство, отрочество и юность Антона Чехова, несомненно, оказал определяющее влияние на формирование как психофизического типа его личности, так и мировоззрения. И хотя общественно-политические взгляды Чехова во времени эволюционировали – от умеренно-консервативных до умеренно-либеральных, в основе их лежало все то же «таганрогское» мировидение, в котором сложным образом переплетались самые противоположные качества личности: вера и неверие, бытовой прагматизм с доброхотством, жажда общения с людьми и замкнутость на себе, доброжелательность и скептицизм, демократические идеалы с русским национализмом.

В личных отношениях Чехов был мягкий, добрый, терпимый, быть может слишком терпимый человек <...>. Красивый, изящный, <...> тихий, немного застенчивый, с негромким смешком, с медлительными движениями, с мягким, <...> немножко скептическим, насмешливым отношением к жизни и людям [ЕЛПАТ].

⁵⁵ Антон Чехов, в 1879 г. окончив гимназию, уехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета.

Александр Павлович Чехов писал, что:

Антон Павлович только издали видел счастливых детей, но сам никогда не переживал счастливого, беззаботного и жизнерадостного детства, о котором было бы приятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный уклад сложился для покойного писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что все свое свободное время он должен был проводить в лавке. <...> – Нечего баклуши бить на дворе; ступай лучше в лавку да смотри там хорошенько; приучайся к торговле! – слышал постоянно Антон Павлович от отца – В лавке по крайней мере отцу помогаешь...

<...> – Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает Кюнера, натяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается тут же, в этом же доме. В ней – невесело, а главное – ужасно холодно. У мальчиков-лавочников Андрюшки и Гаврюшки – синие руки и красные носы. Они поминутно постукивают ногою об ногу, и ежатся, и сутуловато жмутся от мороза.

<...>

...Антону Павловичу приходилось с грустью и со слезами отказываться от всего того, что свойственно и даже настоятельно необходимо детскому возрасту, и проводить время в лавке, которая была ему ненавистна. В ней он, с грехом пополам, учил и недоучивал уроки, в ней переживал зимние морозы и коченел и в ней же тоскливо, как узник в четырех стенах, должен был проводить золотые дни гимназических каникул. <...> Лавка эта, с ее мелочною торговлей и уродливой, односторонней жизнью, отняла у него многое.

Сидя у конторки за прилавком, получая с покупателей деньги и давая сдачу, Антоша видит постоянно одни и те же, давно знакомые и давно уже надоевшие, лица с одними и теми же речами. Это – мелкие хлебные маклера-завсегдатаи, свившие себе гнездо в лавке Павла Егоровича. Лавка служит для них клубом, в котором они за рюмкою водки праздну убивают время. А зимою дела у них нет никакого: привоза зернового хлеба из деревень нет, им покупать и перепродавать нечего. Купля и перепродажа идут у них только летом и осенью. <...> У каждого из них есть квартира и семья, но они предпочитают проводить время в лавке Павла Егоровича и от времени до времени выпивать в круговую по стаканчику водки, благо хозяин верит им в долг и почти всегда составляет им компанию. Говорят они обо всем, но большею частью пробавляются выдохшимися и не всегда приличными анекдотами и при этом всегда прибавляют:

– А ты, Антоша, не слушай. Тебе рано еще...

Павел Егорович – отец Антоши – торговал бакалейным товаром. На его большой черной вывеске были выведены сусальным золотом слова: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Вывеска эта висела на фронтоне, над входом в лавку. Немного ниже помещалась другая: «На вынос и распивочно». Эта последняя обозначала собою существование погреба с сантуринскими винами и с неизбежною водкой. <...> Оба торговые заведения – и бакалейная лавка, и винный погреб – были тесно связаны между собою и составляли одно целое, и в обоих Антоша торговал, отвешивая и отмеривая и даже обвешивая и обмеривая, насколько ему позволяли его детские силы и смекалка. Потом уже, когда он подрос и вошел в разум, мелкое плутовство стало ему противным и он начал с ним энергичную борьбу, но, будучи мальчиком-подростком, и он подчинялся бессознательно общему ходу торговли, и на нем лежала печать мелкого торгаша со всеми его недостатками.

<...> Лавка Павла Егоровича была в одно и то же время и бакалейной лавкой, и аптекой без разрешения начальства, и местом распивочной торговли, и складом всяческих товаров – до афонских и иерусалимских будто бы святынь включительно, – и клубом для праздных завсегдатаев. И весь этот содом, весь этот хаос ютился на очень небольшом пространстве обыкно-

венного лавочного помещения с полками по стенам, с страшно грязным полом, с обитым рваной клеенкой прилавком и с небольшими окнами, защищенными с улицы решетками, как в тюрьме.

В лавке, несмотря на постоянно открытые двери на улицу, стоял смешанный запах с преобладающим букетом деревянного масла, казанского мыла, керосина и селедок, а иногда и сивухи. И в этой атмосфере хранился чай – продукт, как известно, очень чуткий и восприимчивый к посторонним запахам. Были ли покупатели Павла Егоровича людьми нетребовательными и не особенно разборчивыми, или же чай, лежа целыми месяцами рядом с табаком и мылом, удачно сохранял свой аромат – сказать трудно. Но покупатели не жаловались. Бывали, правда, случаи, что сахар отдавал керосином, кофе – селедкой, а рис – салом, но это объяснялось нечистотой рук Андрюшки и Гаврюшки, которые тут же и получали возмездие в форме подзатыльников или оплеух – и нарочно в присутствии публики, чтобы покупатель видел, что с виновных взыскивается неукоснительно и строго [ЧАП (II). С. 2].

Иную точку зрения заявляет Иван Бунин – младший по возрасту друг Антона Чехова, на всю жизнь сохранивший самые теплые и светлые воспоминания о его личности. Все тяготы детства, юности и молодости Чехова – ночное пение в церковном хоре, «хозяйское око» в лавке, с гимназических лет зарабатывание себе и семье на хлеб и т. д., Бунин напрямую связывает с его редким знанием людей и мельчайших подробностей русской жизни, проявившимися уже в раннем творчестве.

Если бы не было церковного хора, спевков, то и не было бы рассказов ни «Святой ночью», ни «Студента», <...> ни «Архиерея», не было бы, может быть, и «Убийства» без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов [БУНИН. С. 170–171].

Известно, что интерес к ономастике, особенно к необычным фамилиям:

Существовал у Чехова в течение всей жизни. <...> Еще современники Чехова находили, что в его рассказах используются фамилии, имена и отчества его земляков. В чеховедении давно известно о таганрогском происхождении фамилий некоторых чеховских персонажей: Зиберов («Репетитор»), Вронди («Ворона»), Кобылин и Жеребцов («Лошадиная фамилия»), Зембулатов («Капитанский мундир»), Иловайские («На пути», «Жалобная книга»), Шабельские («Пустой случай», «Иванов»). Александр Федорович из рассказа «И то, и се» давно отождествлен с инспектором таганрогской гимназии Александром Федоровичем Дьяконовым.

<...> след, оставленный в творчестве Чехова его таганрогским детством и юностью, далеко не исчерпывается этими примерами. <...> В первое московское десятилетие Чехова концентрация таганрогских, ростовских, новочеркасских фамилий в его творчестве довольно велика. По способам использования из можно условно отнести к трем группам:

- 1) Чехов вводил в ткань своего рассказа совершенно реального человека с реальными фамилией или именем и отчеством, с узнаваемой землякам манерой поведения;
- 2) комбинировал свой персонаж из двух или нескольких реальных лиц, соединяя имя одного из них и какие-либо черты других;
- 3) называл запомнившейся таганрогской фамилией персонаж, совершенно не похожий на реального носителя фамилии [ИКиСОПю. С. 177–179].

При всем этом нельзя не отметить, что фамилии многочисленных друзей и знакомых Чехова из числа таганрогских евреев в его прозе нигде не упоминаются. Еврейских персонажей в произведениях Чехова, как ни у кого другого, много, а вот их фамилии встречаются

сравнительно редко, самая из них известная – Ротштейн в рассказе «Тина». В эпистолярной же Чехова еврейские фамилии корреспондентов занимают второе место после русских.

Поскольку Таганрог был многонациональным городом, помимо русских покупателей и посетителей, перечисленных выше Буниным, в лавку приходило и много инородцев⁵⁶, в том числе евреев. В те годы:

В русских мещанских семьях евреи становились объектом если и не ненависти, то издевательств или, в лучшем случае, постоянных насмешек. Презрение к еврею – к «жиду» – было неременным элементом воспитания подрастающего поколения русских горожан, и в том числе, естественно, Антона и его братьев [ЯКОВЛЕВ Л. Гл. 1. С. 8].

Вот характерный эпизод из воспоминаний Александра Чехова, единственный в своем роде во всей достаточно обширной мемуарной чехониане:

Является первый покупатель – еврейский мальчик лет шести. – Дайте на две копейки чаю и на три копейки сахару, – говорит он с акцентом и выкладывает на прилавок пятак. Антоша достает из ящика уже развешенный в маленькие пакетики товар и подает. Но Гаврюшка не прочь позабавиться над маленьким покупателем и загораживает дорогу к дверям.

– Хочешь, я тебя свиным салом накормлю? – говорит он. Еврейчик пугается, собирается заплакать и взывает к отсутствующей матери: – Маме!..

– Лучше отрежем ему ухо! – добавляет проснувшийся Андрюшка...

Напуганный еврейчик стремглав выбегает из лавки, и можно быть уверенным, что он за следующей покупкой пойдет уже в другую лавку [ЧАП (II). С. 4].

Ниже следует колоритный рассказ о сортировке спитого чая, покупаемого у нищего еврея:

И в самом деле это не чай, а дрянь и даже нечто похуже дряни. Еврей Хайм собирает спитой чай по трактирам и гостиницам и не брезгает даже и тем, который половые выбрасывают из чайников на пол, когда метут. Хайм как-то искусно подсушивает, поджаривает и подкрашивает эту гадость и продает в бакалейные лавки, где с этим товаром поступают <следующим образом: очищают от сора и смешивают с сортовым чаем>.

Пока дети отделяют сор от чаинок, Павел Егорович сидит за конторкою с карандашом в руке и вычисляет. Потом, когда работа детей кончается, он отвешивает купленный у Хайма продукт, прибавляет в него, по весу же, небольшое количество настоящего, хорошего чая, тщательно смешивает все это и получает товар, который поступает в продажу по 1 руб. 20 коп. за фунт. Продавая его, Павел Егорович замечает покупателю:

– Очень хороший и недорогой чай... Советую приобрести для прислуги...

Действительно, этот чай давал удивительно крепкий настой, но зато вкус отзывался мастерскою Хайма. Антоша не раз задавал матери вопрос: можно ли продавать такой чай? – и всякий раз получал уклончивый ответ:

– Должно быть, деточка, можно... папаша не стал бы продавать скверного чая... [ЧАП (II). С. 6].

Чтобы проиллюстрировать для читателя, какими казались немногочисленные евреи Таганрога русским людям, следует посмотреть на них глазами современников.

Вот свидетельства таганрогского лекаря Пантелеймона Работина:

⁵⁶ Инородцы в Российской империи были особой категорией подданных, отличавшейся по правам и методам управления от остального населения империи. К ним относились калмыки, киргизы, кочевые народы Сибири, Туркестанского края, Ставропольской губернии, кавказские горцы, самоеды (самодийцы) и евреи. В обиходном словоупотреблении, как и в настоящей книге, *инородцами* назывались все подданные Российской империи неславянского происхождения.

По врожденной склонности, почти все евреи занимаются всякого рода мелочными торговыми спекуляциями и мелким кустарничеством. Евреи, живущие в Таганроге, сохранили свои национальные особенности. Тот же чистый азиатский тип, язык, вера, ветхозаветные нравы и обычаи, что резко их отличает от других народностей. Та же отсталость в образовании, хотя по природе они одарены большими умственными способностями. Почти все они являются последователями талмудского учения. Бедность, грязь и нечистоплотность в домашнем быту не только делает их жилища отвратительными, но и сильно влияют на здоровье. Как правило, евреи слабого телосложения, сухо шавы, большей частью болеющие чахоткой и золотухой в виде отвратительных язв, струпьев и различного вида сыпи. Однако по нравственности и в общественных делах стоят много выше греков, на службе честны и бережливы, довольствуются самым необходимым, терпеливо переносят нужду, лишения и добросовестно выполняют возлагаемые на них общественные обязанности.

Эти этнографические зарисовки продолжает историк-краевед Павел Петрович Филевский:

Массовое появление евреев в Таганроге началось в 40-х годах. Это были преимущественно ремесленники, многие кантонисты. За ними потянулась беднота с западных районов, которые занимались тем, что с корзиной в руках ходили по дворам и предлагали сапожную ваксу, сернички (спички), папиросную бумагу, про дававшуюся маленькими книжечками с обложкой из красивой цветной или золотой бумаги, преимущественно для детей, чтобы те сказали маме и папе, что у них есть товар. Эти же евреи, называемые «шминдрики», покупали поношенные платья и обувь, мастерски их штопали, искусно накладывали заплатки и потом перепродавали. Особенно охотно они покупали игральные карты. За клубную, не очень поношенную игру (две колоды) платили более рубля, тогда как новые, запечатанные, стоили полтора рубля. Они же брали на себя обязанность посредников подыскивать поденщиков, квартиры и всякую мебель. Шминдрики держались до самого двадцатого века. Затем, получив возможность учиться, они стали искусными врачами, крупными торговцами, адвокатами, банкирами. Антагонизма между греческим и еврейским населением не наблюдалось [ГОНТМ. С. 17].

Еврейская беднота становилась объектом постоянных насмешек и издевательств со стороны русского простонародья: крестьян, ремесленников, мелких торговцев. Эту повсеместно распространенную в быту практику прекрасно иллюстрирует написанный «из жизни» рассказ Чехова «Скрипка Ротшильда». Перед состоятельными евреями народ, однако, пресмыкался ровно так же, как и перед русскими богатеями. Еврейские предприниматели в массе своей действовали напористо, умело, а значит – успешно. Это, естественно, вызывало зависть у конкурентов.

Географически антисемитизм совпадал с так называемой «чертой оседлости». Другими словами, антисемитизм был там, где евреев было много. Где население их хорошо знало, постоянно с ними сталкиваясь. И так как черта оседлости проходила по территории главным образом малорусского населения, то этнографически русский антисемитизм был присущ малороссиянам и более правильно должен был бы называться не просто русским, а малороссийским. «...» южная и западная Россия давали преимущественно правых и националистов. Неизбежной принадлежностью этой правоты и русского национализма, было отрицательное к евреям отношение. Таким образом до революции антисемитизм был присущ: Географически – черте оседлости, то есть южной и западной России [ШУЛЬГИН. С. 10–11].

Антисемитизм он же юдофобия⁵⁷ в среде мещанско-торгового сословия носила и не только характер религиозной нетерпимости, но проистекала также из причин сугубо экономических. Ненавистники евреев нередко в те годы прикрывалась призывами к борьбе против еврейского засилья в торгово-промышленной сфере и *еврейской эксплуатации*. Понятие «еврей-эксплуататор», перекочевав со страниц русской печати 1860-х – 1870-х гг. в массовое сознание, утвердилось в нем как один из стереотипов образа еврея. В ироикоколическом ключе оно употреблено Антоном Чеховым в письме к его бывшему однокласснику-еврею Соломону Крамареву (курсив мой):

Люблю бить вашего *брата-эксплуататора*. (Один московский приказчик, желая уличить хозяина своего в эксплуататорстве, кричал однажды при мне: «Плантатор, сукин сын!»)

«...» Да приснится тебе, израильтянин, переселение твое в рай! Да перепугает и да расстроит нервы твои справедливый гнев россиян!!!⁵⁸

В гимназии же, особенно в выпускном классе, Антон, как уже говорилось, оказался в плотном еврейском окружении. Напористые и самоуверенные евреи-гимназисты, в большинстве своем выходцы из состоятельных семей, несомненно, задавали тон. Еврейство выражалось у них не в демонстрации культурно-религиозной инаковости, а как упорная тяга к знаниям вкупе с трудолюбием, целеустремленностью и, конечно же, особым типом мировидения. Все это вместе, несомненно, раздражало и задевало русских соучеников, подпитывая укорененную в них православным воспитанием неприязнь к евреям. Николай Бердяев, занимавшийся проблемой иудео-христианских взаимоотношений, писал в этой связи, что для христиан:

Евреи признавались расой отверженной и проклятой не потому, что это низшая раса по крови, враждебная всему остальному человечеству, а потому, что они отвергли Христа. «...» Христианская религия действительно враждебна еврейской религии, как она кристаллизовалась после того, как Христос не был признан ожидаемым евреями Мессией [БЕРД (II). С. 11].

Отметим, что в русском фольклоре, столь богатом пословицами и поговорками, можно найти немало высказываний о евреях, во многом базирующихся на антииудаизме.

Устное народное творчество – уникальная энциклопедия, в ней сосредоточено знание этноса об окружающем мире, знание, которое накапливалось на протяжении веков. Его достоверность находится в сложном соотношении менталитета конкретного народа и времени; за рамками этих координат достоверность может подвергаться сомнению, а порой и вовсе нивелироваться.

Согласно современным научным исследованиям в них: изображается преимущественно отрицательный опыт контактов русского народа с евреями. Евреи в обозначенных жанрах именуются *жидами*. Представление, свойственное традиционной культуре, о родстве евреев и нечистой силы нашло отражение и в пословицах («*Черти и жида – дети сатаны*», «*С жидом знаться – с чертом связаться*», «*Жид, как бес: никогда не показывается*» «...»). Родство с нечистой силой может быть представлено и в переносной форме: «*Не ищи жида – сам придет*» (то же самое русский народ говорит и о нечистой силе). Сотрудничество с евреями радует не Бога, а его антагонистов («*Служба жиду на радость бесам*»). Даже само появление еврея в доме воспринимается негативно («*Жид в хату, ангелы из хаты*»).

Немногочисленны и паремии, характеризующие телесные состояния или связанные с ними явления. Отличие евреев от русских заключается в сильном запахе («*От него цыбулькой,*

⁵⁷ Подробно об этих понятиях, использующихся в данной книге как синонимы. см. в [УРАЛ (II). С. 344–347]

⁵⁸ А.П. Чехов – С. Крамарев. 8 мая 1881 г. (Москва).

чесноком пахнет (он из жидов)»). Упоминается и кулинарное ограничение евреев, вызывающее насмешку («Жид свиное ухо съел»). Чертой евреев, по которой их отличают от других, считается их манера писать («Он от стены пишет (т. е. жид)»). Весьма популярным оказалось изображение в пословицах и поговорках черт еврейского характера, причем все сплошь отрицательные. Так, им приписывается способность лгать, ложь – буквально их пища («Жид с обмана сыт», «Жиду верить, что воду ситом мерить», «Жид правды боится, как заяц бубна»). Выражение *жидовская душа* означает лживого человека. С этой же позиции оценивается и принятие евреями православной веры: оно, по мнению русского народа, неискреннее («Жид крещеный, что вор прощенный», «Чтобы выгоды добиться, жид всегда готов креститься»). Если изменяется материальное состояние еврея, то оно влияет и на его модель поведения («Льстив жид в бедности, нахален в равности, изверг при властности»).

Ярко выраженной изображается способность евреев посягать на чужое, отбирать последнее («Жид не волк – в пустой сарай не заберется», «Пока при капитале – у жида ты в похвале; как он тебя обобрал, так тебя же из дому погнал», «Где жид проскачет, там мужик плачет», «Около жидов богатых все мужики в заплатах»). Жадность евреев вошла в пословицу («В жида как в дырявый мешок, никогда полностью не насыпишь»). Действие евреев, изначально кажущееся заслуживающим одобрения, на самом деле может привести к беде («Жид водкой угостит, а потом и споит»). Любви евреев должно остерегаться («Любовь жида хуже петли»). Торговля изображена настоящим призванием евреев («Жид на ярмарке – что поп на крестинах»). Даже такая черта как предприимчивость оценена в пословице отрицательно («Жид в деле, как пиявка в теле»). Еще одна черта характера евреев – их продажность («Любят в плен жиды сдаваться, чтоб врагу потом продаться», эта пословица являет разницу характеров с русскими в поговорках «Русские не сдаются», «И один в поле воин»). Пострадавший еврей чаще оказывается справедливо наказанным («Жид скажет, что бит, а за что – не скажет»), но и здесь подчеркнута склонность евреев ко лжи. Не обойден вниманием и изображаемый евреями пессимистический жизненный настрой («Жид, как свинья: ничего не болит, а все стонет»). Кроме того, евреям приписывается злость, их невозможно переделать («Нет рыбы без кости, а жида без злости», «Легче козла живого сожрать, чем жида переделать»).

В пословицах представлена выработанная веками модель поведения русского народа с евреями («Жидовского добра в дом не бери и жиду правды не говори», «Бойся жида пуще огня: вода огонь потушит, а жид тебя задушит», «Дай жиду потачку, всю жизнь будешь таскать для него тачку»). Даже проживание еврея в населенном пункте потенциально опасно («Где хата жида, там всей деревне беда»). Поэтому пословица советует держаться подальше от представителей этого народа («Хочешь жить – гони жида, а не то будет беда!», «Чтоб не прогневался Бог, не пускай жида на порог»), отстаивать собственные интересы («Кто жиду волю дает, тот сам себя предает»). Пословица советует не работать на евреев («Кто служит жиду – не минует беду»). Весьма опасны евреи в большом количестве («Жид, что крыса – силен стаей»). Среди евреев были и лекари, чьими услугами пользовались русские, но народная мудрость советует держаться подальше и от лекарей («У жида лечиться – смерти покориться») [КРАЮШКИНА. С. 79–81].

Традиционные представления русских о других народах всегда являются острокритическими и редко доброжелательными. В них затронутыми оказываются не только проблемы этноцентризма и критериев восприятия, но и вопросы этики и морали, а потому, как отмечал еще Гоголь, здесь «уже в самом образе выраженья, отразилось много народных свойств наших».

Можно полагать, что в чеховском классе эти «народные свойства» проявлялись достаточно ярко: сталкивались между собой не только культурные стереотипы и личные амбиции отдельных гимназистов, но и различные национальные менталитеты. Впрочем, никаких сведений о конфликтах на национальной или религиозной почве, имевших место в Таганрогской

гимназии, до нас не дошло. Исключение составляет лишь один эпизод из гимназической жизни Антона Чехова, который приводит в своих воспоминаниях его одноклассник М.А. Рабинович:

Гимназист <Лев> Волкенштейн дал пощечину однокласснику, обозвавшему его «жидом». Тот пожаловался отцу, хлебному маклеру, и Педагогический Совет через час исключил Волкенштейна из гимназии. «Чехов предложил нам героическую меру <...> Зная доброту директора <гимназии Э.Р. Рейтлингера> и его нескрываемое уважение к проявлению в гимназии духа товарищества, он предложил всему нашему десятку на следующий же день добиться аудиенции у директора и <вручить> ему наши прошения о выходе из гимназии, если постановление не будет отменено». Директор прослезился и дал слово в тот же день собрать Совет и настаивать на отмене решения. Волкенштейн вернулся в гимназию [АЛФЕР (I).С. 117]⁵⁹.

Комментарии здесь, как говорится, излишни. Но одну черту личности Чехова, о которой не раз можно найти упоминания в его жизнеописаниях, этот эпизод иллюстрирует очень ярко – Антон с детских лет был до болезненности чувствителен к проявлению всякого рода несправедливостей (sic!).

Итак, важным фактом биографии Антона Павловича Чехова, никак, однако, не акцентирующимся в научном чеховедении, является то обстоятельство, что его духовно-интеллектуальное становление, как ни у кого другого из знаменитых русских литераторов конца XIX – начала XX в. (sic!), проходило в *разноплеменной* среде, где особо представительствоваали эмансипированные евреи. По этой, видимо, причине для него было столь важным в повседневном быту утверждать свою национальную идентичность. Он защищал ее от влияния той «чужеродной прелести», что навязывали ему инородцы – главным образом одаренные чем-то «необыденным» евреи-одноклассники.

Ибо, как гласит русская пословица:

Жидовские дети хуже, чем крысы в клетке: и добру навредят, и русских детей развратят.

Конечно, – это особенно важно подчеркнуть в контексте нашей книги! – Чехов в такие мировоззренческие крайности никогда не впадал. Судя по его переписке с А.С. и А.А. Сувориными (см. Гл. VI.) и близкими ему «в духе» литераторами начала 1880-х – середины 1890-х гг., в его случае можно говорить о эмоционально-мировоззренческой антиномии: личной симпатии, в отдельных случаях даже привязанности к евреям из числа близких знакомых – например, Исаак Левитан см. Гл. VII.), и, одновременно, в идейном плане – настороженно-оборонительной позиции в отношении активного вхождения евреев в русскую литературу и их влияния на духовную жизнь русского общества в целом⁶⁰. Здесь Чехов, конечно, не столь категоричен, как его хороший знакомый и в начале пути «симпатизант» Виктор Буренин – ведущий литературно-художественный критик газеты «Новое время», обвинявший евреев в привнесении порчи: культа унылости, безволия, плаксивости и т. п., в русскую литературу, но, по умолчанию, принимавший его главный тезис: нужно всячески оберегать русскую духовность ее влияния чужеродной ментальности.

⁵⁹ Этот же эпизод имеется в воспоминаниях Марии Павловны Чеховой [ЧЕХОВА. С. 16]. Западный биограф А.П. Чехова Рональд Хингли полагает однако, что это сообщение имеет, скорее всего, апокрифическое звучание (Hingley R.A. New Life of Anton Chekhov. N.Y.: Oxford University Press, 1976. P. 23).

⁶⁰ О еврейской литературной волне в России конца XIX – начала XX в. см. в кн. [УРАЛ (II). С. 236–343].

Глава II. Антон Чехов и «эпоха великих реформ»

*Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!
Мы веры нашей, проста, не теряли
(Как был какой-то западный народ);
Мы верою из мертвых воскресали,
И верою живет славянский род.
Мы веруем, что бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может!*

*Федор Достоевский*⁶¹

Духовное становление личности Антона Чехова проходило в годы царствования российского императора Александра II, которые в русской истории принято называть «эпохой великих реформ». Известный ученый-историк Николай Троицкий пишет, что

Основные реформы 1861–1874 гг. в России изучены досконально, в особенности крестьянская. Наибольший вклад в изучение этой темы внесли русские дореволюционные историки либерального направления, которые рассматривали все реформы апологетически как результат развития гуманно-прогрессивных идей среди дворянских «верхов» и доброй воли царя. Буржуазное, правовое начало реформ приукрашивалось, крепостнические черты умалялись или вовсе замалчивались. Классовая борьба вокруг реформы совершенно игнорировалась: крестьянство якобы «спокойно ожидало воли». <...> Капитальное, самое крупное из всех исследований крестьянской реформы – юбилейный шеститомник «Великая реформа» (М., 1911) – признает и вынужденность реформы, т. е. боязнь «всероссийской пугачевщины», и ее ограниченность, «тяжелые для крестьян результаты освобождения». Еще более апологетична либеральная историография других реформ: судебной <...>, земской <...>, городской <...>. Военные реформы до 1917 г. серьезно не изучались. Советская историография, наоборот, акцентирует внимание на ограниченности реформ, причем до последнего времени изучение крестьянской реформы подгонялось под резко критические оценки ее характера и последствий в трудах В.И. Ленина <...>.

<...> Зарубежная историография темы невелика, но интересна стремлением авторов занять такую позицию, которая была бы свободна от крайностей – апологетической у русских дореволюционных и критической у советских историков [ТРОИЦКИЙ Н.]⁶².

Александр II взошел на трон 18 февраля 1855 год, в самый разгар Крымской или, как ее часто называют, Восточной войны России против Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства (1853–1856), которая, по словам Фридриха Энгельса, явила собой пример безнадежной борьбы нации с примитивными формами производства против наций с современным производством. Страна понесла огромные людские потери (больше 500 тыс. человек на всех

⁶¹ Фрагмент из стихотворения, впервые напечатанного после смерти писателя в журнале кн. Мещерского «Гражданин», № 1 за 1883 г. Полностью см. в [ДОСТ-ПСС. Т. 2. С. 403].

⁶² Ниже все ссылки по теме «Эпоха великих реформ» приводятся по этой работе.

фронтах) и оказалась на грани финансового краха. Если к началу войны, в 1853 г., дефицит государственного бюджета составлял 52,5 млн. руб., то в 1855 г. он вырос до 307,3 млн.⁶³

Крымская война показала необходимость кардинальных изменений в социально-экономической – в первую очередь тут на повестке дня стоял вопрос об отмене крепостного права, и политической сферах. Немедленного разрешения требовал и национально-конфессиональный вопрос. Было понятно, что необходимо объединить страну, модернизировать ее, реформировать ее экономику и политику в соответствии с требованиями времени. Естественно, что реформы, проводимые в стране, не имеющей выборной парламентской системы, по инициативе ее абсолютного монарха, не могли быть полными и последовательными. Тем не менее, они кардинально затронули все сферы общественной жизни Российской империи:

в экономике: отменено крепостное право и упразднено крепостническое хозяйствование, препятствовавшее ее позитивной динамике и тормозившее развитие капитализма.

Реформа существенно изменила правовое положение крестьян. Она впервые дала бывшим крепостным право владеть собственностью, заниматься торговлей и промыслами, заключать сделки, вступать в брак без согласия помещика и т. д. Налицо был широкий шаг по пути от феодального бесправия к буржуазному праву. Однако помещики сохранили за собой ряд феодальных привилегий, включая полицейскую власть над временнообязанными крестьянами. Как и до реформы, они представляли интересы крестьян на суде. Сохранялись (до 1903 г.!) телесные наказания для крестьян. <...> В целом реформа 1861 г. была для России самой важной из реформ за всю ее историю. Она послужила юридической гранью между двумя крупнейшими эпохами российской истории – феодализма и капитализма. <...> Главным из этих условий явилось личное освобождение 23 млн. помещичьих крестьян, которые и образовали рынок наемной рабочей силы [ТРОИЦКИЙ Н. (I)];

во внутренней политике: поскольку успешно управлять огромной страной из единого центра новых экономических и политических условиях стало невозможно, была осуществлена губернская и земская реформа, которая бы обеспечила участие в управлении регионами выборных представителей от всех слоев общества:

В основу земской реформы были положены два новых принципа – бессловность и выборность. Распорядительными органами *земства*, т. е. нового местного управления, стали земские собрания: в уезде – уездное, в губернии – губернское (в волости земство не создавалось). Выборы в уездные земские собрания проводились на основе имущественного ценза. Все избиратели были разделены на три курии: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей, 3) выборных от сельских обществ. <...> Политически земство было немощным, <...> <но> как учреждение прогрессивное содействовало национальному развитию страны. Его служащие наладили статистику по хозяйству, культуре и быту, распространяли агрономические новшества, устраивали сельскохозяйственные выставки, строили дороги, поднимали местную промышленность, торговлю и особенно народное образование и здравоохранение, открывая больницы и школы, пополняя кадры учителей и врачей. Уже к 1880 г. на селе было открыто 12 тыс. земских школ, что составило почти половину всех школ в стране. Врачей на селе до введения земств вообще не было (исключая редкие случаи, когда помещик сам открывал на свои средства больницу и приглашал фельдшера). Земства содержали специально подготовленных сельских врачей (число их за 1866–1880 гг. выросло вчетверо). Земские врачи (как и учителя) заслуженно считались лучшими. <...> Второй реформой местного управления была

⁶³ Николай I, отец Александр II, «умер <...> в такой ипохондрии от непереносимых для его гордости поражений и так скоротечно, что тотчас после его смерти распространилась и доньне бытует в художественной, а отчасти даже в исследовательской литературе версия о его самоубийстве» [ТРОИЦКИЙ Н.].

городская реформа. <...> Депутаты (гласные) городской думы избирались на основе имущественного ценза. В выборах гласных участвовали только плательщики городских налогов, т. е. владельцы недвижимой собственности (предприятий, банков, домов и т. д.). Все они разделялись на три избирательных собрания: 1) наиболее крупных налогоплательщиков, которые совокупно платили треть общей суммы налогов по городу; 2) средних плательщиков, тоже плативших в общей сложности треть всех налогов, 3) мелких плательщиков, которые вносили оставшуюся треть общей налоговой суммы. Каждое собрание избирало одинаковое число гласных, хотя численность собраний была кричаще различной (в Петербурге, например, 1-ю курию составляли 275 избирателей, 2-ю – 849, а 3-ю – 16355). Так обеспечивалось преобладание в думах крупной и средней буржуазии, которая составляла два избирательных собрания из трех. <...> Что касается рабочих, служащих, интеллигенции, не владевших недвижимой собственностью (т. е. подавляющего большинства городского населения), то они вообще не имели права участвовать в городских выборах. В десяти самых крупных городах империи (с населением более 50 тыс. человек) таким образом были отстранены от участия в выборах 95,6 % жителей. В Москве получили избирательные права 4,4 % горожан, в Петербурге – 3,4 %, в Одессе – 2,9 %. <...> Городские думы, как и земства, не имели принудительной власти. Для выполнения своих постановлений они вынуждены были запрашивать содействие полиции, которая подчинялась не городским думам, а правительственным чиновникам – градоначальникам и губернаторам. Эти последние (но отнюдь не городское самоуправление) и вершили в городах реальную власть – как до, так и после «великих реформ»;

в финансовой системе: финансы страны были совершенно расстроены за время Крымской войны и по своей структуре архаичны, что приводило к чудовищным злоупотреблениям.

Александр II повелел отменить с 1 января 1863 г. откупную систему, при которой отдавался на откуп частным лицам сбор косвенных налогов с населения за соль, табак, вино и т. д. Вместо откупов, изобиловавших злоупотреблениями, была введена более цивилизованная акцизная система, которая регулировала поступление косвенных налогов в казну, а не в карманы откупщиков. В том же 1860 г. был учрежден единый Государственный банк России (вместо прежнего многообразия кредитных учреждений) и упорядочен государственный бюджет: впервые в стране начала публиковаться роспись доходов и расходов [ТРОИЦКИЙ Н.];

в сфере народного образования: нарождающиеся капиталистические отношения настоятельно требовали подготовки квалифицированных кадров, повышения образовательного уровня населения в целом.

18 июня 1863 г. был принят новый университетский устав. Он возвращал университетам автономию, впервые дарованную при Александре I в 1804 г. и отмененную в 1835 г. при Николае I. С 1863 г. все вопросы жизни любого университета (включая присуждение ученых степеней и званий, заграничные командировки ученых, открытие одних и закрытие других кафедр) решал его Совет, а должности ректора, проректоров, деканов, профессоров становились выборными, как в 1804–1835 гг. 19 ноября 1864 г. Александр II утвердил и новый устав гимназий. Купцы, мещане, крестьяне вновь получили право учиться в гимназиях, которое было им предоставлено в 1803 г. Александром I и отнято в 1828 г. Николаем I. <...> <Однако> устав 1864 г. вводил столь высокую плату за обучение, что она закрывала доступ в гимназии большинству простонародья. Все гимназии <...> были разделены на классические и реальные – те и другие семиклассные. В классических гимназиях главным стало преподавание древних («классических») языков, т. е. латыни и греческого, в реальных – математики и естествознания. Классические гимназии считались привилегированными: их выпускники могли поступать в университеты без экзаменов. В начале 70-х годов стало наконец возможным в России высшее образование для женщин;

в армии: огромная армия, построенная на муштре и долгосрочной (25 лет) службе части населения, вооруженная устаревшим оружием, применявшая устаревшие стратегические и

тактические схемы ведения военных операций, была по существу не боеспособна. Поэтому преобразования в армии носили особенно радикальный характер. Они растянулись на 12 лет, с 1862 по 1874, но столь взаимосвязаны, что специалисты обычно воспринимают их как *единую* военную реформу. <...> Инициатором и руководителем военной реформы был Дмитрий Алексеевич Милютин – генерал (будущий фельдмаршал) по службе и либерал по убеждениям, правнук дворового истопника при царях Иване и Петре Алексеевичах по отцу и племянник графа П.Д. Киселева по матери, близкий знакомый И.С. Тургенева и Т.Н. Грановского, друг К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. В течение 20 лет (1861–1881) он занимал пост военного министра и был самым выдающимся из военных министров за всю историю России. Умный, широкообразованный практик и теоретик военного дела, автор пятитомной «Истории войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 г.», член-корреспондент, а впоследствии почетный член Академии наук, Милютин сумел придать военной реформе столь необходимые тогда в России рационализм и культуру. <...> Были облегчены условия солдатской службы, отменены телесные наказания от кнута и шпицрутен до розог. Милютин старался изменить самый имидж российского солдата от почти каторжного до почетного: «защитник Отечества». Улучшилась боевая подготовка войск. В отличие от николаевского времени, солдат стали готовить больше к войне, чем к парадом.

<...> С 1862 г. началось перевооружение армии нарезным (вместо гладкоствольного) оружием. <...> более современной стала подготовка офицеров. Часть старых (дворянских) кадетских корпусов была реорганизована в военные гимназии, объем знаний в которых, по сравнению с кадетскими программами, вырос более чем вдвое. В некоторые из военных гимназий (далеко не во все) разрешалось принимать лиц всех сословий. Младших офицеров готовили отныне (с 1864 г.) юнкерские училища. В них процент лиц недворянского происхождения поднялся выше, чем в военных гимназиях, но значительно ниже был общеобразовательный уровень поступавших. <...> Главным из всех военных преобразований стала реформа комплектования армии. <...> 1 января 1874 г. был принят закон, который заменял систему рекрутских наборов всеобщей воинской повинностью. Закон 1874 г. значительно сократил сроки военной службы: вместо 25-летней рекрутчины, для солдат – 6 лет действительной службы, после чего их переводили в запас на 9 лет, а затем в ополчение; для матросов – 7 лет действительной службы и 3 года запаса. Лица с образованием служили еще меньше: окончившие вузы – 6 месяцев, гимназии – 1,5 года, начальные школы – 4 года. Фактически 6–7 лет служили только неграмотные, но они-то и составляли тогда абсолютное большинство (80 %) призывников. Новый закон позволял государству держать в мирное время уменьшенную кадровую армию с запасом обученных резервов, а в случае войны, призвав запас и ополчение, получить массовую армию. <...> Реформа Милютина была выигрышна для России даже чисто экономически, ибо способствовала ускоренному росту железных дорог как необходимого условия для мобилизационных и демобилизационных акций в такой обширной стране, как Российская Империя;

в судебной системе: проведены преобразования обеспечившие, независимость судей, введения адвокатуры, *бессловного* суда присяжных и пр.

В России до 1864 г. отсутствовал институт адвокатуры. Николай I, считавший, что именно адвокаты «погубили Францию» в конце XVIII в., прямо говорил: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем». Так и получилось. «В судах черна неправдой черной» (по выражению А.С. Хомякова) Россия была веками, но после отмены крепостного права оставаться такой она не могла. Александр II это понял и, к чести его (а главное, к благу России), поручил готовить судебную реформу комиссии из лучших законоведов <...>. 20 ноября 1864 г. Александр II утвердил новые Судебные уставы. Они вводили вместо феодальных сословных судов цивилизованные судебные учреждения, общие для лиц всех сословий с одним и тем же порядком судопроизводства. Отныне впервые в России утверждались четыре краеугольных принципа современного права: *независимость суда* от администрации,

несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства. Значительно демократизировался судебный аппарат. В уголовных судах был введен институт присяжных заседателей из населения, избираемых на основе умеренного имущественного ценза (не менее 100 десятин земли или любая другая недвижимость в 2000 руб. в столицах и 1000 руб. в губернских городах). Для каждого дела назначались по жребию 12 присяжных, которые решали, виновен ли подсудимый или нет, после чего суд освобождал невиновного и определял меру наказания виновному. Для юридической помощи нуждающимся и для защиты обвиняемых был создан институт адвокатов (присяжных поверенных), а предварительное следствие по уголовным делам, ранее находившееся в руках полиции, теперь перешло к судебным следователям. Присяжные поверенные и судебные следователи должны были иметь высшее юридическое образование, а первые, кроме того, еще пятилетний стаж судебной практики. Количество судебных инстанций по Уставам 1864 г. было сокращено, а их компетенция строго разграничена. Созданы были три типа судов: мировой суд, окружной суд и судебная палата. <...> Единой кассационной инстанцией для всех судов империи являлся Сенат – с двумя департаментами: уголовным и гражданским. Он мог отменить решение любого суда (кроме Верховного уголовного), после чего дело возвращалось на вторичное рассмотрение того же или другого суда;

в сфере межнациональных отношений: Россия, разросшаяся за счет присоединения государственных образований и территорий Средней Азии, Кавказа и Закавказья, из конгломерата национально-религиозных групп, объединенных военной силой, присягой царю и наличием в некоторых случаях внешней опасности, превращается в имперское государство, стремящееся к созданию единой российской нации, путем слияния своих народов – в первую очередь славянского происхождения, в национальную общность. Развитие капитализма требовало участия всех субъектов экономической жизни империи в решении проблем ее хозяйственного и политического управления [ЗАЙОНЧКОВСКИЙ (I)]. В немалой степени это обстоятельство касалось и евреев – крупнейшего неславянского этноса, проживавшего на территории Российской империи: ок. 5 млн. при общей численности населения страны 122 млн. человек. Как и большинство неславянских этносов, евреи проживали в России компактно – главным образом в черте оседлости, и, будучи замкнуты сами на себя в силу, как их собственной традиции, так и государственной изоляционистской политики, практически не участвовали в экономической и культурно-общественной жизни страны.

Князь Сергей Дмитриевич Урусов в своих «Записках губернатора» следующим образом описал судьбу еврейского народа в России в XVIII в.:

Пути, по которым русское правительство водило в течение полутора столетий русских евреев, поистине неисповедимы. Если, с одной стороны, еще в XVIII в. одна из русских императриц «не ожидала от врагов Христа интересной прибыли», то в том же столетии ее преемница видела в евреях тех «средняго рода людей, от которых государство много добра ожидает», указав им обращение к занятиям «торгами и промыслами». Евреев то звали в Россию, то изгоняли, а в конце концов Россия и вовсе стала местом локализации едва ли не самой большой еврейской общины в мире. Что, впрочем, не принесло евреям особого счастья ни в XVIII-м, ни в последующие века. С точки зрения бизнеса еврейское население в Российской империи не то чтобы процветает, как видим. Единственным реальным способом заработать остается торговля, однако, виной тому не только угнетенное положение евреев, но и недоразвитая система торгово-промышленных отношений в стране. Банковская система, биржи, развитие промышленности – все это ждет Россию только в XIX в. [КнУРУС],

– причем, добавим, лишь после начала «великих» реформ, проведенных в царствование императора Александра II «Освободителя». Реформа финансов, проведенная в царствование Александра II, позволила представителям еврейских деловых кругов и с большим успехом проявить свои деловые способности в самых разных областях российской экономики, а

Хаскала⁶⁴ – процесс эмансипации евреев, перекинувшийся в это время из Западной Европы, где проживало 2 млн. евреев, в Россию активизировал их массовый выход на общероссийскую культурно-общественную сцену. Благодаря деловой активности евреев в стране:

Появились ипотечные и различные частные банки, необходимые для финансирования экономики, строительные и другие коммерческие компании, началось активное строительство железных дорог. Многие евреи, скопившие себе первоначальный капитал в дореформенный период на винных промыслах, откупах, коробочных сборах и пр. (Гинцбурги, Поляковы, Зайцевы, Бродские), смогли начать новый большой бизнес. Уже в 30–40-х гг. в Одессе существовали крупные еврейские банки европейского уровня – «Рафалович и К.», «Ефрусси и К.». В начале 50-х гг. в одном Бердичеве было уже 8 банковских еврейских домов. В пореформенный период этот процесс резко усилился. В становлении различных отраслей экономики России ведущую роль сыграли банковские дома Гинцбургов и Поляковых, тесно сотрудничавшие с государством. Через них размещались российские займы за границей, они были основными агентами по связи российского правительства с зарубежными банками. Банковский дом Гинцбургов принял участие во 2-м военном займе 1878 г., подписавшись на колоссальную по тем временам сумму в 10 млн. долларов. Активно евреи участвовали в ж.д. строительстве. Особенный вклад внесла семья Поляковых. За 22 месяца (рекордный срок) Поляков проложил железную дорогу Курск-Харьков-Азов с веткой на Ростов-на-Дону. Ему принадлежали угольные шахты Донбасса, пароходство на Азовском море, большое поместье там же. Банковские дома Поляковых активно ссужали деньги под эти цели промышленного производства. Контролируя значительную часть ж.д. на юге России и часть транспортных судов, евреи создали себе условия для взятия под контроль экспортной торговли зерном и сахаром. В стремительно развивавшейся сахарной промышленности России крупнейшими предпринимателями были Поляковы и Бродские, в прошлом крупные откупщики. Четверть сахарных заводов Юго-Западного края принадлежало в это время евреям. Еврейские сахарозаводчики первыми перешли на новые методы производства сахара, организовав выпуск рафинада. Благодаря бурному развитию торговли сахаром, стали массово сеять на Украине и в Центрально-Черноземном районе России сахарную свеклу. Появилось много плантаций сахарной свеклы. Однако евреи не могли стать их владельцами из-за законодательных ограничений. Евреи в 1878 г. контролировали 60 % хлебного экспорта России, а через несколько лет – уже почти 100 %. Благодаря созданной ими мощной торговой инфраструктуре на юге Российской империи (железные дороги, пароходства, банки, страховые компании), экономика края, включая сельское хозяйство, внутреннюю и внешнюю торговлю стали особенно бурно развиваться. Торговцы-евреи смогли наладить быструю доставку сахара и хлеба в порты, а оттуда, как правило, используя еврейские пароходства – за границу.

В то же время существовавшие антиеврейские правовые ограничения не давали евреям расширить свой бизнес, инвестировать деньги, например, в добывающие отрасли. Так, покупка земель (в т. ч. нефтеносных участков) на Кавказе, а также разведка нефти и ее добыча разрешалась только лицам, имеющим право жительства за пределами черты, с согласия министра торговли и промышленности и при отсутствии возражений со стороны наместника Кавказа.

Власти прекрасно понимали всю необходимость, как общих реформ, так и реформы национально-религиозных отношений. Однако как в первом, так и во втором случае они рас-

⁶⁴ Хаскала (Гаскала; חסדלה, «просвещение») – еврейское идейное, просветительское, культурное, литературное и общественное течение, возникшее во второй половине XVIII в., выступавшее за принятие ценностей эпохи Просвещения, интеграцию евреев в светское сообщество своих стран, роста образования в области светских наук и борьбы за отмену дискриминационных антиеврейских законов в христианских государствах Европы. Явилось поворотным пунктом в Новой еврейской истории и стала идейным источником всех центральных течений еврейской национальной мысли последующих двух столетий, см. [ЭЕЭ: ХАСКАЛА].

считывали ограничиться полумерами. В первом случае камнем преткновения стало нежелание самодержавия ввести политические свободы и отказаться от сословного неравенства. Во втором – нежелание полностью эмансипировать (освободить) российских евреев, уравнивать их с остальным населением страны (хотя такая эмансипация полным ходом шла в отношении других народов) – прежде всего, в вопросе права повсеместного жительства. Поэтому <эпоха> правления Александра II – <это> период ограниченной эмансипации евреев (если сравнивать с периодами эмансипации евреев в Западной Европе). Первые шаги нового императора в отношении евреев были направлены на отмену наиболее вопиющих положений прежнего законодательства и явились логичным следствием проводимых общероссийских реформ.

Либеральные реформы в отношении евреев Александра II:

№	Дата	Реформа
1.	26.08.1856 г.	Отмена института кантонистов, уравнивание евреев в правах с остальными подданными империи в вопросах рекрутского набора
2.	31.03.1856 г.	Разрешено принимать евреев на госслужбу, если они обладают учеными степенями. В период нахождения на госслужбе они имели право жить вне черты оседлости.
3.	16.03.1859 г.	Купцам первой гильдии разрешено постоянное проживание по всей империи. В течение 10 лет после переселения они обязаны были состоять в гильдии и платить соответствующие

		пошлины. Если они выходили из гильдии до этого срока, то обязаны были вернуться в черту. В 1859 г. в России насчитывалось всего 108 евреев-купцов первой гильдии.
4.	27.11.1861 г.	Госсовет принял закон, который предоставлял право евреям, имевшим степень доктора наук, право жить по всей империи, заниматься любым видом деятельности и поступать на госслужбу.
5.	1862 г.	Евреям позволено приобретать «земли и угодья, принадлежавшие к помещичьим именьям, в коих обязательные отношения крестьян к владельцам прекращены». Крещение евреев, не достигших 14 летнего возраста, без согласия родителей запрещено. Издан закон, разрешавший назначать евреев смотрителями казенных еврейских училищ.
6.	1864 г.	Император утвердил новый устав гимназий, где говорилось, что в них «обучаются дети всех сословий без различия вероисповедания».
7.	28.06.1865 г.	Принят закон, предоставивший право повсеместного жительства в империи некоторым категориям евреев-ремесленников и членам их семей на период занятия данным ремеслом.
8.	1868 г.	Аннулирован закон, запрещавший евреям Царства Польского селиться в России, а российским — в Царстве Польском.
9.	1873 г.	Еврейские казенные училища преобразованы в начальные еврейские училища, раввинские училища преобразованы в специальные еврейские учительские институты.
10.	1879 г.	Все евреи — выпускники ВУЗов, а также фармацевты, акушеры и дантисты получили право повсеместного жительства в империи.
11.	3.04.1880 г.	Разослан циркуляр МВД за подписью министра Л. Макова, предписывавший губернаторам внутренних губерний не выселять незаконно поселившихся в них евреев.

«...» <Предписывалось, что>число евреев в городских думах и управах не должно превышать 1/3 общего состава этих органов. Тем не менее, евреи по Городскому уложению получили право участвовать в выборах городского головы, а также право образовывать с христианами

единые курии (фракции), что усиливало их влияние на городские дела. Никаких антиеврейских положений не содержалось и в новых судебных уставах (1864 г.). Евреев наравне с другими избирали в присяжные заседатели, они свободно становились адвокатами и участвовали в процессах в качестве защитников. Многие из них приобрели известность в этом качестве. Некоторые поступали на службу в прокурорский надзор и даже в Сенат. Например, А. Думшевский (1837–1887 гг.), один из лучших в стране знатоков гражданского права, был обер-секретарем Сената. Однако на местах участие евреев в органах юстиции не поощрялось и их постепенно стали вытеснять негласным решением местных властей. То же касалось и евреев – присяжных заседателей. <...> Фактически правительство Александра II выполнило необходимые условия для обеспечения капиталистических реформ в России применительно к еврейскому населению: были сняты практически все ограничения на купцов I гильдии, были даны все возможности для получения евреями престижного образования и престижных профессий, что открывало им путь к реальной мягкой интеграции в российское капиталистическое общество. <Однако> евреям отказывалось в праве называться народом с присущими ему традициями, обычаями, бытовыми пристрастиями (причем народом, равным прочим, населяющим империю) и пр., а вся проблема уводилась в русло межрелигиозной конфронтации с сопутствующими ей проблемами экономического и политического характера.

<...> В целом реформы 60–70-х гг. XIX века сыграли выдающуюся роль в истории евреев России. Они дали толчок к разрушению патриархальной еврейской общины, реальной интеграции части еврейского населения с русским обществом, привели к созданию довольно обширного класса еврейской интеллигенции. В то же время эти реформы в силу своей половинчатости создали предпосылки для активизации антисемитских тенденций в русском обществе (евреи продолжали восприниматься как неравноправная и беззащитная часть населения империи) и не привели к необратимости произошедших изменений [ЭНГЕЛЬ].

Марк Алданов (о нем см. [УРАЛ (III)]) – большой почитатель личности императора Александра II, автор романа «Истоки» об «эпохе великих реформ», в историческом этюде «Русские евреи в 70-х – 80-х годах» писал:

Будет вполне естественно, если будущее историографы русской интеллигенции, как дружеские расположенные к евреям, так и антисемиты, начнут новую главу ее истории, с тех лет, когда евреи стали приобщаться к русской культуре, так как роль евреев в культурной и политической русской жизни в течение последнего столетия была очень велика. Главу эту следует начинать с конца 70-х и начала 80-х годов минувшего века. Целое поколение русских евреев к этому времени уже принимало участие в русском революционном движении, хотя их роль в движении была незначительной. Среди революционеров конца 70-х годов евреи были, но численно их было немного и командных высот в русском революционном движении они не занимали. <...> Относительно второстепенная роль, которую евреи играли в революционном движении того времени не, объясняется, разумеется, прежде всего тем обстоятельством, что лишь незадолго до того евреи вообще стали приобщаться к русской культуре. Но тут действовали и другие причины. Русские евреи в то время гораздо меньше ненавидели царя и Царское правительство, чем в последние годы. Александр II не был антисемитом. Можно, пожалуй, при желании даже сказать, что он был расположен к евреям, особенно в первую половину своего царствования. В законах о судебной реформе, осуществленной в 1864 г., не имеется нигде каких-либо ограничений для евреев. В училища и гимназии евреи принимались на равных правах с другими учащимися. Евреи имели право держать экзамены и получать офицерские чины. Они также могли получать дворянское звание и нередко получали его. Получив чин действительного статского советника или тайного советника, орден св. Владимира или первую степень какого-нибудь другого ордена, еврей становился дворянином.

Несправедливости для евреев были связаны с отбыванием воинской службы. Немногим известно, что при Николае I евреев солдат была пропорционально больше в отношении чис-

ленности еврейского населения, чем солдат-христиан, так как при рекрутском наборе евреи обязывались поставлять 10 солдат на тысячу, а христиане – только 7. Этим объясняется, что в войнах 1828, 1830 и 1854–55 годов принимало участие очень много евреев. Но с введением всеобщей воинской повинности эта несправедливость отпала. Почти все позднейшие ограничения евреев были проведены уже в царствование Александра III.

Можно, во всяком случае, утверждать, что в эпоху Александра II вся богатая еврейская буржуазия была совершенно лояльно настроена по отношению к монархии. Именно в это время создались крупные состояния Гинзбурга, Поляковых, Бродских, Зайцевых, Болоховских, Ашкенази. <...> В начале царствования Александра II откупщик Евзель Гинцбург основал в Петербурге свой банк, который вскоре занял в столице первое место в банковской сфере <...>. Владелец нового банка стал гессенским консулом в Петербурге и он оказал немало услуг гессенскому великому герцогу в Дармштадте. За это Гинцбурги получили в 1871 г. от великого герцогства баронский титул. Супруга Александра II⁶⁵ была сестрой великого герцога Гессенского, и Александр II, который никогда ни в чем не отказывал своим бедным немецким родичам, немногим позже, по просьбе великого герцога, утвердил баронский титул Гинцбургов и в пределах России. Дом барона Горация Гинцбурга, второго члена баронской династии, посещали выдающиеся представители русской интеллигенции: Тургенев, Гончаров, Салтыков, братья Рубинштейны, Спасович, Стасов⁶⁶. Гораций Гинцбург поддерживал добрые отношения с высшей аристократией и даже некоторыми членами царствующего дома, особенно с принцем Ольденбургским⁶⁷.

Почти в то же время другой еврей, Самуил Поляков, приступил к сооружению железных дорог. Он построил 6 железнодорожных линий. В последние годы три брата Поляковы стали потомственными дворянами и тайными советниками. И Гинцбург, и Поляковы жертвовали крупные суммы на различные учреждения и на благотворительность. Почти в то же время другой еврей, Самуил Поляков, приступил к сооружению железных дорог. Он построил 6 железнодорожных линий. <Впоследствии все> три брата Поляковы стали потомственным дворянами и тайными советниками. И Гинцбурги, и Поляковы жертвовали крупные суммы на различные учреждения и на благотворительность. Гораций Гинцбург был одним из учредителей Института Экспериментальной Медицины и Археологического Института. Поляковы жертвовали на лицей цесаревича Николая, на училище Дельвига, на дом студента имени Александра II. Поляковы пожертвовали не менее двух миллионов рублей на благотворительные цели. Эти евреи искренне любили царя и горько плакали, когда первого марта он был убит.

Как бы странно это ни звучало, но так же были настроены и многие бедные евреи, которые не пользовались никаким почетом, не получали ни титулов, ни медалей.

Русско-еврейский писатель Лев Леванда (автор весьма плохих романов на русском языке <...>) отнюдь не был состоятельным человеком, но в 60-х годах он был стопроцентным монархистом. <...> в 1864 году он был редактором «Виленских Губернских Ведомостей», что было бы абсолютно невозможно во времена Александра III или Николая II. Леванда писал в высшей степени консервативные и даже реакционные статьи, подчас вызывавшие решительная возмущение в русской либеральной печати.

⁶⁵ Супруга Александра II – Мария Александровна, урождённая принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская (нем. Maximiliane Wilhelmine Auguste Sophie Marie von Hessen und bei Rhein, 1824–1840), приходилась троюродной теткой последней русской императрицы Александры Фёдоровны (Феодоровна, урождённая принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская, нем. Victoria Alix Helena Louise Beatrice von Hessen und bei Rhein; 1872–1918), жены ее внука императора Николая II.

⁶⁶ В 1863 г. Гораций участвовал в создании Общества по распространению просвещения среди евреев, в 1878 году стал его председателем.

⁶⁷ Имеется в виду внук императора Павла I, российский военный и государственный деятель принц Пётр Георгиевич Ольденбургский.

«...» <При всем этом> Леванда подчеркивал свою принадлежность к еврейству, защищая своих книгах и статьях евреев, он в то же время отмечал их приверженность царскому трону «...». Одна из его статей даже привела в восторг известного реакционного журналиста Каткова, писавшего, что в евреях «Россия могла бы приобрести полтора или два миллиона преданных и лояльных граждан». Правда, Катков при этом выдвинул неожиданное и, можно сказать, нелепое в устах такого умного человека условие: «Чтобы евреи молились на русском языке»! Один из романов Леванды «Горячее время» заканчивается призывом к евреям: «Пробудитесь под скипетром Александра II!»

«...»

Я не взялся бы обосновать эту мысль, но думаю, что и еврей-революционеры в ту пору не испытывали к Александру II той ненависти, которую испытывали к нему некоторые русские террористы-дворяне, как Герман Лопатин, Екатерина Брешковская или Вера Фигнер. Социал-психолог мог бы заметить, что революционеры, вышедшие из народных низов, сохранили в глубине своей души память о том, что всё же Александр II освободил крестьян от рабства, – в то время, как для русских дворян царевбийство было в какой-то мере «традицией» (вспомним судьбу Петра III и Павла I). <Вот и> несколько евреев, принимавших участие в покушении на жизнь Александра II, сочли нужным подчеркивать, что в мировоззрение доминировал социалистический, а не революционный и террористический элемент.

«...»

По-видимому, у многих революционеров-евреев было на первом плане стремление к социальной справедливости, укрепившись в них от сознания, в каких тяжких экономических условиях находилась в России преобладающая часть еврейского населения. Нужно сказать, что даже русская полиция не рассматривала тогда евреев как специфически революционный элемент.

«...»

Я абсолютно не склонен все это изображать как идиллию. Экономическое положение еврейских народных масс при Александре II было ужасно. Но, по-видимому, евреи обладают двумя <исторически – М.У.>, сложившимися характерными особенностями: стремлением к социальной справедливости и чувством благодарности, – или, по меньшей мере, отсутствием слишком острой враждебности к тем властителям, которые проявляют к ним доброту или просто терпимость [АЛДАН (I). С. 49 – 51].

Александр Солженицын в своем анализе состояния «еврейского вопроса» в годы правления Александра II делает упор на доброжелательное в целом отношение русской общественности к вхождению евреев в русскую жизнь:

В 70-х годах началось сотрудничество новых еврейских публицистов – «...» Л. Леванды, критика С. Венгерова, поэта Н. Минского – в общей русской печати (Минский «...» в русско-турецкую войну собирался ехать воевать за братьев-славян). «...» Тем временем центр еврейской интеллигенции переместился из Одессы в Петербург, там выдвигались новые литераторы, адвокаты – как руководители общественного мнения. «...» А рядом с развитием еврейской печати не могла не начать развиваться и еврейская литература – сперва на иврите, потом на идише, потом и на русском, стимулируясь образцами русской литературы. При Александре II «немало было еврейских писателей, которые убеждали своих единоверцев учиться русскому языку и смотреть на Россию, как на свою родину». В условиях 60–70-х годов еврейские просветители, ещё столь немногочисленные и окружённые русской культурой, и не могли двигаться иначе, как – к ассимиляции, «по тому направлению, которое при аналогичных условиях привело интеллигентных евреев Западной Европы к односторонней ассимиляции с господствующим народом», – с той, однако, разницей, что в странах Европы общекультурный уровень коренного народа всегда бывал уже более высок, а в условиях России ассимилиро-

ваться предстояло не с русским народом, которого ещё слабо коснулась культура, и не с российским же правящим классом (по оппозиции, по неприятию) – а только с малочисленной же русской интеллигенцией, зато – вполне уже и секулярной, отринувшей и своего Бога. Так же рвали теперь с еврейской религиозностью и еврейские просветители, «не находя другой связи со своим народом, совершенно уходили от него, духовно считая себя единственно русскими гражданами». Устанавливалось и «житейское сближение между интеллигентными группами русского и еврейского общества». К тому вело и общее оживление, движение, жизнь вне черты оседлости некоторой категории евреев, к тому и развитие железнодорожного сообщения (и поездки за границу), – «всё это способствовало более тесному общению еврейского гетто с окружающим миром». – А в Одессе к 60-м годам и «до одной трети... евреев говорили по-русски». <...> «По сравнению с другими городами черты оседлости в Одессе проживало больше евреев – лиц свободных профессий... у которых сложились хорошие отношения с представителями русского образованного общества и которым покровительствовала высшая администрация города... Особенно покровительствовал евреям... попечитель Одесского учебного округа в 1856–58 <выдающийся хирург и ученый в области прикладной медицины – М. У.> Н. Пирогов». <...>

Итак, вообще «среди просвещённого еврейства стал усиливаться... процесс уподобления всему русскому». «Европейское образование, знание русского языка стали необходимыми жизненными потребностями», «все бросились на изучение русского языка и русской литературы; каждый думал только о том, чтобы скорее породниться и совершенно слиться с окружающей средой», не только усвоить русский язык, но ратовали «за полное обрусение и проникновение “русским духом”, чтобы “еврей ничем, кроме религии, не отличался от прочих граждан”». – Современник эпохи <...> передавал это так: «Все стали сознавать себя гражданами своей родины, все получили новое отечество». – «Представители еврейской интеллигенции считали, что они “обязаны во имя государственных целей отказаться от своих национальных особенностей и... слиться с той нацией, которая доминирует в данном государстве”. Один из еврейских прогрессистов тех лет писал, что “евреев, как нации, не существует”, что они “считают себя русскими Моисеева вероисповедания”... “Евреи сознают, что их спасение состоит в слиянии с русским народом”». <...> В те годы обрусение русских евреев было «весьма желанным» и для российского правительства. Русскими властями «общение с русской молодёжью было признано вернейшим средством перевоспитания еврейского юношества, искоренение в нём “вражды к христианам”».

<...> Однако в описываемое время «к “русской гражданственности” приобщались лишь отдельные небольшие группы еврейского общества, и притом в более крупных торгово-промышленных центрах... И таким образом создавалось преувеличенное представление о победоносном шествии русского языка в глубь еврейской жизни». А «широкая масса оставалась в стороне от новых веяний... она была изолирована не только от русского общества, но и от еврейской интеллигенции». Еврейская народная масса и в 60–70-е годы ещё оставалась вне ассимиляции, и угрожал отрыв от неё еврейской интеллигенции. (В Германии при еврейской ассимиляции такого явления не было, ибо там не было «еврейской народной массы» – все стояли выше по социальной лестнице и не жили в такой исторической скупенности). Да и в самой еврейской интеллигенции уже в конце 60-х годов прозвучали тревожные голоса против такого бы обращения евреев-интеллигентов просто в русских патриотов. Первый об этом заговорил Перец Смоленский в 1868: что ассимиляция с русским обликом носит для евреев «характер народной опасности»; что хотя не надо бояться просвещения, но и не следует порывать со своим историческим прошлым; приобщаясь к общей культуре, надо уметь сохранить свой национальный духовный облик, и «что евреи не религиозная секта, а нация». Если еврейская интеллигенция уйдёт от своего народа – он не вырвется из административного угнетения и духовного оцепенения.

«...» Тем временем, за те же 70-е годы, менялось и отношение к евреям русского общества, в высшем взлёте александровских реформ – самое благожелательное. Немало насторожили русское общество публикации Брафмана <о них подробно речь пойдет ниже – М. У>, принятые весьма серьёзно. «...» ... с «...» 1874 года, <после принятия нового> воинского устава и образовательных льгот от него, – резко усилился приток евреев в общие, средние и высшие учебные заведения. Скачок этот был очень заметен. И теперь мог выглядеть слишком большим. Из Северо-Западного края ещё раньше раздавался «призыв к ограничению приёма евреев в общие учебные заведения». А в 1875 и министерство народного просвещения указало правительству на «невозможность поместить всех евреев, стремящихся в общие учебные заведения, без стеснения христианского населения». Прибавим сюда укоризненное свидетельство Г. Аронсона, что и Менделеев в Петербургском университете «проявлял антисемитизм». Еврейская энциклопедия суммирует всё это как «наступивший в конце 70-х гг. поворот в настроении части русской интеллигенции... отрекшейся от идеалов предыдущего десятилетия, особенно по... еврейскому вопросу». Однако примечательная черта эпохи состояла в том, что настороженное (но никак не враждебное) отношение к проекту полного еврейского равноправия проявляла пресса, разумеется, больше правая, а не круги правительственные. В прессе можно было прочесть: как можно «дать все права гражданства этому... упорно фанатическому племени и допустить его к высшим административным постам! <...> Только образование... и общественный прогресс могу искренне сблизить <евреев> с христианами... Введите их в общую семью цивилизации – и мы первые скажем им слово любви и примирения». «Цивилизация вообще выиграет от этого сближения, которое обещает ей содействие племени умного и энергичного... еврей... придут к убеждению» что пора сбросить иго нетерпимости, к которой привели слишком строгие толкования талмудистов». Или: «Пока образование не приведёт евреев к мысли, что надо жить не только на счёт русского общества, но и для пользы этого общества, до тех пор не может быть и речи о большей равноправности, чем та, которая существует». Или: «если и возможно дарование евреям гражданских прав, то во всяком случае их никак нельзя допускать к таким должностям, “где власти их подчиняется быт христиан, где они могут иметь влияние на администрацию и законодательство христианской страны”»⁶⁸.

<Итак,> в России обстановка шла <к предоставлением евреям политических и гражданских прав>. С 1880 наступила и «диктатура сердца» Лорис-Меликова – и велики и основательны стали надежды российского еврейства на несомненное, вот уже близкое получение равноправия, канун его. И в этот-то момент – народовольцы убили Александра II, перешибив в России много либеральных процессов, в том числе и движение к полному уравниванию евреев [СОЛЖЕНИЦЫН. С. 172–178, 183].

А вот видение ситуации в области положения евреев в «эпоху великих реформ», в представлении современного израильского историка:

В начальные годы правления Александра II газеты и журналы проявили небывалый интерес к еврейской проблеме, заговорили о той пользе, которую могло бы получить государство от равноправных евреев. Одним из первых опубликовал восторженную статью в «Одесском вестнике» хирург Н. Пирогов, сравнив успехи учеников еврейской религиозной школы Талмуд-Тора с печальным положением дел в христианских приходских училищах. «...» Пирогов не побоялся поставить в пример русскому обществу традиционное стремление евреев к грамоте. «Еврей считает своей священнейшей обязанностью научить грамоте своего сына, едва он начинает лепетать. У него нет ни споров, ни журнальной полемики о том, нужна ли его народу грамотность. В его мыслях тот, кто отвергает грамотность, отвергает и закон... И эта

⁶⁸ Куда более резкие, прямые, без каких-либо фигур умолчания антисемитские высказывания и призывы правоконсервативных публицистов И. Аксакова, Ф. Достоевского и др., тенденциозно исключенные из круга примеров Солженицыным, см. в этой главе ниже.

тождественность, в глазах моих, есть самая высокая сторона еврея». Обращаясь к русскому обществу, Пирогов провозглашал: «Накормите, оденьте, обуйте бедных приходских школьников. Пошлите ваших жен посмотреть за раздачей пищи и ее качеством, хлопчите о выборе и достаточном содержании педагога... и ваша приходская школа также переродится, как еврейская Талмуд-Тора». На статью Пирогова откликнулись журналисты и, в свою очередь, расширили эту тему. «Воображение не в силах представить никаких ужасов, никаких жестокостей, никаких казней, – писали в «Русском вестнике». – Все они в свое время перепробованы на этом отверженном племени... Нападать на евреев прошла пора, и прошла навеки...» А в газете «Русский инвалид» выразились совсем уж однозначно: «Не позабудем врожденной способности евреев к наукам, искусствам и знаниям, и, дав им место среди нас, воспользуемся их энергиею, находчивостью, изворотливостью, как новым средством, чтобы удовлетворить ежедневно разрастающимся нуждам общества!» В 1858 году редактор петербургского журнала «Иллюстрация» напечатал статью с грубыми антисемитскими выпадами. Ему ответили в газетах врачи-евреи М. Горвиц и И. Чацкий, и тогда редактор «Иллюстрации» заявил в своем журнале, что «некто ребе Чацкий и ребе Горвиц» подкуплены еврейским «золотом». <...> за оскорбленных заступилась российская интеллигенция. Более 150 человек опубликовали протест, среди подписавших его – писатели И. Тургенев, Н. Чернышевский, Т. Шевченко, П. Мельников-Печерский, И. Аксаков, историки С. Соловьев и Н. Костомаров, актер М. Щепкин. «В лице г.г. Горвица и Чацкого, – писали они, – оскорблено всё общество, вся русская литература».

<...> <Вскоре, однако,> многие интеллигенты, готовые прежде посочувствовать «отверженному племени» обнаружили детей и юношей этого «племени» в гимназиях и университетах, еврейских банкиров, купцов и промышленников во главе банков и крупнейших компаний, еврейских инженеров – на строительстве железных дорог, еврейских журналистов – в русских газетах, адвокатов – в судах, врачей – в больницах, а представительниц прекрасного пола этого «отверженного племени», в роскошных нарядах из Парижа, на балах и в ложах театров. Уже восхищались скульптурами Марка Антокольского, аплодировали на концертах скрипачу Генриху Венявскому и виолончелисту Карлу Давыдову, посылали детей в столичные консерватории, которые основали Антон и Николай Рубинштейны, с почтением говорили о скрипичной школе профессора Петербургской консерватории Леопольда Ауэра, откуда выходили прославившиеся на весь мир музыканты. Внедрение «евреев» в русское общество продолжалось. «Все стали сознавать себя гражданами своей родины, все получили новое отечество, – писал еврейский юноша с преувеличением, естественным для восторженного состояния. – Каждый молодой человек был преисполнен самых светлых надежд и подготовлялся самоотверженно служить той родине, которая так матерински протянула руки своим пасынкам. Все набросились на изучение русского языка и русской литературы; каждый думал только о том, чтобы поскорее породниться и совершенно слиться с окружающей средой...» В этом стремлении к скорейшему «слиянию» не очень заботились о национальном самосохранении; самые прыткие, как обычно, уже забегали вперед, предлагая брать русских кормилиц для грудных детей, чтобы «еврейские семейства теснее примкнули к русскому элементу». Еврей-ассимиляторы заговорили о том, что «евреев, как нации, не существует», и они давно «считают себя русскими Моисеева вероисповедания». «Правительство стремится к тому, чтобы, не нарушая нашей веры, облагородить и обрусить нас, то есть сделать нас истинно счастливыми гражданами, – уверяли очередные оптимисты. – Через самое малое время религиозная вражда потеряет свое жало, водворится исподволь мир, братство и любовь». В еврейской газете «День» писали о необходимости «проникнуться русским национальным духом и русскими формами жизни» а поэт Йегуда Лейб Гордон выдвинул популярный по тем временам призыв: «Будь евреем у себя дома и человеком на улице». Интересное дело: многие десятилетия до этого призывы к слиянию раздавались со стороны русского общества, и теперь ему следовало бы раскрыть объятья дол-

гожданым пришельцам. Но «слияния» не получалось. Велико было расстояние между русским дворянином и местечковым евреем, и вдруг этот чужак объявился поблизости – удачливый выскочка, который благодаря богатству и способностям попал в закрытое для него прежде общество, вызывая там раздражение. Менялся со временем его облик, менялись манеры, но проглядывал порой всё тот же местечковый еврей, которого выдавало плохое знание русского языка. Эту характерную особенность <сразу же> отметили русские писатели. У И. Лажечникова: «О вей, о вей! Не знаю, как и помощь».

У М. Салтыкова-Щедрина еврей-откупщик провозглашает с энтузиазмом при виде новобранцев: «По царке (по царке)! По две царки на каздобого ратника зертвую! За веру!» У Н. Некрасова хор евреев-финансистов поёт: «Денежки – добрый товар. Вы поселяйтесь на жительство, Где не достанет правительство, И поживайте, как царrrr!» Объявившись во внутренних губерниях, еврейские купцы, банкиры и промышленники усиливали конкуренцию в торговле, фабричном производстве и банковском деле, а евреи-интеллигенты, выпускники университетов, успешно конкурировали с христианами в сфере свободных профессий. Выяснилось вдруг, что мост между народами нельзя строить с одной только стороны. В этом деле нужны два партнера, один из которых желал бы раствориться без остатка в другом народе, отбросив с облегчением национальные отличия, а другой, как минимум, не возражал бы против того, чтобы в его народе кто-то растворялся, и не отпихивал от себя нежелательных пришельцев. Конечно, каждый отдельный еврей мог в душе считать себя русским по воспитанию и культуре, благополучно прожить жизнь с таким комфортным ощущением, но в какой-то момент количество этих пришельцев превысило некую критическую величину, и общество стало реагировать на неожиданное вторжение «восторжествовавших жидов и жидишек». «Москва провоняла чесноком, – писали в русской газете в 1873 году. – Поезд привозит новые и новые толпы жалких, оборванных, грязных и вонючих еврейских женщин, детей и их не менее оборванных отцов и братьев. Неужели все они ремесленники или имеют высшее образование, что находятся в Москве?..»

Сбывалось остережение еврейского писателя И.Л. Переца: «Давно пришла пора и пробил час, и надо выйти на улицу, – вот только люди на этой улице отнюдь не ждут нас». Куда девался прежний гуманизм либерального общества? Что стало с терпимостью и сочувствием к «отверженному племени»? Снова заговорили в печати о походе против евреев, снова обвинили Талмуд, призвав «к уничтожению и искоренению еврейских обрядов», после чего можно будет «отменить для евреев всякие ограничения». <...> Казалось, возвращаются старые времена с их нетерпимостью и насильственными мерами воздействия, но в России уже появилась еврейская интеллигенция, воспитанная на идеалах русской культуры, и ее представителей ранили высказывания тогдашних властителей дум, перед которыми они прежде преклонялись. Славянофил И. Аксаков, пользовавшийся огромным влиянием в русском обществе, писал в газете, что «не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев». Особенно <усердствовал на стезе юдофобии> Ф. Достоевский, один из крупнейших писателей того времени. <...> его высказывания о пагубной роли евреев производили тяжелое впечатление на еврейскую интеллигенцию, которая шла на сближение с русским народом. <Достоевский>, заявляя: «Я вовсе не враг евреев, и никогда им не был», <одновременно провозглашал, что он> «за полнейшее равенство прав (евреев) с коренным населением», но лишь после того, как «еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению» (подробнее о позиции Ф.М. Достоевского в «еврейском вопросе» см. ниже – М.У.).

<...> Во время войны с Турцией возросли славянофильские настроения в обществе, ухудшилось отношение к евреям. Не успела закончиться та война, еврейские солдаты не излечились еще от полученных ран, как в городе Калише Царства Польского произошел еврейский погром. Толпа громила синагогу, лавки и дома евреев, а петербургская газета «Новое время»

сообщила об этом в игровой форме: «Полудетикатолики преисправно кровянили морды жидят и жидовок». Эта газета выделялась юдофобскими выступлениями, публиковала любой слух, порочащий евреев, перепечатывала любую клевету из любого источника. В 1880 году редактор «Нового времени» А. Суворин опубликовал статью «Жид идет!» – это заглавие стало лозунгом времени, определив антиеврейскую политику на несколько десятилетий вперед [КАНДЕЛЬ. 4].

Движение «Хаскала» в Западной Европе берет свое начало после Великой французской революции, которая в числе прочих своих либерально-демократических актов в 1891 г. утвердила юридическое равенство евреев перед Законом. Это означало получение ими полноправного гражданства без каких-либо предварительных условий.

Эмансипация несла в себе аккультурацию евреев, что предполагало принятие ими частично или, желательно, целиком культуры народа, среди которого они проживают, при сохранении своей религиозной идентичности. Если неэмансипированные евреи были отдельным народом с собственной культурой и религией, имели собственные общины, школы и профессии, иначе одевались, писали и говорили, то аккультурация превращала их в немцев, французов, датчан... «моисеева закона». Иудаизм же в этих странах становился третьей равноправной государственной религией наравне с христианскими конфессиями – католицизмом и протестантизмом.

В XIX в. для характеристики процессов эмансипации тех или иных народов широко употреблялся термин «ассимиляция», который подразумевает гораздо более радикальное их приспособление, чем аккультурация, граничащее с поглощением в среде титульного народа того или иного государства. В этом случае евреям со стороны европейских элит предлагалось (по умолчанию) полностью отказаться от своей национальной идентичности, чтобы в культурном отношении они стали немцами, французами и т. д. Некоторые сторонники ассимиляции предполагали, что эмансипированное еврейское сообщество примет, в конце концов, христианство и благодаря смешанным бракам в итоге исчезнет. К ассимиляции евреев призывали и социалисты, которые вслед за своим учителем Карлом Марксом полагали еврейство химерической национальностью. В статье «К еврейскому вопросу» Маркс пишет, что «деньги – это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога». Для Маркса мирской культ еврея – торгашество; в еврейской религии содержится презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели. <...> Отождествление еврейства с буржуазным началом, общепринятое среди французских социалистов и немецких младегегельянцев, приводит Маркса к парадоксальному выводу, что «эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства», то есть эмансипация предполагает полный отказ евреев от своего духовного наследия, исчезновение «еврейских начал» из жизни и культуры человечества [ЭЭ/аrticle/12641].

Важным фактором эмансипации европейского еврейства явилось и то, что включившиеся в движение Хаскала евреи были не только потребителями европейской культуры, но и сами стремились участвовать в актуальном процессе ее развития. Вскоре наиболее талантливые деятели культуры, вышедшие из еврейской среды, стали играть заметную роль в искусстве, науке и литературе. Во второй трети XIX века в культурной и общественной жизни Парижа, Вены, Берлина и Праги самое активное участие принимали аккультурированные еврейские элиты⁶⁹.

Широкое участие эмансипированных евреев в экономической, научной и культурной жизни западноевропейских стран поощрялось их правящими кругами, но, одновременно,

⁶⁹ Например, в Австро-Венгрии – второй по численности еврейского населения европейской стране, начала XX в. наиболее знаменитыми, вошедшими впоследствии в число классиков мировой литературы, были в основном писатели еврейского происхождения: Петер Адельберг, Артур Шницлер, Франц Кафка, Хуго фон Гофманисталь, Стефан Цвейг.

встречало резкое недовольство всех консервативных слоев населения. Выразителями антиеврейских настроений на политической сцене выступали всякого рода националисты и христианские догматики. В семидесятых годах XIX в. в только что объединенной Бисмарком в империю Германии (Второй Рейх) развернулась жаркая полемика по «еврейскому вопросу»⁷⁰. Именно в это время для характеристики отношения христиан к евреям-иудаистам стали использоваться такие понятия, как антисемитизм и его антоним – филосемитизм. Оба эти понятия появились практически одновременно. Немецкий журналист Вильгельм Марр – политический анархист и страстный борец против еврейского засилья, впервые употребил термин «антисемитизм» взамен аналогичных ему понятий «антииудаизм» и «юдофобия» в своем памфлете «Путь к победе германства над еврейством» («Der Weg zum Sieg des Germanentums über das Judentum», 1880 г.)⁷¹. Этот термин, несмотря на его псевдонаучность – семитами Марр считал лишь «расовых» евреев (sic!) – прочно вошел в международную политико-публицистическую лексику. Ситуация в Австро-Венгерской и Германской империи, где евреи, хотя и были практически уравнены в правах с христианами и официально считались «немцами Моисеева закона»⁷², была далека от оптимистической картины религиозно-национальной терпимости. Напротив, в антисемитизме не видели ничего зазорного. Политические партии, газеты, профсоюзы с гордостью называли себя антисемитскими, поднимали антисемитизм как флаг, даже если их основная программа и цели были куда шире еврейского вопроса.

Антисемитизм вместе с национализмом, антикапитализмом и христианской религиозностью⁷³ стал частью национальной самоидентификации консервативных движений, напуганных ростом капитализма [KARP-SUTCLIFFE].

В Российской империи 1860-х – 1870-х гг.:

Либерализация законодательства о занятости предоставляла евреям возможность вырваться за черту <оседлости>, используя профессиональный фактор. Однако для всего этого требовался определенный уровень образования. После выхода закона о предоставлении права повсеместного жительства в империи лицам с высшим образованием евреи в массовом порядке стали поступать в общеобразовательные гимназии, а затем в ВУЗы. То, что не могли сделать никакие репрессии и специальные образовательные программы для евреев, сделало естественное развитие капитализма и либерализация законодательства в части права жительства для лиц с высшим образованием. Если в 1865 г. еврейские гимназисты составляли 3,3 % всех учащихся, то в 1880 г. – 12 %. Если в 1865 г. во всех российских университетах обучалось 129 евреев (3,2 % всех студентов), то в 1881 г. – 783 (8,8 %). Такой бурный рост <образовательного уровня евреев> встретил сопротивление как со стороны министерства народного образования и местных попечителей учебных округов, так и со стороны руководства еврейских общин. Первые, кроме обычного антисемитизма опасались распространения среди еврейской молодежи революционных веяний и утверждали, что еврейские студенты и учащиеся не поддаются влиянию педагогов. Вторые испытывали влияние проблемы отцов и детей, поскольку образованные дети уезжали за пределы черты и не стремились жить традиционной еврейской жизнью. Более того, многие из них действительно оказались под влиянием модных тогда либеральных и даже революционных течений. Часть вступила в революционные организации «Народная воля», «Земля и воля», «Черный передел» и пр. и уходила в «народ», искренне полагая, что просвещение крестьян и подъем их на освободительную борьбу спасет Отчизну. Эти люди формально не

⁷⁰ Германия, начиная с эпохи просвещения, в лице своих больших и малых мыслителей стала цитаделью теоретического антисемитизма, как правого, так и левого толка, см. [ЛОЗИНСКИЙ].

⁷¹ 26 сентября 1879 года Вильгельм Марр основал в Берлине первое европейское антисемитское политическое объединение – «Лигу антисемитов», которая просуществовала до конца 1880 г.

⁷² При образовании новой германской империи евреи, за исключением одной лишь Баварии, везде пользовались всеми политическими и гражданскими правами [ЛОЗИНСКИЙ].

⁷³ При этом между католиками и протестантами продолжалась ожесточенная грызня.

порывали с иудаизмом, но фактически не соблюдали никаких религиозных обрядов, де-факто порвав со своими общинами. <...> Развитие капитализма и перемены в хозяйственном укладе еврейского местечка требовали от евреев большей мобильности, выхода из гетто, экономической интеграции в российское общество. Новые экономические условия предоставляли для этого большие возможности [ЭНГЕЛЬ], – и инициативные и хорошо мотивированные представители российского еврейства не преминули ими воспользоваться, что, естественно, не осталось незамеченным в бурлящем от крутых нововведений русском обществе.

По-настоящему «еврейский вопрос» начинает занимать русскую интеллигенцию начиная с 1860-х годов. В этот период еврейское население центральной России, особенно обеих столиц, стремительно растет, увеличивается число ассимилированных евреев, еврейские интеллектуалы и представители еврейского капитала начинают занимать видное место в русском обществе. На первый план выходит вопрос о еврейской идентичности и возможности отказа от нее путем интеграции еврея в нееврейскую культуру [МУЧНИК].

Однако для либералов и демократов «шестидесятников» – основных двигателей реформ в эпоху Александра II, – «еврейский вопрос» никогда не стоял как актуальный на политической повестке дня. Не представлял он интереса и для радикально настроенных публицистов: Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Некрасова и др. Из всей славной когорты «пламенных революционеров» к нему был исключительно чуток лишь Михаил Бакунин. Однако он большую часть жизни провел на Западе, где и проявлял бурную политическую активность, выказывая при этом себя как оголтелый антисемит. Его перу принадлежит, например, «Полемика против евреев» («*Polemique contre les Juifs*», 1869) – статья, направленная против «разрушительной», с его точки зрения, деятельности евреев внутри Интернационала. В своей склоке с Карлом Марксом, которого он иначе как «жидом» не называл, Бакунин использовал весь арсенал стандартной антисемитской апологетики. Ниже приводится одна из бакунинских характеристик К. Маркса.

Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу жидков, более или менее интеллигентных, интригующих, подвижных и спекулянтов, как все евреи, повсюду, торговых или банковских агентов, беллетристов, политиканов, газетных корреспондентов всех направлений и оттенков, – одним словом литературных маклеров и, вместе с тем, биржевых маклеров, стоящих одной ногой в банковском мире, другой – в социалистическом движении <...> – они захватили в свои руки все газеты <...>. Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплуататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно организованного не только поверх всех государственных границ, но и поверх всех различий в политических учреждениях, – этот еврейский мир ныне большей частью служит, с одной стороны, Марксу, с другой – Ротшильду» (Из в рукописи «Мои отношения с Марксом») [ШАФАРЕВИЧ. С. 16].

Подводя итог теме «Хаскала и начало еврейской эмансипации в Российской империи», отметим, что появление евреев в российской экономической и культурной жизни было воспринято широкими слоями русской общественности настороженно, а зачастую даже враждебно, что, однако, отнюдь не являлось проявлением антисемитизма типичным только для русского общества. Те же самые процессы имели место и в западноевропейских странах. Эмансипация и аккультурация евреев и связанные с ними процессы их активного проникновения в экономическую жизнь стран их проживания повсеместно знаменовались резким всплеском общественных антисемитских настроений. В Российской империи проживала наибольшая часть европейских евреев, а потому, естественно, антиеврейские выступления, не отличаясь особо по форме выражения от западноевропейских, имели свои специфические особенности. Боль-

шую роль в росте антиеврейских настроений играли также такие, сугубо российский особенности общественно-политической атмосферы того времени, как недовольство крестьянских масс половинчатостью и непоследовательностью правительства в проведении реформ, жесткая оппозиция им со стороны помещичьего дворянства и революционная деятельность народников⁷⁴, намеревавшихся свергнуть царизм. По мнению историков-марксистов, долгие годы уделявших значительное внимание изучению политической ситуации «эпохи великих реформ»⁷⁵:

На рубеже 70–80-х годов XIX в. в России сложилась вторая революционная ситуация, все признаки которой были налицо. Реформы 60–70-х годов не разрешили противоречий между ростом производительных сил общества и сдерживающими их производственными отношениями. Крестьянская реформа не смогла решить проблемы в сельском хозяйстве страны. Помещичье землевладение оставалось главным тормозом в его развитии. В деревне росло малоземелье, увеличивались недоимки и нищета. Заметно возросла арендная плата за землю. Тяжело сказались на состоянии крестьянских хозяйств неурожаи 1879–1880 гг. В конце 70-х годов наблюдается новый подъем крестьянского движения в стране, которое хотя и не достигло уровня конца 50 – начала 60-х годов, но по накалу борьбы заметно превысило предшествующие годы [ФРОЯНОВ].

В атмосфере широкого общественного недовольства обострились и национальные проблемы. Реформы Александра II преобразовали жизнь всех народов Российской империи, открыли перед ними новые возможности в строительстве общероссийского национального Дома на основе русской культуры. Однако, ни у кого из населявших ее более чем 170-ти языцев, кроме евреев (sic!), они не вызвали желания приобщиться к великой русской культуре в ущерб своей собственной. Для понимания всей специфики русско-еврейских отношений того времени этот исторический факт, как нам представляется, заслуживает особого внимания. Он во многом объясняет реакцию неприятия всех форм обрусения и аккультурирования евреев со стороны многих русских интеллектуалов. На еврейском вопросе как отягчающем факторе русской жизни, так или иначе, заострялись основные идейные дискурсы того времени. Антиеврейские настроения выказывали не только правые, т. е. консерваторы-охранители всех мастей, но и представители передовой, демократически настроенной русской интеллигенции, т. н. «шестидесятники». Евреи попадали под удар с двух сторон. Хотя истинными эксплуататорами крестьянского населения аграрно-феодальной России в первую очередь являлись дворяне-помещики, консерваторы-охранители, стоявшие на страже их интересов, все беды валили на «евреев-эксплуататоров», которые якобы «завладели экономическим господством». Эта тенденция просматривается и у А. Солженицына в книге «200 лет вместе»: приводя подборку свидетельств еврейского засилья в экономике Юго-Западного края [СОЛЖЕНИЦЫН. С. 195–202], автор предпочитает не упоминать об огромной материальной выгоде, которую получали помещики, давая возможность еврейским предпринимателям выжимать все соки из крестьян. Евреи не только делали «доходными» помещичьи угодья, но и служили громоотводом для народного гнева. Игнорирует Солженицын и еврейских мастеровых, коих во многие разы было больше «евреев-эксплуататоров». Вот что пишет о такого рода евреях Николай Лесков:

⁷⁴ Общественно-политическая активность народников была наиболее организованной и радикальной формой выступления против существующего государственного строя – вплоть до терроризма в государственных масштабах, из всех оппозиционных движений в российской империи 70-х – 80-х гг. XIX в.

⁷⁵ См.: *Ленин В. И.* Гонимые земства и Аннибалы либерализма. Полное собрание соч., 5 изд. Т. 5 М.: Из-во полит. литературы, 1967; *Готье Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. 1938. № 2; *Хейфец М. И.* Вторая революционная ситуация в России (Конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.). М.: Из-во МГУ, 1963; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Из-во МГУ, 1964; *Петров Ф. А.* Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х годов XIX в. // Вопросы истории. 1974. № 9; *Левин Н. М.* Очерки по истории русской общественной мысли: вторая половина XIX – начало XX века. Л.: Наука, 1974.

Когда в сороковых годах по указу императора Николая были отобраны крестьяне у однодворцев, помещные дворяне увидели, что и их крепостному праву пришел последний час и что их рабовладельчество теперь тоже есть только уж вопрос времени. Увидав это, они перестали заводить у себя на дворе своих портных, своих сапожников, шорников и т. п. Крепостные ремесленники стали в подборе, и в мастеровых скоро ощутился большой недостаток. Единственным ученым мастеровым в селах стал только грубый кузнец, который едва умел сварить сломанный лемех у мужичьей сохи или наклепать порхлицу на мельничный жернов! Но и то как это делалось! Наверно не многим лучше, якоже бысть во дни Ноевы... Даже чтобы подковать порядочную лошадь, не испортить ей копыт и раковины, приходилось искать мастера за целые десятки верст.

Во всем остальном, начиная от потерянного ключа и остановившихся часов до необходимости починить обувь и носильное платье, за всем надо было относиться в губернский город, отстоящий иногда на сотни верст от деревни, где жил помещик. Все это стало делать жизнь дворян, особенно не великопоместных, крайне неудобною, и слухменные евреи не упустили об этом прослышать, а как прослышали, так сейчас же и сообразили, что в этом есть для них благоприятного. Они немедленно появились в великорусских помещичьих деревнях с предложением своих услуг. Шло это таким образом: еврей-галантерейщик, торговавший «в развоз» с двух или трех повозок, узнав, что в России сельским господам нужны мастера, повел с собою в качестве приказчиков евреев портных, часовщиков и слесарей. Один торговал, – другие работали «починки». Круглый год они совершали правильное течение «по знакомым господам» в губерниях Воронежской, Курской, Орловской, Тульской и Калужской, а «знакомые господа» их не только укрывали, но они им были рады и часто их нетерпеливо к себе ждали. Всякая поломка и починка откладывалась в небогатом помещичьем доме до прихода знакомого Берки или Шмультки, который аккуратно являлся в свое время, раскидывал где-нибудь в указанном ему уголке или чулане свою портативную мастерскую и начинал мастерить. Брался он решительно за все, что хоть как-нибудь подходило под его занятия. Он чинил и тяжелый замок у амбара, с невероятною силою неуклюжего ключника, поправлял и легкий дамский веер, он выводил каким-то своим, особенно секретным, мылом пятна из жилетов и сюртуков жирно обедавшего барина и артистически штопал тонкую ткань протершейся наследственной французской или турецкой шали. Словом, приход евреев к великорусскому помещику средней руки был весьма желанным домашним событием, после которого все порасстроившееся в домашнем хозяйстве и туалете приводилось руками мастерового-еврея в порядок. Еврея отсюда не только не гнали, а удерживали, и он едва успевал окончить работу в одном месте, как его уже нетерпеливо тащили в другое и потом в третье, где он тоже был нужен. Притом все хвалились, что цены задельной платы у евреев были гораздо ниже цен русских мастеров, живших далеко в губернских городах.

Это, разумеется, располагало великорусских помещиков к переходим евреям, а те с своей стороны ценили русский привет и хлебосольство. Путешествовавшим евреям давали угол, хлеба, молока, овощей, гарнец овса для их кляч и плоску или свечку, при свете которых еврей-мастера производили свой энциклопедические занятия, чуть не во всех родах искусства [ЛЕСКОВ-ЕвР].

Революционеры-народники – как члены «Народной Воли», так и «Чёрного Передела», стремящиеся к низвержению царизма и уничтожению помещичьего землевладения, тоже видели в экономической активности русских евреев только эксплуататорскую составляющую, и в своем стремлении к революции были готовы поднять народное движение на какой угодно почве, в том числе и антисемитской [СОЛЖЕНИЦЫН. С. 194–195].

Именно в эти годы и русские купцы:

И русские баре, и русские мужики стали одинаково повторять на все лады слова Достоевского: «Жида погубят Россию» [ШУЛЬГИН. С. 2].

Что касается «шестидесятников» из числа либеральных демократов и умеренных народников социалистической ориентации, то они, выступая в теории за политическое равноправие всех и вся, в реальности столкнулись с необходимостью преодолевать в этом вопросе свои собственные глубоко укорененные в подсознании антисемитские предрассудки.

Двойственность, продемонстрированная многими представителями русской интеллигенции в еврейском вопросе, показала, что её гражданская позиция пришла в противоречие как с глубоко укоренившимися этническими и религиозными предрассудками, так и с неоднозначно воспринимаемым опытом близкого контакта с представителями другой культуры.

«...» Русское общество середины XIX в. ещё не было знакомо с типом интеллигентного и образованного еврея. Напротив, не без влияния литературы и государственной идеологии, сложился образ еврея как безнравственного человека с приземлёнными интересами, опасного общественного паразита, неспособного ни к какому творчеству. «...» писательская среда, как и всё русское общество, была заражена антисемитскими предрассудками, и из под пера многих крупных русских писателей (И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова и др.) появлялось немало негативных образов евреев, представляемых врагами всего, что было дорого русскому человеку, носителями наиболее омерзительных христианину качеств. Образы эти показывали полное незнание быта и нравов обитателей еврейских местечек. «...» Очевидно, что для русских писателей «еврейский вопрос» превращался в своеобразный тест на либеральность, толерантность и веротерпимость, но, прежде чем нести эти ценности в общество, нужно было вырастить их в себе. И здесь скрывалось много подводных камней, т. к. многие понимали толерантность как необходимость вырастить в себе любовь к защищаемому ими народу, притом, что об этом народе знали мало.«...»

С этой проблемой сталкивались и другие «властители дум» [ЗЕМЦОВА].

В среде «шестидесятников» сложились особого рода мировоззренческие установки, получившие название «нигилизм»⁷⁶.

В России термин «нигилизм» впервые употреблен Н.И. Надеждиным в опубликованной в 1829 в «Вестнике Европы» статье «Сонмище нигилистов». Несколько позже, в 30–40-х гг. 19 в., его использовали Н.А. Полевой, С.П. Шевырев, В.Г. Белинский, М.Н. Катков и ряд других русских писателей и публицистов, при этом употребляя термин в различных контекстах. С ним были связаны как положительные, так и отрицательные моральные коннотации. М.А. Бакунин, С.М. Степняк-Кравчинский, П.А. Кропоткин, напр., вкладывали в термин «нигилизм» положительный смысл, не видя в нем ничего дурного. Ситуация изменилась во 2-й пол. 19 в., когда термин «нигилизм» приобрел качественно новый и вполне определенный смысл. Нигилистами стали именовать представителей радикального направления разночинцев-шестидесятников, выступавших с проповедью революционного мировоззрения, отрицавших социальные (неравенство сословий и крепостничество), религиозные (православно-христианская традиция), культурные («официальное мещанство») и иные официальные устои общества до- и пореформенной России, общепринятые каноны эстетики и проповедовавших вульгарный материализм и атеизм. Отличительной особенностью российского нигилизма ста-

⁷⁶ Нигилизм (от лат. nihil – ничто) – в широком смысле – умонастроение, связанное с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры. Термин «нигилизм» встречается в европейской теологической литературе уже во времена средневековья. В 12 в. одна из церковных ересей, выступавших с позиций отрицания догмата о божественности природы Христа, получила название ереси «нигилизма». В 18 в. понятие «нигилизм» как аналог отрицания общепринятых норм и ценностей закрепляется в европейских языках. В западной философии термин «нигилизм» во 2-й пол. 19 в. получил широкое распространение благодаря концептуальным построениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и ряда др. мыслителей и философов.

новится попытка в области осмысления социальных феноменов опереться на естественнонаучную теорию дарвинизма и экстраполировать ее методологию на процессы эволюции социума (человек есть животное; борьба за существование – основной закон органического мира; ценно и важно торжество вида, индивид же есть величина, не заслуживающая внимания). Рупором подобным образом понимаемого нигилизма в России нач. 60-х гг. 19 в. становится журнал «Русское слово», ведущую роль в котором играл Д.И. Писарев. При этом, правда, сам Писарев игнорировал термин «нигилизм» и предпочитал именовать себя и своих единомышленников «реалистами». Повсеместное распространение подобное толкование термина «нигилизм» получило с выходом в свет в 1862 романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», главный герой которого «нигилист» студент Базаров отстаивал мысль о том, что «в теперешнее время полезнее всего отрицание», и выступал с разрушительной критикой социального устройства, общественной морали, образа жизни господствующих слоев российского общества [«Нигилизм» НФЭ].

В романе «Отцы и дети» (Гл. 5) также предлагается четкое определение данного типа личности:

Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип⁷⁷.

Отличительными чертами русского нигилизма, представителями которого в большинстве своем были разночинцы, являлись вера в будущее народа и одновременно критика его темноты и невежества, стремление к общественной активности с целью переделать жизнь.

Впоследствии русская литература дала целую галерею образов нигилистов от Рахметова и Лопухова в произведениях Чернышевского (где образы нигилистов-революционеров были выписаны с большой симпатией) до явных антигероев в романах Достоевского, Писемского, Лескова и др. Во 2-й пол. 19 в. термин «нигилизм» активно использовался правоконсервативной публицистикой для характеристики представителей революционного народничества 1860-70-х гг. и русского освободительного движения в целом [«Нигилизм» НФЭ].

Поскольку одной из важнейших составляющих унаследования нигилистов-«шестидесятников» являлся атеистический материализм, христианский антисемитизм – важнейшая составляющая идеологической и бытовой юдофобии, естественным образом исключался из контекста их отношений к евреям и «еврейскому вопросу» в России в целом. Однако неприязнь к евреям в их представлениях оставалась достаточно выраженной – как к чужеродцам-эксплуататорам, и «кагалу»⁷⁸ – представителям этнической общины («талмудически-муниципальной республики»), существующей по своим малопонятным законам и отчужденной от основной массы российского социума. На этой почве в постановке «еврейского вопроса» для всех шестидесятников» заметны метания между нетерпимостью и толерантностью.

⁷⁷ Тургенев писал о Базарове: «Я хотел сделать из него лицо трагическое – тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей [...] и если он называется нигилистом, то надо читать: революционером» (Письмо И. С. Тургенев – К. К. Случевскому, 14(26) апреля 1862 г. (Париж): letter-51.htm

⁷⁸ Кагал (ивр. – «собрание народа, сход») – орган общинного самоуправления, стоявший во главе отдельной еврейской общины в диаспоре и являвшийся посредником между ней и государством, в широком смысле слова община, в узком – административная форма самоуправления общиной у евреев Восточной Европы в XVI–XIX вв. В Российской империи с 1844 г. кагалы повсеместно упразднены, с передачей их дел городским общественным и сословным установлениям. Исключение составляли Рига и города Курляндской губернии, где кагалы просуществовали до 1893 г. Русские публицисты-антисемиты в своих работах утверждали, что кагалы продолжают существовать, представляя собой государство в государстве, отчужденное от всего нееврейского и корпоративно эксплуатирующее христианское население, см. также «Кагалы у истоков традиции» в [РЕБЕЛЬ].

Одним из примеров такого рода мировоззренческой антиномии является писатель Николай Лесков. На личности Лескова и его отношениях с Антоном Чеховым мы подробно остановимся в следующей главе.

Либерализации тогдашнего общества в плане появлению возможности вести открытые дискуссии на самые разные социально-политические темы способствовало принятие в 1865 г. нового закона о печати, упразднившего цензуру, свирепствовавшую при Николае I. По новому закону:

Цензурировались лишь брошюры и небольшие по объему произведения. Книги оригинальные объемом свыше 160 страниц и переводные объемом свыше 320 страниц цензуре не подвергались. Издатели отвечали перед судом за издание противозаконных текстов. Газеты и журналы, получившие лицензию, издавались также без цензуры. В случае нарушений пунктов закона делались предупреждения. После третьего предупреждения издание закрывалось. По сравнению с <предыдущей и последующими> эпох<ами> или советским режимом состояние печатного дела в России переживало эру невиданного либерализма [ЭНГЕЛЬ].

В атмосфере невиданной доселе на Святой Руси свободы слова на страницах русской печати развернулась жаркая идеологическая полемика. Консерваторам, выступавшим против реформ и боровшимся за сохранение традиционных устоев русской жизни, противостояло мощное либерально-демократическое направление реформистов-западников. Наиболее радикальные из них – так называемые революционные демократы, были убеждены, что народ освобождает не царская милость, не правительственная реформа, а только победа революции. В своих легальных произведениях они проводили идеи крестьянской революции, а в подпольных бесцензурных изданиях прямо звали крестьянскую Русь к топору. Все участники российского общественно-политического дискурса признавали исключительную роль литературы в формировании их взглядов. Этим во многом объясняется художественно-публицистическая деятельности братьев Аксаковых, Чернышевского, Достоевского, кн. Мещерского, Лескова и др.

Консервативно-охранительское направление русской мысли того времени, как, впрочем и в последующее столетие – вплоть до наших дней, базировалось на славянофильских идеях и концепция, оформившихся в 30-х–40-х годах XIX в.

...славянофильство достаточно сложно анализировать как целостную доктрину: в нем не было жесткого «идеологического» диктата, взгляды участников данного направления зачастую расходились, наблюдаются, разумеется, также существенные изменения не только акцентов концепции, но ключевых положений во времени, ведь история славянофильского движения насчитывает около пятидесяти лет – с конца 1830-х до середины 1880-х гг., когда последние представители «классического» славянофильства сходят в могилу. <...> Русское славянофильство выступает локальным вариантом общеевропейского романтизма, пустившегося в отыскание наций, в реконструкцию их прошлого в свете своего понимания настоящего и чаемого будущего. Необходимо отметить, что мысль романтиков далека от той формы национализма, оформившегося существенно позже, во 2-й пол. XIX в., для которого данная нация замыкает горизонт мышления и снимает проблему универсального – ведь национализм, видящий в уникальности своей нации нечто конечное, фактически отождествляет нацию с идеальной империей – стоическим космополисом, не имеющим ничего за пределами себя, либо к скептицизму, вызванному реалиями множества наций, каждая из которых оказывается atom'ом, фиксирующим наличие других через «упор», опыт границы. <...> ключевое содержание славянофильства в его собственных глазах – отыскать смысл национального (народного), дабы через это раскрылось универсальное, равно как и наоборот, поскольку национальное приобретает смысл только через универсальное. <...> «Смирение» понимается как сначала инстинктивное (применительно к поведению народа в древней русской истории), а затем и сознательное ограничение

своей воли: образами подобного смирения в отношении власти станут персонажи одного из наиболее славянофильских произведений гр. А.К. Толстого «Князь Серебряный» <...>. «Смирение» предстает как отречение от самовластия, согласно знаменитой формуле К.С. Аксакова: «сила власти – царю, сила мнения – народу». «Народ» (и «общество» <...>) добровольно отказывается от власти (что, собственно, и делает этот отказ моральным подвигом, в противном случае это было бы простой фиксацией бессилия), но при этом сохраняет за собой свободу мнения и последнее становится силой, с которой власть обязана считаться, если желает оставаться властью «народной». Смирение в результате оказывается высшим напряжением воли, подвигом, т. е. прямой противоположностью «покорности», поскольку это смирение не перед властью, а перед тем, ради чего существует и эта власть – смирение, дающее силы быть свободным, «ибо страх божий избавляет от всякого страха», как говорил К.С. Аксаков. <...> слабость схемы, предложенной К.С. Аксаковым, была очевидна – народ в ней оказывался безмолвствующим, «великим немым», который непонятен и, что куда болезненнее, и не может быть понят, поскольку голос принадлежит «публике»: остается только разгадывать, что же скрывается за молчанием народа – и это порождает восприятие всего, исходящего равно от государства и от «публики», как «ложного», ненародного – и, следовательно, в сущности пустого.

<...> <Ф.М. Достоевский, критиковавший эту концепцию>, писа<л> в V-й из «Ряда статей о русской литературе», что тем самым взгляд славянофилов становится неотличимо похож на созданный ими шаржированный образ «западника», ведь фактически отрицаемой, объявляемой пустой и ненужной, оказывается вся русская культура последних полутора столетий, вся история со времен Петра оказывалась ошибкой – или, если и неизбежным историческим этапом, то неспособным породить нечто действительно народное. Ф.М. Достоевский полемически остро называл эту позицию другой формой нигилизма – где во имя необнаруживаемого, едва ли не принципиально нефиксируемого объекта отвергается все наличное: и в такой перспективе уже не особенно важно, отвергается ли существующее ради прошлого или будущего – куда более существенным выступает всеобщий характер отрицания, оставляющий в настоящем, наличном лишь пустоту, nihil. Эта полемика имела содержание, существенно выходящее за пределы спора о литературе, поскольку Достоевский точно и болезненно для славянофилов фиксировал коренное затруднение их позиции – отсутствие субъекта, который мог бы быть активным носителем и выразителем того, что для славянофилов выступало под именем «народности».

Отмеченное концептуальное затруднение фиксировалось и самим славянофилами – и в начале 60-х годов И.С. Аксаков формулирует концепцию, призванную данное затруднение снять. <...> Он предлагает трехчленную формулу: «государство – общество – народ», в котором «общество» понимается как «орган осмысления народного бытия», тот субъект, который обладает самосознанием и способен перевести «народность», органически данную в «народе», на язык сознания – в обществе народ осознает самого себя, обретает сознание и сознательность. Продуктивность этой концепции, помимо прочего, и в том, что она позволяет ответить на существенный упрек «почвенников», не говоря уже о представителях «западнической» ориентации: реформы Петра и последующая эпоха также получают свой положительный смысл – они теперь осмысляются как время формирования «общества», время подготовки общественного самосознания <...>.

<...> Политическое и правовое у славянофилов оказываются нетождественными государству – они первичны по отношению к нему, и именно в этой перспективе становится понятным странное безразличие славянофилов к вопросам государственного устройства, государственного управления – с их точки зрения это вопросы технические, вторичные по отношению к фундаментальным политическим решениям, следующие за ними и потому решение первых естественным образом переопределяет государственные реалии.<...> Ю.Ф. Самарин в открытом письме к Александру II заявлял: «Если бы, в сознании всех подданных Империи, про-

свещенных и темных, образ Верховной Власти не отличался более или менее отчетливо от представления их о правительстве, самодержавная форма правления была бы немислима; ибо никогда никакое правительство не вознеслось бы на ту высоту, на которой стоит в наших понятиях Верховная Власть, и напротив, эта власть, ниспав на степень правительства, утратила бы немедленно благотворное обаяние своей нравственной силы». В этом понимании самодержавия явственно проявляется дворянский характер славянофильства – типичная враждебность к бюрократии, к выстраиваемому Николаем I «полицейскому (регулярному) государству», где бюрократия заменяет дворянство в его роли исполнителя государственной воли, но реакция эта, фиксируя возникающее и быстро набирающее силу «бюрократическое государство», одновременно ищет ему альтернативу на пути «прямого правления»: что проявится в странном и любопытном в концептуальном плане правлении Александра III, когда «реакция» использует формы, предвосхищающие будущие вождистские государства <...>. Если первоначально славянофилы (1840-х – 50-х гг.) могут быть однозначно отнесены к либеральным направлениям мысли <...>, то позднейшее развитие славянофильства демонстрирует нарастающее напряжение между либеральными основаниями и возрастающим консервативным тяготением. <...> Суть «консервативного» сдвига позднего славянофильства (в связи с чем в ретроспективе само славянофильство зачастую начинает оцениваться целиком как направление консервативного плана) связано с трансформацией самого (европейского) консерватизма, претерпевающего в 1860-е годы радикальные изменения. До этого момента решающим противником консерватизма было национальное движение – национализм, опирающийся на демократическую в своей основе идеологию национального тела и обретения им политической субъектности, противостоял сложившимся политическим образованиям и властям (и в этом смысле консервативный лагерь в Российской империи, напр., однозначно воспринимал славянофильство как противника, причем жесткость репрессий в отношении славянофилов была куда более однозначной и быстрой, чем аналогичные действия в отношении западников, в особенности если учесть малочисленность тогдашнего славянофильства). Позднее же славянофильство действует в ситуации, когда консервативная мысль и национализм все больше тяготеют к образованию идейных комплексов – и поскольку национализм выступает смысловым концептом, определяющим славянофильскую концепцию, то это вызывает смысловые подвижки славянофильства, попытки соединения названных идейных комплексов в новое целое [ТЕСЛЯ].

Социальную основу консервативно-охранительского движения 60-х – 70-х гг. составляло дворянство, особенно из числа крупных землевладельцев, духовенство, мещанство, небогатое купечество и значительная часть крестьянства. Во внутриполитической области консерваторы-охранители отстаивали незыблемость самодержавия, настаивали на укреплении позиций дворянства – основы государства и сохранении сословного деления общества. Они резко критически воспринимали развитие капиталистических отношений в России и все либеральные реформы, ратовали за неприкосновенность частной собственности, сохранение помещичьего землевладения и общины. Их основными идеологами, помимо старых славянофилов, были К. П. Победоносцев, граф Д.А. Толстой, М.Н. Катков⁷⁹, Ф.М. Достоевский, кн. В.П. Мещерский⁸⁰.

⁷⁹ М.Н. Катков, являвшийся главным редактором самой многотиражной русской газеты того времени «Московские ведомости», на ее страницах проводил консервативно-оппозиционную критическую политику по отношению к реформам Александра II, а затем обеспечивал идеологическую поддержку контрреформам Александра III, включая проведение ряда националистических акций по устранению «инородцев» из состава кабинета министров.

⁸⁰ В.П. Мещерский получил одиозную известность как «тубадур реакции 80-90-х годов. Сей господин, прославлявший национальную потребность в розгах («как нужна соль русскому человеку, так ему нужны розги»), «презренный представитель заднего крыльца», «негодяй, наглец, человек без совести», к тому же ещё «трижды обличенный в мужеложство», был личным другом Александра III. Его журнал «Гражданин» субсидировался царем и считался поэтому в осведомленных кругах «царским органом», «настойной книгой царей». И.С. Тургенев писал о нём в 1872 году, то есть ещё тогда, когда «Гражданин» не был столь реакционен, как в 80-е годы: «Это, без сомнения, самый зловонный журналец из всех ныне на Руси выходя-

Распространению их идей способствовали чиновничье-бюрократический аппарат, церковь и реакционная печать. Так, например, М. Н. Катков в газете «Московские ведомости» подталкивал деятельность правительства в реакционном направлении, формулировал основные идеи консерватизма и формировал в этом духе общественное мнение. И старые славянофилы и близкие им в идейном отношении консерваторы-семидесятники, будучи охранителями-государственниками, ненавидели социальный прогресс, традиционно отстаивая самодержавие, православие и народность вкупе со «всеславянским единством» под скипетром российских императоров. Являясь апологетами христианского антисемитизма⁸¹, они манифестировали юдофобские взгляды и ратовали за проведение политики государственного антисемитизма в Российской империи. В 70-е годы одним из апологетов теоретического антисемитизма в русской прессе стал крещеный еврей Я. Брафман, опубликовавший ряд антисемитских статей и утверждавший, что Талмуд – это «гражданско-политический кодекс, устанавливающий раздельность, поддерживающий фанатизм и невежество и во всех своих определениях идущий против течения политического и нравственного развития христианских стран» [ЭНГЕЛЬ].

Ему вторили известные русские писатели, поэты и ученые славянофильской ориентации – И. Аксаков, Н. Костомаров, украинофил Пантелеймон Кулиш и др., а так же такой яркий писатель и публицист либерально-критического направления, как Николай Лесков. Они публиковали статьи, в которых утверждалось, что евреи из-за своей религии стоят якобы особняком от других народов, что они являются угнетателями русского и украинского крестьянства и пр. Особенно усердствовал Иван Аксаков, обвинявший «русских Моисеева закона», в том, что они не имеют других занятий, кроме торгашества в том или другом виде. Ни фабрик, ни заводов евреи не держат – ни каменщиков, ни плотников, ни другого рода рабочих из них не бывает: только мелкие ремесла, извозничество и торговое посредничество во всех формах – вот их призвание;

декларировавший, что:

Предубеждение против евреев врожденно каждому христианину;

уверявший русскую общественность, что:

Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев. <...> Если еврейский вопрос действительно будет рассматриваться теперь в высших правительственных сферах, то единственное правильное к нему отношение – это изыскание способов не расширения еврейских прав, но избавления русского населения от еврейского гнета. Гнет этот пока экономический, но с распространением высшего образования в еврейской среде, повторяем, он примет иной вид и образ – образ гнетущей русский народ «либеральной интеллигенции», да еще, пожалуй, во имя народа [АКСАКОВ И.], [КЛИЕР (II) и (III)].

Самой крупной и авторитетной фигурой из юдофобствующих литераторов правого лагеря, несомненно, был великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. По «Дневнику писателя» – сборнику публицистических статей и художественных произведений (рассказы, очерки, воспоминания), опубликованных Достоевским в Ст. – Петербурге в 1873–1881 гг., – см. [ДОСТ-ДП], интересующийся «эпохой великих реформ» читатель можно составить достаточно ясное представление о проблематике, которая ставилась на повестку дня охранителями-государственниками. Касается это и «еврейского вопроса», который они всегда считали одним из самых «жгучих» на политической повестке дня. Достоевский мушкетировал этот вопрос со свойственной ему страстностью, и хотя во всеуслышание категорически отмежевы-

щих» [ТРОИЦКИЙ Н. (II)].

⁸¹ Например, крупнейший теоретик раннего славянофильства А.С. Хомяков писал в «Исторических записках», что: «Иудей после Христа есть живая бессмыслица, не имеющая разумного существования и потому никакого значения в историческом мире» [АКСАКОВ И.].

вался от обвинения в жидоудстве – «я вовсе не враг евреев и никогда им не был», – название «антисемит» прочно закрепилось за ним. Даже такой «чуткий, самобытный и искусный» – по оценке И.Ф. Анненского, литературный критик как А.Г. Горнфельд⁸² начинает статью о нем в «Еврейской энциклопедии» словами:

Достоевский Фёдор Михайлович (1881–1881) – знаменитый русский писатель, один из значительнейших выразителей русского антисемитизма [ЕЭБ-Э. С. 310].

Полемика на сей счет ведется и по сей день, ибо. К сожалению, для нее имеются веские основания: в различных текстах того же «Дневника писателя», например, можно встретить высказывания, которые и поныне никак невозможно сопрягать вместе с такими остревыми для мировоззрения Достоевского понятиями, как «любовь к ближнему своему», «братство всех людей» или же «прекрасному делу настоящего братского единения с чуждыми им по вере и по крови людьми». Так, например, феномен истерической юдофобии – как ответ на эмансипацию евреев, он объяснял не экономическими и даже не культурологическими причинами, а сугубо иррациональными, которые, говоря современным языком, являлись проявлением «коллективного бессознательного»:

Тут не одно только самосохранение является главной причиной, а некоторая идея, движущая и влекущая, нечто такое мировое и глубинное, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова.

Верхушка иудеев воцаряется все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Идея жидовская охватывает весь мир. На протяжении 40-вековой истории евреев двигала ими всегда одна лишь к нам безжалостность <...> безжалостность ко всему, что не есть еврей <...> и одна только жажда напиться нашим потом и кровью.

Жид и банк – господин уже теперь всему: и Европе, и просвещению, и цивилизации, и социализму, социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет Христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет в безначалии.

Наступит нечто такое, чего никто не мыслит <...> Все эти парламентаризмы, все гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки <...> все рухнет в один миг бесследно, кроме евреев, которые тогда одни сумеют так поступить и все прибрать к своим рукам.

Да, Европа стоит на пороге ужасной катастрофы <...> хозяином, владыкой всего без изъятия и целой Европы является еврей и его банк <...>. Иудейство и банки управляют теперь всем и вся, как Европой, так и социализмом, так как с его помощью иудейство выдернет с корнями Христианство и разрушит Христианскую культуру. И даже если ничего как только анархия будет уделом, то и она будет контролируемая евреем. Так как, хотя он и проповедует социализм, тем не менее он остается со своими сообщниками-евреями вне социализма. Так что, когда все богатство Европы будет опустошено, останется один еврейский банк. <...> Революция жидовская должна начаться с атеизма, так как евреям надо низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию и святой и великой!

Укажите на какое-нибудь другое племя из русских инородцев, которое бы, по ужасному своему влиянию, могло бы равняться в этом смысле с евреем. Не найдёте такого; в этом смысле евреи сохраняют всю свою оригинальность перед другими русскими инородцами, а причина того, конечно, этот «статус ин статус» (государство в государстве) его, дух которого дышит

⁸² Горнфельд с 1895 г. являлся ведущим литературным критиком народнического журнала «Русское богатство». Его статьи, как правило, снабжены аппаратом доказательств и отличаются острой словесной формой. Большую внутреннюю близость чувствовал он к А. Чехову, о котором написал несколько интересных аналитических статей, см., например: *Горнфельд А.Г. Чеховские финалы* // Красная новь. 1939. № 8, 9. С. 286–300: URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2009/12/chehovskie-finally.html>

именно этой безжалостностью ко всему, что не есть еврей, этим неуважением ко всякому народу и племени, и ко всякому человеческому существу, кто не есть еврей.

Жида погубят Россию!

Интернационал распорядился, чтобы еврейская революция началась в России. И начнётся <...> Ибо нет у нас для неё надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнётся с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы, стойла; зальют мир кровью <...>. Евреи сгубят Россию и станут во главе анархии. Жид и его Кагал – это заговор против русских.

Евреи всегда живут ожиданием чудесной революции, которая даст им свое «жидовское царство»: Выйди из народов и <...> знай, что с сих пор ты един у Бога, остальных истреби или в рабов обрети, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе.

Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своем не общайся. И даже когда лишишься земли своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами – все равно верь всему тому, что тебе обещано раз и навсегда, верь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и – ожидай, ожидай.

Ну, что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собой в правах? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили бы до тла, до окончательного истребления, как делали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?

В окраинах наших спросите коренное население, что двигает евреев и что двигало их столько веков. Получите единогласный ответ: безжалостность; двигала их столько веков одна лишь к нам безжалостность и одна лишь жажда напиться нашим потом и кровью⁸³.

Подробный анализ высказываний Достоевского о евреях и еврействе, как и обсуждение самой темы «Достоевский и еврейство» – см. одноименную статью одного из авторитетных исследователей творчества писателя [ШТЕЙНБЕРГ], выходит за рамки нашей книги. Мы ограничимся вышеприведенными цитатами, которые, как нам представляется, наглядно свидетельствуют о высоком градусе антисемитских настроений в мировоззренческой полемике 1860-х – 1870-х гг.

Достоевский был одним из первых отечественных мыслителей пытавшихся формулировать то, что сегодня называется «русская национальная идея». Однако, отметим, что Чехов не входил в число его поклонников: ни как писателя и ни как христианского мыслителя. Более того, он утверждал, что в молодости его якобы не читал, отложил на потом – когда ему стукнет 40 лет. На самом деле Чехов, конечно же, был знаком с основными произведениями Достоевского, кое какие его книги, возможно, он прочел еще будучи в гимназии. О том, что Чехов читал Достоевского, свидетельствуют замечания в его письмах последних лет жизни:

Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий. При сем посылаю Вам обратно <после корректуры – М.У.>2 рассказа г-жи Орловой. <...> Из «Наташи» <...> получилось нечто во вкусе Достоевского, что, как мне думается, можно напечатать, только Вы еще раз прочтите в корректуре. Г-жа Орлова не без наблюдательности, но уж больно груба и издергалась. Ругается, как извозчик, и на жизнь богачей-аристократов смотрит оком прачки.

<...> в таком сложном абсурде, как жизнь бедняжки Висновской⁸⁴, мог бы разобраться разве один только Достоевский.

⁸³ Большинство цитируемых высказываний взято из второй главы мартовского «Дневника писателя» за 1877 год.

⁸⁴ Чехов отговаривает Елену Шаврову от ее задумки написать роман на тему трагической истории о том как известную

Ваш рассказ «Странное происшествие» прочел. Очень интересно. Похоже, будто это писали Вы, начитавшись Достоевского. Очевидно, в ту пору, когда Вы писали этот рассказ, манера Достоевского была в большем фаворе, чем манера Толстого.

Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, – само по себе, а вся современная культура – сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога – т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура – это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает⁸⁵.

Представление о неприятии творчества Достоевского в целом – и как писателя, и как мыслителя профетического толка, во многом базируются на психофизическом анализе портрета Чехова. Если взглянуть в него, то обнаружится, что и постоянное колебание чеховского ума между «есть Бог» и «нет Бога», и обостренное чувство ускользающей жизни, и концептуально – смысловая незавершенность чеховских текстов, в которых стремление героя разрешить важный для него вопрос приводит к окончательному увязанию в его «непроходимой» сложности, то есть все то, что считается аксиомами философского адогматизма, – может быть истолковано в качестве объективации распадающихся составляющих тревожной души, бессильной, несмотря на отчаянные попытки волевого самоурегулирования, собрать их в цельный узел (излишне добавлять, что объективация – бесспорно гениальная). Чехов не любил «мировоззрений» и не любил ни громких слов, ни повышенного тона, ни выставления напоказ своих чувств, ни надрыва, ни преувеличений. Когда при нем кто-то пожаловался – «рефлексия заела, Антон Павлович», Чехов ответил – «а Вы водки меньше пейте» [БОЛОГОВ].

Как тип личности Достоевский для Чехова был во всем «чересчур уж чересчур»: слишком категоричен, декларативно идеен и одновременно «груб и издерган»⁸⁶

актрису Висновскую застрелил в Варшаве ее любовник. Через много лет на этот сюжет написал рассказ Иван Бунин («Дело корнета Елагина»).

⁸⁵ А.П. Чехов – А.С. Суворину, 5 марта 1889 г. и 1 ноября 1889 г. (Москва); Е.М. Шавровой, 28 мая 1891 г. (Алексин); А.С. Суворину, 27 июля 1896 г. (Мелихово); С.П. Дягилеву, 30 декабря 1902 г. (Ялта).

⁸⁶ В принципе это же можно сказать, характеризуя в целом его отношение к Лескову, несмотря на выражаемые им знаки дружественности и внимания к этому писателю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.